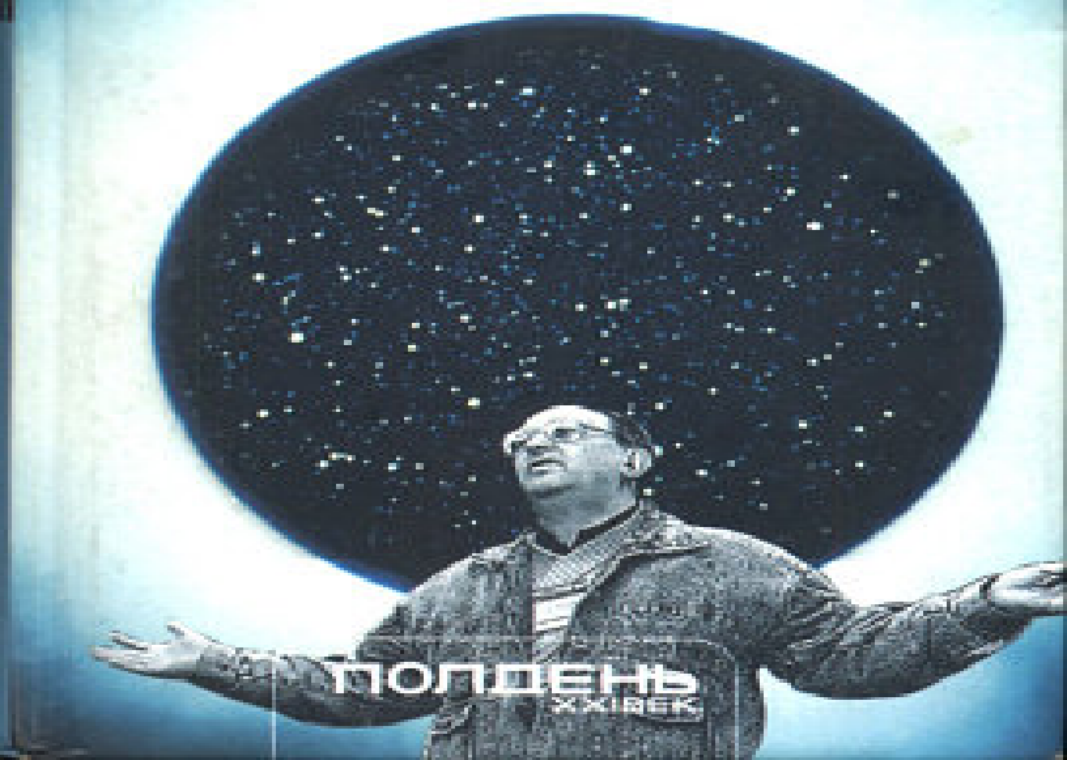
библиотека журнала бориса стругацкого

БОРИС СТРУГАЦКИЙ

комментарии к пройденному



SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Аннотация издательства: «Комментарии к пройденному» — история легендарного творческого союза Аркадия и Бориса Стругацких (АБС), история возникновения и воплощения их литературных замыслов, веселая и драматическая история судьбы людей, идей и книг.

***

«Комментарий к пройденному» является, по сути, Книгой Жизни двух наиболее известных отечественных писателей-фантастов, Бориса и Аркадия Натановича Стругацких. Книга рассказывает о том, как шаг за шагом (с 1955 до конца 1990-х гг.) создавались литературные произведения фантастов. Здесь можно найти абсолютно все: от азов литературной кухни до самых сокровенных планов и замыслов. Как называлась «повесть о магах и колдунах» «Понедельник начинается в субботу» до появления ее привычного названия? С какой записи родился «Пикник на обочине»? Кто действовал там до возникновения образа сталкеров? Какими невероятными усилиями авторам удалось напечатать «Град обреченный»? Что означает теперешний литературный псевдоним Бориса Стругацкого — «С. Витицкий», и тысячи других, больших и малых, но одинаково важных деталей и подробностей творчества мэтров русской фантастики.

В этом файле представлено т.н. "стоговское издание" 2003 года, вышедшее отдельной книгой. Оно несколько отличается по составу от ранее изданных ("сталкеровское издание" в составе ПСС - 2001г., и "журнальный вариант" - 1998г.).

- Борис Стругацкий
  - ВМЕСТО ПРОЛОГА:
  - ГЛАВА ПЕРВАЯ: 1955-1959
    -
    - 1
    - 2
    - 3
  - ГЛАВА ВТОРАЯ: 1960-1962
    - 4
    - 5
  - ГЛАВА ТРЕТЬЯ: 1962-1964
    - 6
    - 7
    - 8

        - 9
        - 10
    - ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ: 1965-1968
        - 11
        - 12
        - 13
        - 14
    - ГЛАВА ПЯТАЯ: 1969-1971
        - 15
        - 16
        - 17
    - ГЛАВА ШЕСТАЯ: 1972-1978
        - 18
        - 19
        - 20
        - 21
        - КИНОСЦЕНАРИИ
        - С. ЯРОСЛАВЦЕВ, ИЛИ КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ОДНОГО ПСЕВДОНИМА
    - ГЛАВА СЕДЬМАЯ: 1979-1986
        - 22
        - 23 и 24
        - 25
    - ГЛАВА ВОСЬМАЯ: 1987-1991
        - 26
        - 27
    - ВМЕСТО ЭПИЛОГА
    - ПОСТСКРИПТУМ: 8 ВОПРОСОВ БОРИСУ СТРУГАЦКОМУ ОТ ИЛЬИ СТОГОВА
- notes
    - 1

Борис Стругацкий
Комментарии к пройденному

ВМЕСТО ПРОЛОГА: НАША БИОГРАФИЯ

(Данный текст составлен Аркадием Натановичем по настоятельной просьбе кого-то из переводчиков в Москве, 20 августа 1986 года, а прокомментирован Борисом Натановичем в Санкт-Петербурге 22 апреля 1998 года)

АН. Аркадий родился 28 августа 1925 года в грузинском городе Батуми на берегу Черного моря. Борис родился 15 апреля 1933 года в русском городе Ленинграде на берегу Финского залива.

БН. *Много лет назад мы развлекались, вычисляя «день рождения братьев Стругацких», то есть дату, равноудаленную от 28 августа 1925 года и 15 апреля 1933 года. Для людей, знакомых с (чисто астрономическим) понятием юлианского дня, задача эта не представляет никаких трудностей. День рождения АБС есть, оказывается, 21 июня 1929 года — день летнего солнцестояния. Желающие могут принять это обстоятельство к сведению и делать из него сколь угодно далеко идущие астрологические выводы.*

АН. Семья наша была несколько необычной даже по меркам тогдашнего необычного времени — первого десятилетия после победы Великой Революции.

Наш отец, Натан Стругацкий, сын провинциального адвоката, вступил в Партию большевиков в 1916 году, участвовал в Гражданской войне комиссаром кавалерийской бригады и затем политработником у замечательного советского полководца Фрунзе, после демобилизации работал партийным функционером на Украине, причем по специальности он был искусствоведом, человеком глубоко и широко образованным.

Мать же, Александра Литвинчева, была дочкой мелкого прасола (торгового посредника между крестьянами и купцами), простой, не очень грамотной девушкой. В родном городке на северо-востоке Украины она встретилась с Натаном Стругацким, вышла за него замуж против воли родителей и, как водится, была проклята за мужа-еврея. В дальнейшем судьба их сложилась интересно и поучительно, при всех ее поворотах они верно и крепко любили друг друга, но мы пишем свою, а не их биографию и здесь заметим только, что в январе 1942 года отец, сотрудник

знаменитой Публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде и командир роты народного ополчения, погиб при попытке выбраться из блокированного немцами города, а мать всего несколько лет назад тихо скончалась пенсионером, в звании заслуженной учительницы Российской Федерации и кавалера ордена «Знак Почета».

Вскоре после рождения Аркадия отец был направлен на партийную работу в Ленинград, там Аркадий вырос и прожил до ужасного января 1942 года. За это время родился его младший брат и будущий соавтор Борис Стругацкий.

***БН**. Я почти не помню отца. Все, что я знаю о нем, известно мне от мамы, в частности — из оставленных ею воспоминаний. Он был честнейшим и скромнейшим человеком. Он был верным большевиком-ленинцем, безукоризненно выполнявшим любую работу, на которую бросала его партия. Никаких особо высоких постов никогда не занимал, но во время и сразу после Гражданской, по утверждению мамы, «носил на френче два ромба. По тому времени это чин генерала». Потом в Батуми, после демобилизации, был редактором газеты «Трудовой Аджаристан». Потом в Ленинграде — сотрудником Главлита. Потом в 1933-м (в день моего рождения!) брошен был на сельское хозяйство — начальником политотдела Прокопьевского зерносовхоза в Западной Сибири. А в 1936 году назначен был «начальником культуры и искусств города Сталинграда». (Видимо, заведующим отдела культуры то ли горкома партии, то ли горисполкома.)*

Здесь в 1937 году его исключили из партии — формально за антипартийные и антисоветские высказывания («заявлял, что Н. Островский — щенок по сравнению с Пушкиным, и утверждал, что советским художникам надо учиться у иконописца Рублева»), а фактически за то, видимо, что стоял у тамошнего начальства поперек горла: «запретил бесплатные ложи и первые кресла для начальства, ввел для начальства платный вход в театр и кино, отменил всяческие начальственные льготы, изучил бухгалтерию, обнаружил незаконные перерасходы, ложные накладные» и пр. Как я теперь понимаю, чудом избежал ареста и уничтожения, ибо сразу же уехал в Москву хлопотать о восстановлении и хлопотал об этом всю оставшуюся жизнь.

В июне 1941-го пришел в военкомат, но в действующую армию его не взяли — 49 лет и порок сердца. А в ополчение — взяли, уже в конце сентября, когда блокада стала свершившимся фактом, и он успел еще повоевать на Пулковских высотах, но в январе 1942-го был комиссован вчистую — опухший от голода, полумертвый, с останавливающимся сердцем.

АН. Началась война, город осадили немцы и финны. Аркадий участвовал в строительстве оборонительных сооружений, затем, осенью и в начале зимы 1941-го, работал в мастерских, где производились ручные гранаты. Между тем положение в осажденном городе ухудшалось. К авиационным налетам и бомбардировкам из сверхтяжелых мортир прибавилось самое худшее испытание — лютый голод. Мать и Борис кое-как еще держались, а отец и Аркадий к середине января 1942-го были на грани смерти от дистрофии. В отчаянии мать, работавшая тогда в районном исполкоме, всунула мужа и старшего сына в один из первых эшелонов на только что открытую «Дорогу Жизни» через лед Ладожского озера.

***БН**. Это было не совсем так. Тогдашняя мамина работа в Выборгском райжилотделе здесь совсем ни при чем. Просто открылась возможность уехать вместе с последней партией сотрудников Публичной библиотеки, которые не успели эвакуироваться вместе с библиотекой еще осенью в город Мелекесс. В семье считалось, что малолетний Борис эвакуации не выдержит, и потому заранее решено было разделиться. Все произошло внезапно, «…паровоз был уже под парами, — пишет мама. — Когда я вернулась с работы, их уже не было. Один Боренька сидел в темноте в страхе и в голоде…» Мне кажется, я запомнил минуту расставания: большой отец, в гимнастерке и с черной бородой, за спиной его, смутной тенью, Аркадий и последние слова: «Передай маме, что ждать мы не могли…» Или что-то в этом роде.*

АН. Мать и Борис остались в Ленинграде, и как ни мучительны были последующие месяцы блокады, это все же спасло их. На «Дороге Жизни» грузовик, на котором ехали отец и Аркадий, провалился под лед в воронку от бомбы. Отец погиб, а Аркадий выжил. Его с грехом пополам довезли до Вологды, слегка подкормили и отправили в Чкаловскую область (ныне Оренбургская). Там он оправился окончательно и в 1943-м был призван в армию.

БН. Они уехали 28 января 1942 года, оставив нам свои продовольственные карточки на февраль (400 граммов хлеба, 150 «граммов жиров» да 200 «граммов сахара и кондитерских изделий»). Эти граммы, без всякого сомнения, спасли нам с мамой жизнь, потому что февраль 1942-го был самым страшным, самым смертоносным месяцем блокады.

Они уехали и исчезли, как нам казалось тогда, — навсегда. В ответ на отчаянные письма и запросы, которые мама слала в

Мелекесс, в апреле 1942-го пришла одна-единственная телеграмма, беспощадная, как война: «НАТАН СТРУГАЦКИЙ МЕЛЕКЕСС НЕ ПРИБЫЛ». Это означало смерть. (Я помню маму у окна с этой телеграммой в руке — сухие глаза ее, страшные и словно слепые.) Но 1 августа 1942-го в квартиру напротив, где до войны жил школьный дружок АН, пришло вдруг письмо из райцентра Ташла, Чкаловской области. Само это письмо не сохранилось, но сохранился список с него, который мама сделала в тот же день.

«Здравствуй, дорогой друг мой! Как видишь, я жив, хотя прошел или, вернее, прополз через такой ад, о котором не имел ни малейшего представления в дни жесточайшего голода и холода...

Мы выехали морозным утром 28 января. Нам предстояло проехать от Ленинграда до Борисовой Гривы — последней станции на западном берегу Ладожского озера. Путь этот в мирное время проходился в два часа, мы же голодные и замерзшие до невозможности приехали туда только через полтора суток.

*(Позволю себе напомнить: эвакуация шла в дачных, неотопляемых вагонах, температура же в те дни не поднималась выше 25 градусов мороза. — **БН**)*

Когда поезд остановился и надо было вылезать, я почувствовал, что совершенно окоченел. Однако мы выгрузились. Была ночь. Кое-как погрузились в грузовик, который должен был отвезти нас на другую сторону озера (причем шофер ужасно матерился и угрожал ссадить нас). Машина тронулась. Шофер, очевидно, был новичок, и не прошло и часа, как он сбился с дороги и машина провалилась в полынью. Мы от испуга выскочили из кузова и очутились по пояс в воде (а мороз был градусов 30).

Чтобы облегчить машину, шофер велел выбрасывать вещи, что пассажиры выполнили с плачем и ругательствами (у нас с отцом были только заплечные мешки). Наконец машина снова тронулась, и мы, в хрустящих от льда одеждах, снова влезли в кузов. Часа через полтора нас доставили на ст. «Жихарево» — первая заозерная станция.

Почти без сил, мы вылезли и поместились в бараке. Здесь, вероятно, в течение всей эвакуации начальник эвакопункта совершал огромное преступление — выдавал каждому эвакуированному по буханке хлеба и по котелку каши. Все накинулись на еду, и когда в тот же день отправлялся эшелон на Вологду, никто не смог подняться. Началась дизентерия. Снег вокруг бараков и нужников за одну ночь стал красным. Уже тогда отец мог едва передвигаться. Однако мы погрузились. В нашей теплушке или, вернее, холодушке было человек 30. Хотя печка была, но не было дров...

Поезд шел до Вологды 8 дней. Эти дни как кошмар. Мы с отцом

примерзли спинами к стенке. Еды не выдавали по 3-4 дня. Через три дня обнаружилось, что из населения в вагоне осталось в живых человек пятнадцать. Кое-как, собрав последние силы, мы сдвинули всех мертвецов в один угол, как дрова. До Вологды в нашем вагоне доехало только одиннадцать человек. Приехали в Вологду часа в 4 утра. Не то 7, не то 8 февраля. Наш эшелон завезли куда-то в тупик, откуда до вокзала было около километра по путям, загроможденным длиннейшими составами. Страшный мороз, голод и ни одного человека кругом. Только чернеют непрерывные ряды составов.

Мы с отцом решили добраться до вокзала самостоятельно. Спотыкаясь и падая, добрались до середины дороги и остановились перед новым составом, обойти который не было возможности. Тут отец упал и сказал, что дальше не сделает ни шагу. Я умолял, плакал — напрасно. Тогда я озверел. Я выругал его последними матерными словами и пригрозил, что тут же задушу его. Это подействовало. Он поднялся, и, поддерживая друг друга, мы добрались до вокзала...

Больше я ничего не помню. Очнулся в госпитале, когда меня раздевали. Как-то смутно и без боли видел, как меня стащили носки, а вместе с носками кожу и ногти на ногах. Затем заснул. На другой день мне сообщили о смерти отца. Весть эту я принял глубоко равнодушно и только через неделю впервые заплакал, кусая подушку...»

Ему, шестнадцатилетнему дистрофику, еще предстояло тащиться через всю страну, до города Чкалова — двадцать дней в измученной, потерявшей облик человеческий, битой-перебитой толпе эвакуированных («выковыренных», как их тогда звали по России). Об этом куске своей жизни он мне никогда и ничего не рассказывал. Потом, правда, стало полегче. В Ташле его, как человека грамотного (десять классов), поставили начальником «маслопрома» — пункта приема молока у населения. Он отъелся, кое-как приспособился, оклемался, стал писать в Ленинград, послал десятки писем — дошло всего три, но хватило бы и одного: мама тотчас собралась и при первой же возможности, схватив меня в охапку, кинулась ему на помощь. Мы еще успели немножко пожить все вместе, маленькой ампутированной семьей, но в августе Аркадию исполнилось семнадцать, а 9 февраля 1943-го он уже ушел в армию. Судьба его была — окончив Актюбинское минометное училище, уйти летом 1943-го на Курскую дугу и сгинуть там вместе со всем своим курсом. Но...

АН. Судьба распорядилась так, что он стал слушателем японского отделения Восточного факультета Военного института

иностранных языков. За время его службы в этом качестве ему довелось быть свидетелем и участником многих событий, но для настоящей биографии имеет смысл отметить только два: самое счастливое — победа над немецким фашизмом и японской военщиной в 1945 году; и самое интересное — в 46-м его, слушателя третьего курса, откомандировали на несколько месяцев работать с японскими военнопленными для подготовки Токийского и Хабаровского процессов над японскими военными преступниками. Было еще и событие глупое: перед выпуском в 1949 году Аркадий скоропалительно женился, и не прошло и двух лет, как молодая жена объявила, что вышла ошибка, и они разошлись. Слава богу, детей у них не случилось.

После окончания института и до демобилизации в 1955 году Аркадий служил на Дальнем Востоке, и это был, вероятно, самый живописный период в его жизни. Ему довелось испытать мощное землетрясение. Он был свидетелем страшного удара цунами в начале ноября 1952 года. Он принимал участие в действиях против браконьеров (это было очень похоже на то, что в свое время описал Джек Лондон в своих «Приключениях рыбачьего патруля»)... И еще возникло тогда некое обстоятельство, которое в значительной степени определило его (и Бориса) дальнейшую судьбу. Судьбу писателей.

В марте, кажется, 1954 года американцы взорвали на одном из островков Бикини свою первую водородную бомбу. Островок рассыпался в радиоактивную пыль, и под мощный выпад этой «горячей пыли», «пепла Бикини» попала японская рыболовная шхуна «Счастливый Дракон № 5». По возвращении к родным берегам весь экипаж ее слег от лучевой болезни в самой тяжелой форме. Теперь это уже история — и порядком даже подзабытая, — а в те дни и месяцы мировая пресса очень и очень занималась всеми ее перипетиями.

И именно в те дни и месяцы Аркадий по роду своих обязанностей на службе ежедневно имел дело с периодикой стран Дальневосточного «театра» — США, Австралии, Японии и т. д. Вместе со своим сослуживцем Львом Петровым изо дня в день Аркадий следил за событиями, связанными со злосчастным «Драконом». И вот, когда умер Кубояма, радист шхуны, первая жертва «пепла Бикини», Лев Петров объявил, что надлежит написать об этом повесть. Он был очень активным и неожиданным человеком, Лева Петров, и идеи у него тоже всегда были неожиданные. Но писать Аркадию давно хотелось, только раньше он об этом не подозревал. И они вдвоем с Львом Петровым написали повесть «Пепел Бикини».

Впоследствии Лев Петров стал большим чином в советском

Агентстве печати «Новости», Аркадий не раз встречался с ним в Москве, хотя пути их разошлись. Он безвременно умер в середине 1960-х.

***БН**. «...писать Аркадию давно хотелось, только раньше он об этом не подозревал...»*

Еще как подозревал! Уже написаны к тому времени были и «Как погиб Канг», и рассказик «Первые», и вовсю шла подготовка к будущей «Стране багровых туч». Я не говорю уж о зубодробительном фантастическом романе «Находка майора Ковалева», написанном (от руки, черной тушью, в двух школьных тетрадках) перед самой войной и безвозвратно утраченном во время блокады.

АН. К огромному изумлению Аркадия «Пепел Бикини» был напечатан. Сначала в журнале «Дальний Восток» (во Владивостоке), затем в журнале «Юность» и отдельной книжкой в издательстве «Детгиз» (в Москве). Но это было уже после демобилизации Аркадия.

А демобилизовался он в июне 1955-го и сначала поселился у мамы в Ленинграде. К тому времени он был уже второй раз женат, и у него было двое детей — дочка трех лет и дочка двух месяцев. И в Ленинграде он крепко и навсегда сдружился с братом своим, Борисом. До того братья встречались от случая к случаю, не чаще раза в год, когда Аркадий приезжал в отпуск — сначала из Москвы, затем с Камчатки и из Приморья. И вдруг Аркадий обнаружил не юнца, заглядывающего старшему брату в рот, а зрелого парня с собственными суждениями обо всем на свете, современного молодого ученого, эрудита и спортсмена. Он закончил математико-механический факультет Ленинградского университета по специальности «звездный астроном», был приглашен аспирантом в Пулковскую обсерваторию и работал там над проблемой происхождения двойных и кратных звезд.

Выяснилось, что у нас сходные взгляды на науку и литературу, выяснилось также, что и Бориса давно уже тянет писать, а к шансам на опубликование «Пепла Бикини» он отнесся скептически, и не потому, что повесть так уж плоха, а просто не верит он, что в писатели выходят так легко. Много, много было у нас бесед, споров и совещаний за те месяцы, последние месяцы 1955 года.

В начале 1956 года Аркадий переехал в Москву и для начала поступил работать в Институт научной информации, а затем перешел в Восточную редакцию крупнейшего в стране издательства художественной литературы, именовавшегося тогда

«Гослитиздат».

Как уже упоминалось, за это время трижды была опубликована повесть Л. Петрова и А. Стругацкого «Пепел Бикини», и Борис Стругацкий поверил наконец, что не боги горшки обжигают, и мы написали первое свое научно-фантастическое произведение «Страна багровых туч» и отдали его в издательство «Детская литература», и уже рукопись этого произведения удостоилась премии на конкурсе Министерства просвещения Российской Федерации, а в 1959-м повесть эта вышла первым изданием, и еще ее переиздавали в 1960 и 1969 годах. И мы принялись работать.

1960 — «Путь на Амальтею», «Шесть спичек».

1961 — «Возвращение (Полдень, XXII век)».

1962 — «Стажеры», «Попытка к бегству».

1963 — «Далекая Радуга».

1964 — «Понедельник начинается в субботу». Одновременно Аркадий активно занимался переводами японской классики.

Одновременно Борис ходил в археологические экспедиции и участвовал в поисках места для сооружения телескопа-гиганта, а также обучался на инженера-программиста.

***БН**. Уточнение. Борис никогда не обучался на инженера-программиста. Диссертацию ему защитить не удалось, ибо в последний момент (вот это был удар!) выяснилось, что построенная им, не лишенная изящества теория уже была построена и даже опубликована в малоизвестном научном журнале еще в 1943 году. Автором этой теории был, правда, великий астроном Чандрасекар, но от этого было не легче. Диссертация рухнула.*

Борис пошел работать на Пулковскую счетную станцию в должности «инженера-эксплуатационника по счетно-аналитическим машинам». Профессионального ученого из него не вышло, хотя еще много-много лет он с огромным удовольствием занимался разнообразными теоретическими изысканиями в области звездной астрономии. Но только как любитель. И, как любитель, самопально осваивал программирование на ЭВМ, сделавшись со временем не самым безнадежным из юзеров-чайников.

АН. Собственно, можно утверждать, что событийная часть нашей биографии закончилась в 1956 году. Далее пошли книги. (Кто-то не без тонкости заметил: биография писателя — это его книги.) Но никогда не бывает вредно определить причинно-следственные связи времени и событий.

Почему мы посвятили себя фантастике? Это, вероятно, дело сугубо личное, корнями своими уходящее в такие факторы, как детские и юношеские литературные пристрастия, условия воспитания и обучения, темперамент, наконец. Хотя и тогда еще, когда писали мы фантастику приключенческую и традиционно-научную, смутно виделось нам в фантастическом литературном методе что-то мощное, очень глубокое и важное, исполненное грандиозных возможностей.

Оно определилось для нас достаточно явственно несколько позже, когда мы поднабрались опыта и овладели ремеслом: фантастическому методу имманентно присуще социально-философское начало, то самое, без которого немыслима высокая литература. Но это, повторяем мы, сугубо личное. Это — в сторону.

Гораздо уместнее ответить здесь на другой вопрос: какие ВНЕШНИЕ обстоятельства определили наш успех с первых же наших шагов в литературе? Этих обстоятельств по крайней мере три.

Первое. Всемирно-историческое: запуск первого спутника в 57-м.

Второе. Литературное: выход в свет в том же 57-м великолепной коммунистической утопии Ивана Ефремова «Туманность Андромеды».

Третье. Издательское: наличие в те времена в издательстве «Молодая гвардия» и в издательстве «Детская литература» превосходных редакторов, душевно заинтересованных в возрождении и выходе на мировой уровень советской фантастики.

Совпадение во времени этих обстоятельств и нашего выхода на литературную арену и определило, как нам кажется, наш успех в 60-х годах.

***БН**. И снова уточнение. По поводу составляющих успеха.*

Наши добрые друзья и замечательные редакторы: Сергей Георгиевич Жемайтис, Бела Григорьевна Клюева и Нина Матвеевна Беркова — да, несомненно! Без них нам было бы втрое тяжелее, они защищали нас перед тупым и трусливым начальством, отстаивали наши тексты в цензуре, «пробивали» нас в издательские планы — в те времена, когда Издатель был — ВСЕ, а Писатель, в особенности начинающий, — НИЧТО.

«Туманность Андромеды» — да, пожалуй. Ефремов продемонстрировал нам, молодым тогда еще щенкам, какой может быть советская фантастика — даже во времена немцовых, сапариных и охотниковых — вопреки им и им в поношение.

Но вот при чем здесь искусственный спутник?

Другое дело, что нам повезло начать литературную работу свою в период Первой Оттепели; когда одна за другой стали раскрываться страшные тайны мира, в котором нам довелось родиться и существовать; когда весь советский народ, вся наша несчастная Страна Дураков начала стремительно умнеть и понимать — и нам довелось и повезло умнеть и понимать вместе со всеми, совсем ненамного обгоняя большинство и, слава богу, отнюдь от него не отставая.

Открытия, которые мы делали для себя, становились одновременно открытиями и для самых квалифицированных из наших читателей — и именно их любовь и признание обеспечили наш тогдашний успех.

АН. Ну а дальше все покатилось практически само собой. В 1964 году нас приняли в Союз писателей, и творчество наше было окончательно узаконено.

Итак, биография по сегодняшний день закончена. А что такое мы сегодня?

Аркадию Стругацкому 61 год. У него ишемическая болезнь, ни единого зуба во рту (проклятая блокада!), и он испытывает сильную усталость.

Борису Стругацкому 53 года. Он пережил инфаркт, и у него вырезали желчный пузырь (тоже блокада).

БН. *«Ну-ну-ну! — укоризненно приговаривал, помнится, Борис, прочитав это место „Биографии“. — Это ты, брат, хватанул! При чем здесь блокада?..»*

По крайней мере, желчный пузырь его, без всякого сомнения, был жертвой отнюдь не блокады, а, наоборот, самого простительного из смертных грехов — чревоугодия. Единственное последствие блокады, которое он в себе действительно наблюдает, — это почти болезненная бережливость, когда рука не поднимается выбросить зачерствелую, забытую в хлебнице горбушку. Но это уж, видимо, навсегда.

АН. В семейной жизни мы вполне счастливы. У Аркадия жене 60, две дочери, внучка и внук. У Бориса жене 54, сын и внук.

Наши друзья нас любят, враги же ненавидят и справедливо опасаются нас. Кстати, о друзьях и врагах. Друзья наши — люди значительные, среди них — крупные ученые, космонавты, труженики-врачи, деятели кино. А враги как на подбор все мелкие, бездарные, взаимозаменяемые, но зато некоторые занимают административные посты...

Аркадий — никудышный общественник. На международные

конференции его не посылают. Он даже не числится в Совете по фантастической литературе. Справедливо, наверное. А Борис уже много лет ведет один из самых мощных семинаров молодых писателей-фантастов в стране, член правления Ленинградской писательской организации, член местной приемной комиссии.

***БН**. Аркадий скромничает. Не такой уж он никудышный общественник. Неоднократно и на протяжении многих лет избирался он членом различных редколлегий, был членом обоих Советов по фантастике (РСФСР и СССР) и даже, кажется, председателем одного из них. Другое дело, что мы никогда не придавали значения общественной деятельности такого рода (если не считать только работы Бориса в Семинаре молодых фантастов — работы, которую он любит и которой гордится).*

АН. Аркадий наделал в жизни своей много глупостей и потерял много драгоценного времени. Борис может отчитаться за каждый поступок в своей жизни.

***БН**. Ума не приложу, что здесь имеется в виду. Скорее всего, то обстоятельство, что семейная жизнь старшего не всегда была безоблачной — в отличие от семейной жизни младшего.*

АН. Аркадий продолжает работать над переводами японской классической прозы (главным образом средневековой). Борис может по 12-14 часов в сутки не отходить от своего домашнего компьютера.

Мы являемся лауреатами одной отечественной и нескольких зарубежных литературных премий. По нашим сценариям снято четыре фильма: один очень скверный, два сносных и один на мировом уровне.

Нас не покидает, а, наоборот, все усиливается у нас ощущение, что самая наша лучшая, самая нужная книга еще не написана, между тем как писать становится все трудней — и не от усталости, а от стремительно нарастающей сложности проблематики, интересующей нас.

Аминь.

ГЛАВА ПЕРВАЯ: 1955-1959

Внезапно обнаруживаешь, что забыл, оказывается, то, что, казалось бы, всегда раньше помнил и что должен был бы помнить всегда.

Например: когда мы задумали и начали собирать материал по сказочной повести, названной тогда условно «Маги» и ставшей впоследствии известной под названием «Понедельник начинается в субботу». В архиве есть разрозненные наброски. Есть заметки. Есть заготовленные впрок смешные имена и хохмочки специального назначения. А вот даты — нет. Нет даты.

Разумеется, сохранился (в значительной степени) архив. Сохранилось большинство писем. Сохранились рабочие дневники. Сохранились кое-какие черновики, заметки и наброски. Брульоны. Но!

Вот, скажем, запись в рабочем дневнике (26 сентября 1976). Подробный список имен действующих лиц с указанием возраста и профессии — как бы для пьесы. Подробное расписание событий под названием «вид общий».

7. Симода уводит в горы радиста; через 7 дней придет корабль, а надежда на связь плохая.

8. Смерть повара. Симптомы.

9. Похороны.

10. Расправа с пилотом, лишенным алкоголя... и т. д.

Описание событий — с точки зрения каждого из участников (пока он еще жив).

Помню, что все они погибают. Помню, что задумывалось все это как фантастический детектив. Помню, что действие происходит на острове... Но ЧТО ИМЕННО там происходит? Отчего они все умирают один за другим? Болезнь? Чудища из моря? Пришельцы?

Почему пилот (он же охотник-профессионал Уоллес Уиллер, 50 лет) был «лишен алкоголя»? Кем лишен? С какой целью? И как с ним, черт побери, «расправились»?

В чем исповедался доктор *18. Исповедь доктора. Истерика Меллера. Самоубийство...?*. Доктор — это, видимо, Махиро Симода, 40 лет. Но может быть и Пак Хин, 55 лет, который был врачом некоего миллионера Роберта Монака, 60 лет. Меллер — это Готфрид Меллер, 30 лет, палеобиолог, но что за истерика с ним случилась?..

Ясно, что в те далекие годы, двадцать с лишним лет тому

назад, основная ситуация задуманной повести была настолько нам очевидна, что мы даже не потрудились записать ее (не в первый и не в последний раз). А потом замысел был отставлен, и все благополучно позабылось. (Тогда, в ноябре, мы занялись разработкой «Отчета Абалкина», хотя сам Абалкин к тому времени еще не был даже придуман, а разведку на планете Надежда вел Максим Каммерер.)

Примеров такого рода абсолютных и окончательных провалов в памяти я могу привести, может быть, не слишком много, но они имеют место, и это не только раздражает, но и пугает меня. Нельзя. Жалко же! Надо, пока не поздно, заняться такими вот специфическими воспоминаниями, а то, глядишь, через десяток лет и вспоминать будет нечего. Да и некому.

Признаюсь, я всегда был (и по сей день остаюсь) сознательным и упорным противником всевозможных биографий, анкет, исповедей, письменных признаний и прочих саморазоблачений — как вынужденных, так и добровольных. Я всегда полагал (и полагаю сейчас), что жизнь писателя — это его книги, его статьи, в крайнем случае — его публичные выступления; все же прочее: семейные дела, приключения-путешествия, лирические эскапады — все это от лукавого и никого не должно касаться, как никого, кроме близких, не касается жизнь любого, наугад взятого частного лица.

Так что ни в коей мере не следует рассматривать эти заметки как «Воспоминания о пережитом» и тем более как мемуары типа «Наша жизнь в литературе». Для этого нет никаких оснований. Жизнь моя (да и АН, пожалуй) отнюдь не изобиловала — слава богу! — ни увлекательными приключениями, ни загадочными событиями, ни социально-значимыми поступками, ни — хотя бы — тесными контактами с великими людьми XX века. Поэтому мемуары мне писать просто не о ком и не о чем.

«Комментарии» эти суть не более чем по возможности систематизированные заметки относительно написанного АБС за тридцать пять лет — то, что показалось мне (лично мне!) любопытным; или заведомо неизвестно широкой публике; или представляет собой ответы на вопросы читателей, накопившиеся за все эти годы.

1
«СТРАНА БАГРОВЫХ ТУЧ» (1957)

Если бы не фантастическая энергия АН, если бы не отчаянное его стремление выбиться, прорваться, стать — никогда бы не было братьев Стругацких. Ибо я был в те поры инертен, склонен к философичности и равнодушен к успехам в чем бы то ни было, кроме, может быть, астрономии, которой, впрочем, тоже особенно не горел.

От кого-то (вполне может быть, что от АН) услышал я в ранней молодости древнюю поговорку: «Лучше идти, чем бежать; лучше стоять, чем идти; лучше сидеть, чем стоять; лучше лежать, чем сидеть; лучше спать, чём лежать...» — и она привела меня в неописуемый восторг. Правда, последнего звена этой восхитительной цепочки: «..лучше умереть, чем спать», я, по молодости лет, разумеется, во внимание никак не принимал. АН же был в те поры напорист, невероятно трудоспособен и трудолюбив и никакой на свете работы не боялся. Наверное, после армии этот штатский мир казался ему вместилищем неограниченных свобод и невероятных возможностей.

Потом все это прошло и переменилось. АН стал равнодушен и инертен, БН же, напротив, взыграл и взорлил, но, во-первых, произошло это лет двадцать спустя, а во-вторых, даже в лучшие свои годы не достигал я того состояния клубка концентрированной энергии, в каковом пребывал АН периода 1955-1965 годов.

***

К 1955 году у нас было:

— «Пепел Бикини» — художественно-публицистическая повесть, написанная АН в соавторстве со своим армейским приятелем Л. Петровым (опубликована в журнале «Юность»);

— фантастическая повесть «Четвертое Царство», написанная АН в одиночку, нигде не опубликованная и (кажется) никуда, ни в какое издательство никогда так и не посланная;

— фантастический рассказ «Виско», написанный БН в одиночку и получивший высокую оценку учительницы

литературы (впоследствии уничтожен автором в приступе законного самобичевания);

— фантастический рассказ «Затерянный в толпе», написанный БН в одиночку — вымученная и нежизнеспособная попытка выразить обуревавшую его тогда идею «приобретения памяти» — путешествий сознания по мирам Вселенной;

— «Первые» — чрезвычайно эффектный и энергичный набросок несостоявшейся фантастической повести, задуманной некогда АН и использованный позже в «Стране багровых туч».

Насколько я знаю, самое раннее из сохранившихся произведений АН — самодельная тетрадочка в четырнадцать листков, содержащая фантастический рассказ «Как погиб Канг». Текст аккуратно написан черной тушью и снабжен очень недурными (на мой взгляд) иллюстрациями автора. Рассказ датирован: «Казань. 29 мая 1946».

Это было время, когда курсант Военного института иностранных языков Аркадий Стругацкий был откомандирован в распоряжение МВД Татарии в качестве переводчика с японского. В Казани он участвовал в допросах японских военных преступников: шла подготовка Токийского процесса — восточного аналога Нюрнбергского процесса над гитлеровцами.

АН не любил распространяться об этом периоде своей жизни, а то немногое, что мне об этом стало от него все-таки известно, рисует в воображении картинки исключительно мрачные: угрюмая беспросветная казарма; отвратительные сцены допросов; наводящее ужас и омерзение эмвэдэшное начальство... Неудивительно, что начинающий и очень молодой (всего двадцать полных лет!) автор бежит от этого мира в морские глубины — там он, по крайней мере, свободен, там он продолжает жить в мире любимых книг своего детства — «Следы на камне» Максвэлл-Рида и «Тайны морских глубин» Бийба, изобретателя батисферы.

Первым же опытом работы вдвоем стал фантастический рассказ «Песчаная горячка», сделанный в манере этакого прозаического буриме: страницу на машинке — один, затем страницу на машинке — другой, и так до конца (без предварительного плана, не имея никакого представления о том, где происходит действие, кто герои и чем все должно закончиться)...

Этот рассказик — первая законченная попытка АБС написать что-нибудь вдвоем. Попытка, впрочем, совершенно экспериментальная, на авось, вдруг получится что-нибудь интересненькое. Не было ни предварительного обсуждения, ни плана, ни даже сюжета: сел один из соавторов (по-моему, БН) за

машинку и отстучал первые две странички; за ним другой — прочитал написанное, поковырял в ухе и отстучал еще две; потом — снова первый, и так до самого конца.

К огромному изумлению авторов в результате получилось нечто вполне осмысленное, этакая багрово-черная картинка, кусочек чужой, совершенно неведомой жизни — нечто, напомнившее обоим любимый ими рассказ Джека Лондона «Тропой ложных солнц» (тем, кто не помнит, советую перечитать).

Замечательно, что рассказик наш получился вполне литературно грамотным, его даже редактировать не пришлось — только некоторое время спустя вычеркнуто было «по законам Черной Республики» и вставлено — «по законам Страны багровых туч» — верный признак того, что именно в те времена работа над первым нашим романом шла уже вовсю.

***

В соответствии со сложившейся уже легендой АБС придумали и начали писать «Страну багровых туч» на спор — поспорили в начале 1955-го (или в конце 1954-го) на бутылку шампузы с Ленкой, женой АН, а поспорив, тут же сели, все придумали и принялись писать.

На самом деле «Страна» задумана была давно. Идея повести о трагической экспедиции на беспощадную планету Венера возникла у АН, видимо, во второй половине 1951 года. Я смутно помню наши разговоры на эту тему и совершенно не способен установить сколько-нибудь точную дату. Подавляющее большинство писем БН того периода утрачено, но большинство писем АН, слава богу, сохранилось, так что некий хронологический пунктир проследить все-таки можно. Вот несколько цитат.

Между 1 ноября 1951-го и 12 апреля 1952-го (видимо, первое письмо АН с Камчатки):

Обдумываю повесть о Тарзане — новом, другом, настоящем звере — жестоком, хитром, мстительном: назову его Румата — каково? «Берег Горячих Туманов» меня не удовлетворяет, придется много переделывать, вплоть до изменения фабулы.

Это самое первое документальное упоминание повести о Венере. (И самое первое упоминание имени Румата, между

прочим.)

10 декабря 1952 — письмо АН:

Меня заинтересовали твои возражения по поводу «Берега Горячих Туманов». В связи с этим смею задать пару-другую вопросов.

Во-первых: писал ты, что вода на Венере исчезла, когда солнце жарило раз в сто сильнее, чем нынче. Любопытно узнать, когда это могло быть, и существовала ли тогда сама Венера. Второе: ежели нет на Венере воды, что же собой представляет облачный покров, ее (Венеру) покрывающий? Третье: ежели (опять же) нет на Венере воды, то лепо ли полагать ее (Венеру) обитаемой даже репейниками и муравьями, ибо известно, что жизнь вообще-то зиждется на воде и белках? Четвертое: почему надо считать, что небо на Венере должно выглядеть черным при красных сумерках? (Хотя бедному Аиду хватило бы и черных сумерек при белом небе.)

Все это мне подробно пропиши, ибо хотя название «Страна багровых туч» очень мне нравится, но изменение моей концепции Венеры влечет за собой весьма сугубые последствия, в частности изменение или даже вообще усекновение мест в моей повести, кои мне дались с трудом и мнятся вельми эффектными.

Видимо, это самое первое упоминание собственно о «Стране багровых туч». АН активно размышляет на эту тему, а БН помогает чем может — дает «научно-техническое обоснование».

23 февраля 1953 — письмо АН:

План моей литературной деятельности (на 1953 год): 1. «Страна Горячих туч» — повесть, 2. «Румата и Юмэ» — повесть... «Страну» начал бы уже давно, но ты не отличаешься внимательностью: где сведения о дейтериевой и тритиевой воде? Кроме того, мне нужно знать, намного ли выше была температура в области прото-Венеры температуры в области прото-Земли в критический для водорода момент? А идея крепнет и развивается. «Хиус versus Линда» все-таки имеет быть. Насчет «Румата» — пока только наброски. Получается что-то похожее на «Сына Тарзана» — но все равно буду писать...

Замечу в скобках, что повесть «Румата и Юмэ» так никогда и не была написана. Не видел я и набросков. Надо думать, эта работа у АН не пошла. Что же касается «Страны...», то некое — и существенное! — продвижение имело-таки место.

Вот отрывок из письма АН от 5 марта 1953:

Хочешь мужского разговора — давай поговорим. Прежде всего — о моих литературных талантах. Очень уж ты их преувеличиваешь. Конечно, теоретически можно представить себе этакий научно-фантастический вариант «Далеко от Москвы», где вместо начальника строительства будет военно-административный диктатор Советских районов Венеры, вместо Адуна — Берег Багровых Туч, вместо Тайсина — нефтеносного острова — «Урановая Голконда», вместо нефтепровода — что-нибудь, добывающее уран и отправляющее его на Землю...

Четыре раза пытался я начать такую книгу, написал уже целых полторы главы... И каждый раз спотыкался и в отчаянии бросал перо. Дело не в том, что я не могу себе представить людей в таких условиях, их быт, нравы, выпивки, мелкие ссоры и большие радости — слава богу, хоть в этом ты не ошибся, — мне просто было бы достаточно описать людей, окружающих меня сейчас. Дело гораздо глубже и проще — я совершенно неподготовлен технически, не имею ни малейшего представления о возможных формах производства или там добычи урана, о возможных организационных формах не только такого фантастического, но даже и обычного предприятия, о том, чем роль инженера отличается от роли мастера или техника. И т. д. и т. п.

Моя полная неграмотность в этой области жизни лишила меня способности дать фон всем моим большим и маленьким конфликтам, и они, несчастные, беспомощно повисли в пустоте. Вот почему приходится признать полное поражение на фронте «Берега Багровых Туманов».

Согласись, ну какой тут, к черту, реализм, когда ничего маломальски реального я не могу поставить в основу повести? Поэтому я сузил задачу и написал просто рассказ о гибели одной из первых экспедиций на неведомую планету — Венеры я бегу, ибо там из-за твоих песков и безводья не развернешься. Рассказ типа лондоновского «Красного божества» — последний кусочек судьбы человека, гибнущего в одиночестве...

Здесь имеется в виду названный выше рассказик «Первые». Он, помнится, произвел на БН сильнейшее впечатление, и многие эпизоды из него в дальнейшем попали в «Страну...».

Ни одного письма, датированного 1954 годом, не сохранилось. Существует письмо БН без даты, относящееся, видимо, к весне 1955 года. Судя по этому письму, работа, причем СОВМЕСТНАЯ, над «Страной багровых туч» идет уж полным ходом — во всяком случае, составляются подробные планы и обсуждаются различные сюжетные ходы.

В апреле 1955-го АН еще в Хабаровске, ждет не дождется

увольнения из армии и заканчивает повесть «Четвертое царство». Но уже в своем июльском 1956 года письме БН рецензирует первую часть «Страны...», вчерне законченную АН, и излагает разнообразные соображения по этому поводу. В постскриптуме он обещает: «Начну теперь писать как бешеный — ты меня вдохновил».

Таким образом, историческое пари было заключено, скорее всего, летом или осенью 1954 года, во время очередного отпуска АН, когда он с женой приезжал в Ленинград. Мне кажется, что я даже помню, где это было: на Невском, близ Аничкова моста. Мы прогуливались там втроем, АН с БНом, как обычно, костерили современную фантастику за скуку, беззубость и сюжетную заскорузлость, а Ленка слушала, слушала, потом терпение ее иссякло, и она сказала: «Если вы так хорошо знаете, как надо писать, почему же сами не напишете, а только все грозитесь да хвастаетесь. Слабо?» И пари тут же состоялось.

Писалась «Страна...» медленно и трудно. Мы представления не имели, как следует работать вдвоем. У АН, по крайней мере, был уже определенный опыт работы в одиночку, у БН и того не было. Планы составляли вместе, но главы и части писали порознь, каждый сам по себе. В результате: АН закончил черновик первой части — БН завяз еще в первой главе; АН вовсю пишет вторую часть — БН кое-как закончил первую главу первой части, и она, разумеется, ни в какие ворота не лезет в сравнении с уже сделанным — там другие герои, другие события, и сама стилистика другая...

В июле 1956 года АН пишет отчаянное письмо:

Единственно приемлемыми, хотя и практически неравноценными, являются 2 пути.

1-й — длинный и сложный, сулящий массу осложнений: ты будешь писать свое, не обращая внимания на то, что сделано мною. Синтезировать наши работы будет в таком случае гораздо сложнее.

2-й — наилучший, по моему глубокому убеждению, состоит в следующем: на базе имеющейся теперь в твоем распоряжении схемы создавать новые эпизоды, вычеркивать то, что тебе не нравится, добавлять и убавлять, изменять как угодно в пределах основной идеи и заданных действующих лиц и ситуаций (их, впрочем, тоже можно изменять). Все эти изменения по мере их накопления пересылать мне на просмотр и оценку, на что я буду отвечать согласием или несогласием... Это очень ускорит нашу работу, и тогда можно надеяться, что к моему отпуску — я приеду в Ленинград в конце декабря — вчерне у нас все будет

готово...

Увы. К декабрю ничего не было готово. АН привез с собою черновик второй части, ознакомился с жалкими плодами деятельности БН и сказал:

— Так. Вот машинка, вот бумага, садись и пиши третью часть. А я буду лежать вот на этом диване и читать «Порт-Артур». Я — в отпуске.

За пару лет до этого в мамином доме появилась откуда-то старинная пишущая машинка — странной вертикальной конструкции, вся облупившаяся, пыльная, нелепая, но с удивительно точно отрегулированными мягкими клавишами, нажимая на которые ты испытывал почти физическое наслаждение. Все, что написано было нами — и порознь, и вместе — до 1958 года, написано было на этой машинке. Иногда я совершенно серьезно думаю: а состоялись бы вообще братья Стругацкие, если бы эта машинка не попала к ним, а своевременно обрела бы законный свой покой на какой-нибудь свалке?

Воистину, серьезные последствия имеют зачастую в истоке своем самые что ни на есть пустяковые причины.

***

В апреле 1957 года рукопись «Страны багровых туч», выправленная и распечатанная по всей правилам была уже в московском «Детгизе» и ждала внутренней рецензии. Что касается исправлений и распечаток, то не могу не привести здесь чрезвычайно характерного отрывка из письма АН от 29 апреля 1957:

Кстати, о 3-й части. Видно, по грехам моим господь послал мне соавторов-клизмачей: один вообще пальцем не притронулся к рукописи (имеется в виду соавтор АН по повести «Пепел Бикини». — БН), другой любезно предоставляет мне всю техническую часть работы, считая для себя зазорным отделать по-человечески оформление. Скажу тебе откровенно, что я, как редактор, на порог не пустил бы автора с рукописью в таком виде — текст подслеповатый, неаккуратный, изобилует грамматическими ошибками.

В общем, свинья ты, брат мой...

Рукопись пролежала в «Детгизе» два года и была сдана в набор в апреле 1959-го. Это был довольно обычный срок прохождения, по тем временам. Но нам-то тогда казалось, что идет, бредет, ни в какую не желает окончиться вечная вечность.

Редактор наш, милейший Исаак Маркович Кассель, пребывал в очевидном раздвоении чувств. С одной стороны, рукопись ему явно нравилась — там были приключения, там были подвиги, там воспевались победы человечества над косной природой — и все это на прочном фундаменте нашей советской науки и диалектического материализма. Но с другой стороны, все это было — совершенное, по тем временам, не то.

Герои были грубы. Они позволяли себе чертыхаться. Они ссорились и чуть ли не дрались. Косная природа была беспощадна. Люди сходили с ума и гибли. В советском произведении для детей герои — наши люди, не шпионы какие-нибудь, не враги народа — космонавты! — погибали, окончательно и бесповоротно. И никакого хеппи-энда. Никаких всепримиряющих победных знамен в эпилоге... Это не было принято в те времена. Это было идеологически сомнительно — до такой степени сомнительно, что почти уже непроходимо.

Впрочем, в те времена не принято было писать и даже говорить с автором о подобных вещах. Все это ПОДРАЗУМЕВАЛОСЬ. Иногда на это намекалось. Очень редко (и только по хорошему знакомству) говорилось прямо. Автор должен был сам (видимо, методом проб и ошибок) дойти до основ правильной идеологии и сообразить, что хорошее (наше, советское, социалистическое) — всегда хорошо, а плохое (ихнее, обреченное, капиталистическое) — всегда плохо. В рецензиях ничего этого не было.

27 мая 1957 — АН:

Получил (наконец-то!) рецензию и беседовал с редактором. Изумление мое при чтении рецензии было неописуемым. Можно ожидать хорошей рецензии, можно ожидать плохой рецензии, можно ожидать кислой рецензии... но мы получили пьяную рецензию. Рецензент не понял ни черта...

Держал рукопись он почти пять месяцев, третью часть проглядел для порядка и накатал «по первому впечатлению», причем все перепутал и многого не заметил, и вообще was jumping at the conclusions. Обгадил он нас с головы до ног, но, strange though it may seem, написал, что над повестью следует работать и у нее есть задатки и пр.

Как мало тогда мы знали о рецензиях — каковы они бывают и каким именно образом пишутся! Фамилия рецензента была М. Ложечко. Я запомнил ее на всю жизнь, ибо прочитав — некоторое время спустя — его труд, был от него в полной и бессильной ярости и бегал по стенам как разозленный гигантский паук-галеод из рассказа Конан Дойла-сына. Сама рецензия, к сожалению, не сохранилась.

Сохранилось, к счастью, письмо АН от 29.09.57, содержащее программные, совершенно необычные по тем временам соображения о том, как нам надлежит писать. Сначала он перечисляет произведения НФ последнего времени и делает вывод:

Все эти вещи (кроме, конечно, «Туманности») объединяют по крайней мере две слабости:

а) их пишут не писатели — у них нет ни стиля, ни личностей, ни героев; их язык дубов и быстро приедается; сюжет примитивен и идея одна — дешевый казенный патриотизм,

б) их писали специалисты-недоучки, до изумления ограниченные узкой полоской технических подробностей основной темы...

И еще одно — этого, по-моему, не учитываешь даже ты. Они смертельно боятся (если только вообще имеют представление) смешения жанров. А ведь это громадный выигрыш и замечательное оружие в умелых руках. В принципе это всем известно: научная фантастика без авантюры скучна. Голого Пинкертона могут читать только школьники. Но пользоваться этим законом никто не умеет. Первую серьезную пробу сделали мы в «Стране багровых туч», хотя еще не подозревали об этом...

Далее приводится цитата из предисловия А. Аникста к «Тихому американцу»:

Это произведение разностороннее, содержащее и элементы детектива, и черты романа тайн; это и психологическая драма, и военный репортаж, и произведение с откровенно эротическими мотивами, и острый политический памфлет, и читателю только остается удивляться тому, как убедительно звучит это неожиданное сочетание столь разнородных элементов.

И снова АН:

Понял, браток? Понимаешь теперь, какой громадный козырь упускают наши горе-фантасты! Наши произведения должны быть занимательными не только и не столько по своей идее — пусть

идея уже десять раз прежде обсасывалась дураками — сколько по:

а) широте и легкости изложения научного материала; «долой жульверновщину», надо искать очень точные, короткие, умные формулировки, рассчитанные на развитого ученика десятого класса;

б) по хорошему языку автора и разнообразному языку героев;

в) по разумной смелости введения в повествование предположений «на грани возможного» в области природы и техники и по строжайшему реализму в поступках и поведении героев;

г) по смелому, смелому и еще раз смелому обращению к любым жанрам, какие покажутся приемлемыми в ходе повести для лучшего изображения той или иной ситуации.

Не бояться легкой сентиментальности в одном месте, грубого авантюризма в другом, небольшого философствования в третьем, любовного бесстыдства в четвертом и т. д. Такая смесь жанров должна придать вещи еще больший привкус необычайного. А разве необычайное — не наша основная тема?..

Авторы все еще пока — НАУЧНЫЕ фантасты. Они еще далеки от формулы: «настоящая фантастика — это ЧУДО-ТАЙНА-ДОСТОВЕРНОСТЬ». Но интуитивно они уже чувствуют эту формулу. В отечественной же фантастике послевоенных лет чудеса имели характер почти исключительно коммунально-хозяйственный и инженерно-технический, тайны не стоили того, чтобы их разгадывать, а достоверность — то есть сцепление с реальной жизнью — отсутствовала вовсе. Фантастика была сусальна, слюнява, розовата и пресна, как и всякая казенная проповедь. А фантастика того времени была именно казенной идиотической проповедью — проповедью ликующего превосходства советской науки и, главным образом, техники.

Мы инстинктивно отталкивались от такой фантастики, мы ее не хотели, мы хотели ПО-ДРУГОМУ. Мы уже даже догадывались, что это значит — «по-другому». И кое-что нам удалось.

В процессе редакционной подготовки «Страна багровых туч» переписывалась весьма основательно по крайней мере дважды. Нас заставили переменить практически все фамилии. (До сих пор не понимаю, зачем и кому это понадобилось.) Из нас душу вынули, требуя, чтобы мы «не вторгались на всенародный праздник (по поводу запуска очередной ракеты) с предсказаниями о похоронах». «Уберите хотя бы часть трупов!» — требовали детгизовские начальники теперь уже напрямую. Книга зависала над пропастью.

Из писем АН начала 1959 года:

Безнадежно. Понимаешь, совершенно безнадежно. Дело не в трупах, не в деталях, а в тоне и колорите...

Повторяю: чего они хотят — я не знаю, ты не знаешь, они, оне тоже-таки не знают. Они хотят «смягчить», «не выпячивать», «светлее сделать», «не так трагично». Конкретно? Простите, товарищи, мы не авторы. Конкретные пути ищите сами...

Товарищу Н не нравятся умертвия, тов. НН — колорит, тов. ННН — сумасшествие, и все они не согласны друг с другом, но согласны в одном: надо смягчить, светлее сделать, не так мрачно и пр...

А когда авторы, стеная и скрежеща, переписали-таки полкниги заново, от них по высочайшему повелению потребовали убрать какие-либо упоминания о военных в космосе: «...ни одной папахи, ни одной пары погон быть не должно, даже упоминание о них нежелательно», — и танкист Быков «двумя-тремя смелыми мазками» был превращен в БЫВШЕГО капитана, а ныне зампотеха при геологах.

За два года, пока шла эта баталия, АБС написали добрую полудюжину различных рассказов и многое поняли о себе, о фантастике, о литературе вообще. Так что эта злосчастная, заредактированная, нелюбимая обоими родителями повесть стала, по сути, неким полигоном для отработки новых представлений. Поэтому, наверное, повесть получилась непривычная и свежая, хорошая даже, пожалуй, по тем временам — хотя и безнадежно дурная, дидактично-назидательная, восторженно казённая, — если смотреть на нее с позиций времен последующих, а тем более нынешних. По единодушному мнению авторов, она умерла, едва родившись, — уже «Путь на Амальтею» перечеркнул все ее невеликие достоинства.

Здесь я позволю себе повторить то, что писал несколько лет назад в предисловии к 12-му тому Собрания сочинений. «Страна...» получилась типичной повестью переходного периода — обремененная суконной назидательностью и идеологическими благоглупостями Фантастики Ближнего Прицела и в то же время не лишенная занимательности, выдумки, подлинной искренности и наивного желания немедленно, прямо сейчас, создать нечто, достойное пера Уэллса или хотя бы Беляева.

Она, надо признать, произвела впечатление на тогдашнего читателя. Например, повесть эта понравилась Ивану Антоновичу Ефремову, мэтру отечественной фантастики того времени, и, по слухам, Мариэтте Сергеевне Шагинян — одному из мэтров тогдашней литературы вообще. Сергей Павлович Королев

читывал ее и выписал оттуда на отдельный листок песню про «Детей Тумана»... Она, видимо, понравилась даже чиновникам из Министерства Просвещения РСФСР. Во всяком случае, именно «Страна багровых туч» оказалась единственным произведением АБС всех времен, удостоенным государственной премии, а именно — третьей премии «конкурса на лучшую книгу о науке и технике для детей школьного возраста». (В размере 5000 рублей. Неплохие деньги по тем временам — четыре мамины зарплаты.)

Более того, она понравилась даже читателю зарубежному. В течение первых пяти-шести лет она была переведена и вышла в Польше (дважды), Чехословакии (дважды), ГДР (дважды), Румынии, Западном Берлине, Югославии и Испании. Было время, когда мы даже гордились ею, но это время быстро миновало. Достаточно сказать, что на русском языке мы не переиздавали ее с 1969 года. И в Собрание сочинений мы решились вставить ее только, как говорится, под давлением общественности.

Между прочим, нежелание наше имело под собою подоплеку вполне практическую. Во-первых, для того чтобы подготовить повесть к переизданию, ее, согласитесь, надобно, как минимум, перечитать, а перечитывать не хотелось решительно. Во-вторых, во весь рост вставал вопрос о необходимости как-то модернизировать текст. Все-таки прошло больше тридцати лет, многое в повести воспринимается сейчас не только как забавный анахронизм, но и как авторская глупость, невежество и вообще бред собачий. Достаточно вспомнить хотя бы то обстоятельство, что действие там у нас разворачивается как раз в девяностых годах XX века — и ведь практически ничего, ну ничегошеньки в повести не похоже на то, что реально окружает сегодня ее читателя!

И все-таки мы решили модернизированием текста не заниматься. Совсем. Не менять ни строчки, ни буквы. Пусть повесть эта остается в фантастике как некий уродливый памятник целой эпохе со всеми ее манерами — с ее горячечным энтузиазмом и восторженной глупостью; с ее искренней жаждой добра при полном непонимании, что же это такое — добро; с ее неистовой готовностью к самопожертвованию; с ее жестокостью, идеологической слепотой и классическим Оруэлловским двоемыслием. Ибо это было время злобного добра, жизнеутверждающих убийств, «фанфарного безмолвия и многодумного безмыслия». И это время не следует вычеркивать из социальной памяти.

Самое глупое, что мы можем сделать, — это поскорее забыть о нем, — самое малое — помнить об этом времени, пока семена его не истлели.

2
«ИЗВНЕ» И РАССКАЗЫ (1958)

Летом 1957 года БН поехал со своим другом-археологом в экспедицию в Таджикистан, в район Пенджикента. Тамошние пейзажи и приключения натолкнули его на идею написать о вторжении на Землю (и как раз в те дикие и прекрасные места) инопланетных пришельцев-исследователей. Так появился на свет рассказ «Пришельцы» — черновик первого опубликованного произведения АБС «Извне» и эмбрион будущей повести того же названия.

Читающая публика Пулковской обсерватории, где в те поры работал БН, благосклонно откликнулась на публикацию следующим замечательным текстом:

> Писатель Стругацкий с фантастикой дружен,
> Научно подкован вполне -
> Блистает мыслями внутри и снаружи
> Бессмертная повесть «Извне».

В журнале «Техника — молодежи» рассказ был опубликован с очень сильными искажениями, авторы впервые тогда напрямую столкнулись с редакторским произволом: первоначальный вариант то сокращался без всякой пощады, то в него требовали вставить что-нибудь новое и совершенно неожиданное (советско-китайскую дружбу, например), то без объяснения причин настаивали на изменении названия «Пришельцы»...

Авторы терпеливо и безропотно шли на все. Точнее сказать, терпеливо и безропотно уродовал рассказ АН — это он принимал на себя все удары, а БН отсиживался в окопах в Питере и ничего этого знать не знал, ведать не ведал. Впрочем, и в первой, авторской, редакции рассказ представлялся ему суховатым, хороша была только идея: разуму незачем бродить по космосу лично, достаточно послать туда разумные автоматы. Идея по тем временам была свежая и даже в некотором смысле революционная, если учитывать, что само понятие «кибернетика» и все, этому понятию сопутствующее, было тогда ДСП.

Рассказ еще и в свет не вышел, когда появилась идея создать на его основе повесть, в которой и отыграться за все унижения. Окончательный план повести созрел в апреле 1958-го, и работа

тут же пошла. Нетрудно сообразить, что в основе первого рассказа повести лежат личные впечатления АН от восхождения на Авачинскую сопку, за которое (восхождение) он был даже удостоен значка альпиниста какой-то там степени (невысокой). Вообще совершенно равнодушный к спорту, АН очень этим значком гордился и хранил его в специальной коробочке вместе с прочими наградами.

В повести «Извне» герои АБС впервые обретают прототипов. АН описывает своих друзей-однополчан, БН — начальника Пенджикентской археологической экспедиции. Сходство, надо признать, получилось чрезвычайно отдаленным: прототипы себя не узнали. Впрочем, это, видимо, свойство всех (за малым исключением) прототипов: они не способны узнать себя в литературных героях, как редкий человек умеет узнавать свой голос, записанный на магнитофон.

***

Еще в школьные годы БН от своей приятельницы (в которую влюблен был безнадежно и безответно и у которой родители были сотрудниками Института мозга имени Бехтерева) услышал совершенно фантастическую историю об исследованиях воздействия на человеческое сознание препарата мексиканского кактуса пейотля. Психика испытуемого под действием таинственного препарата получала якобы совершенно необыкновенные свойства — в частности, у испытуемого вроде бы появлялась способность видеть с закрытыми глазами и вообще — сквозь непрозрачные преграды.

Это было НЕЧТО! С помощью той же приятельницы (она тоже была девочка увлекающаяся и очаровательнейшим образом напоминала Катьку из «Двух капитанов») БН раздобыл XVIII том «Трудов Института мозга» и там на странице 55 обнаружил статью «К вопросу о психофизиологическом действии „пейотля“».

О «видении сквозь стены» в статье не было ни слова, но и то, что там было, поражало воображение не хуже беляевского романа:

Калейдоскопическая смена образов... Во много раз повышается интенсивность зрительных и слуховых ощущений... Долгое сохранение в сознании зрительных образов при закрытых уже глазах... Аккорды на рояле вызывают ощущение вспышек света

разных цветов... Впечатление полета времени... Перемещение магнита у затылка вызывало впечатление полета метеорита. Поворачивание его на 180 градусов вызывало поворачивание на 180 градусов зрительного образа...

Это, конечно же, было прикосновение к Невероятному! Невероятное, оказывается, и на самом деле существовало в этом суконно-скучном мире, и оно было рядом, рукой подать — тут же, через Неву, простым глазом видно было здание Бехтеревского института.

С тех пор БН надолго заболел проблемами сознания, фантастическими свойствами человеческой психики и прочей парапсихологией — хотя и не знал в те поры этого термина (а может быть, его тогда, в конце 40-х, и не существовало вовсе). Преобразования сознания. Пересадки сознания. Возникновение «несуществующего» сознания...

В августе 1955 года БН написал рассказ «Затерянный в толпе», но тут же оказалось, что это попытка с негодными средствами. Через год-два очередная попытка, рассказ с претенциозным названием «Кто скажет нам, Эвидаттэ?». Однако реакция АН оказалась совершенно недвусмысленной и — увы! — совершенно справедливой.

***

В конце октября 1957 года АН, дежуря на библиотечной выставке, встретился с неким симпатичным и весьма на вид интеллигентным человеком, который оказался биологом, беззаветным любителем НФ и потенциальным писателем-фантастом, собирающимся писать не о чем-нибудь, а о кибернетике.

Тему, брат, он берет рискованнейшую и интереснейшую, — пишет АН в письме от 20 октября 1957. — Эрудиция у него огромная — то есть, с моей точки зрения, он специально следит за этой областью и читает все новое, что выходит у нас и за рубежом по «зоомеханизмам» и «машинному анимализму». Думаю, что печатать его не будут, а жаль. Даже независимо от литературных достоинств это будет очень интересно...

Для чего я это рассказываю? Тема эта — кибернетика, логические машины, механический мозг — висела в воздухе у нас

под носом, но никому из нас она и в голову не приходила — как таковая. Ты понимаешь меня? Может быть, есть еще земные темы, не замеченные нами? Думай, думай, думай!

Если учесть, что АН еще до войны был приведен в совершеннейший восторг кинофильмом «Гибель сенсации», снятым по мотивам пьесы Карела Чапека «R.U.R.»... Если вспомнить, что уже тогда он заполнил десятки тетрадных и альбомных листов рисунками с изображениями взбунтовавшихся человекообразных машин, управляемых по радио... Если принять во внимание, что интерес его к этой проблеме зашел так далеко, что он построил тогда из картонных коробок модель робота (точнее, верхней его половины), способную по велению творца своего вертеть картонной головой и двигать картонными же руками... Словом, появление рассказа о разумном роботе было, сами понимаете, предопределено.

27 февраля 1958 — АН:

Сегодня высылаю тебе «Спонтанный рефлекс». По моему мнению, тему эту необходимо было обработать, ибо по этому вопросу никто еще в нашей литературе ничего не писал...

Далее АН излагает свои соображения по поводу возможного улучшения текста — сокращение научно-описательной части, «оживляж», добавление юмора и прочее. Ничего этого БН делать не стал — исправил несколько абзацев, переписал концовку, на том весь оживляж и закончился.

Но, может быть, даже этот оживляж оказался излишним: «Техника — молодежи» рассказ отвергла, потому что робот показался ей «слишком живым». Время андроидов в отечественной фантастике еще не наступило. Однако же, когда АН отнес нашего робота в «Знание — сила», дело пошло веселее.

27 мая 1958 — АН:

В пятницу с работы позвонил в «Знание — сила». «А-а, товарищ Стругацкий? Приезжайте немедленно. Не можете? А когда можете?» Короче, я поехал к ним вчера. «Спонтанный рефлекс» им весьма понравился, за исключением конца (твоего конца). Я это предвидел и привез им свой конец. Мой конец им не понравился еще больше.

Их собралось надо мной трое здоровенных парней в ковбойках с засученными рукавами и маленький еврей — главный редактор, и все они нетерпеливо понукали меня что-нибудь придумать — «поскорей, пожалуйста, рассказ идет в восьмой номер, его пошлют

в США в порядке обмена научной фантастикой...»

И вдруг главному редактору приходит в голову идея: дать рассказ вообще без конца...

Сколько эмоций! Какие дискуссии! Впоследствии авторы дружно не любили этот свой рассказ, и интересовал нас в связи с ним только один, совершенно внелитературный, вопрос: оказался ли «Спонтанный рефлекс» действительно ПЕРВЫМ в отечественной фантастике рассказом о разумном роботе, или Анатолий Днепров со своей «Суэмой» нас все-таки опередил?

Но именно с этого посредственного рассказика начался роман АБС с журналом «Знание — сила», и длился он, этот роман, эта взаимная и горячая любовь-дружба, тридцать лет и три года, во все времена — и в добрые времена Первой оттепели, и в период Нового похолодания, и на протяжении Ледяных семидесятых, когда никто, кроме «Знания — силы» (да еще ленинградской «Авроры»), со Стругацкими дела иметь не хотел — и так вплоть до самой перестройки...

***

Кажется, весной 1957 года состоялся расширенный Ученый совет Пулковской обсерватории, на котором доктор физматнаук и профессор Николай Александрович Козырев прочел (впервые) свой доклад на тему «Причинная или несимметричная механика в линейном приближении». Доклад вызвал взрыв профессиональных и полупрофессиональных (журналистских) эмоций и сразу же стал сенсацией, не столько, впрочем, научной, сколько околонаучной.

Н. А. Козырев был тогда фигурой в советской астрономии значительной, яркой и даже таинственной. Эта фигура сама по себе достойна большой статьи, а может быть, и отдельной книги. Он был другом и научным соперником Амбарцумяна и Чандрасекара. Он отсидел десять лет в сталинских лагерях. Он создал теорию, доказывающую существование нетермоядерных источников излучения звезд. Он рассчитал новейшую и для своего времени совершенно парадоксальную модель атмосферы Венеры. Он обнаружил на Венере грозы с молниями длиной в тысячи километров. В начале 60-х ему удалось получить редчайший и сенсационнейший спектр вулкана, извергающегося на Луне, до той поры считавшейся абсолютно мертвым небесным

телом... А в 1957-м он объявил:

«...принципиально возможен двигатель, использующий ход времени для получения работы. Иными словами, время обладает энергией».

АБС раньше уже использовали полученные Н. А. Козыревым результаты, когда создавали, рисовали, выдумывали мир Страны багровых туч. Разумеется, «эффект Козырева», двигатель, вырабатывающий энергию из хода времени, не мог пройти мимо их внимания. Как и все настоящие НАУЧНЫЕ фантасты, они жадно обшаривали все доступные им околонаучные пространства в поисках нетривиальных идей, теорий и, конечно же, сенсаций.

1 июня 1958 — АН:

Господи, если бы я так представлял себе всю эту механику, как ты, и если бы имел возможность спросить у Козырева, я бы давно уже оформил сюжет, и это было бы как гром с ясного неба для всех фантастов Поднебесной. Ведь на тему «Вечный двигатель» никто никогда не фантазировал, никто себе не мог представить подоплеку научную этого дела. А ты... Эх ты... Заср, одним словом...

Но дело, конечно, было совсем не в том, чтобы «представить себе механику» и проконсультироваться у самого Козырева. Нужна была СЮЖЕТО-ОБРАЗУЮЩАЯ идея, а не научные детали, тем более что к этому времени уже ясно стало, что сама по себе причинная механика Козырева висит в безвоздушном пространстве, ибо НИ ОДИН из опытов Козырева не казался безукоризненным. (В дальнейшем ВСЕ они были опровергнуты, так что и по сей день теория Козырева остается лишь красивой, но сомнительной гипотезой.)

9 июня 1958 — АН:

...а через сколько лет начнет излучать энергию маятник весом в сто тонн? Другими словами, нельзя ли передвинуть время действия в двадцать первый век, ну, в худшем случае в 22-й век? Если можно, то можно что-либо придумать.

Тепло, тепло!.. И вот наконец:

Июль 1958 — АН:

Рассказ называется «Забытый эксперимент». Рабочий сюжет: в конце двадцатого века впервые в истории человечества институт неклассических механик поставил опыт, рассчитанный на столетия, — где-то в Сибири, в подземельях поставлен этот

самый маятник и запущен...

В середине двадцать первого века научный город над этим маятником уничтожен в результате опытов с мезонными реакциями...

Последующие 50 лет человечество занято огромным наступлением на природу: строятся искусственные спутники, сооружаются термоядерные станции и пр. О маятнике все забыли. И вот в конце двадцать второго века начинается в Сибири кутерьма. А это место было блокировано из-за радиации, и на него никто не покушался. Посылается экспедиция и пр. и т. д.

Твоя задача: разработать явления, которые там будут наблюдаться, и степени опасности. А также разработать литературный сюжет. Смачно — покажем людей двадцать второго века. Они освободились от родимых пятен капитализма, но не свободны от печати адамовой — от наследства своих животных предков. Приключения экспедиции, их недоумение, затем их отзывают: в Академии наук найдено объяснение. Можно и гибель описать, а главное — отношение к этой гибели. И дать перспективы. Ты напишешь объяснительную часть и дашь отдельные эпизоды. Потом возьмусь я и перешлю тебе...

По этому плану все и было реализовано, но значительно позже, в апреле 1959-го, и с тем отличием, что БН не в силах оказался написать «объяснительную часть» и написал ее АН. Рассказ получился неплохим и даже — для своего времени — хорошим, если бы не эта проклятая объяснительная часть, висевшая на всем остальном, вполне приличном, тексте «гниющим трупом альбатроса».

23 мая 1959 — АН:

Вчера вечером мне звонил Варшавский (один из редакторов журнала «Знание — сила». — БН). Он сообщил, что «Забытый эксперимент» всем в редакции очень понравился, в том числе и ему самому по вторичном чтении. Это очень симптоматично: рассказ просто непривычен для этого жанра. Он не традиционен. «Это настоящая художественная литература без скидок. Попробуйте читать Нагибина, если вас в шутку предупредят, что это детектив. Вы будете разочарованы. Вот так же и здесь». Одним словом, претензия одна: нужно либо дать больше в научной части, либо меньше. Я думаю, лучше меньше...

Никак, никак мы еще не умели тогда преодолеть гнет вековых традиций, хотя лучше любого нашего редактора понимали уже, что каждое научное или даже пусть квазинаучное

объяснение рвет любую художественную ткань, словно ржавый тесак.

По-моему, именно в этом рассказе впервые у АБС и вообще в фантастике появляется термин «кибер» — для обозначения любой достаточно сложной многофункциональной «разумной» машины. И именно после опубликования «Забытого эксперимента», как бы подводя итог целому этапу творчества АБС, научный сотрудник ГАО АН СССР Лидия Камионко разразилась пародией, которая никогда нигде не публиковалась и которую я не могу удержаться чтобы здесь не привести целиком:

СПОНТАННЫЙ ПОИСК

(БРАТЬЯ СТРУГАЦКИЕ)

Иван Федотович открыл люк и высунулся. Было темно. Вдали виднелся лес. Он был зубчатый и темный. Пахло мокрым. Вездеходный танк стоял перед гигантской котловиной. Он был похож на блоху странного сиреневого цвета. Суставчатые ноги были поджаты, и казалось, что гигантское насекомое дремлет. Что-то гудело и похрустывало, щелкали тумблеры и кенотроны.

— Черт, — сказал Иван Федотович, — не позавтракать ли? Ты как, Термус?.

Термус мрачно повертел ручки пульта управления и вытащил откуда-то снизу бутылку коньяка.

— Киберов я послал, — сказал он бесцветным голосом. — Надо ждать.

Он налил по стакану себе и Ивану Федотовичу.

— Дерьмо собачье, — сказал Иван Федотович. — Но как выдержал реактор?

— Мезонная плазма, — сказал Термус. — И не то выдержит.

Они сидели в толстой тени танка.

— Киберы возвращаются, — тускло сказал Термус.

Киберы резво бежали, похожие на поросят на восьми ножках. Они повизгивали, поминутно меняя цвет. Они остановились и сразу стали красными.

— Плохо дело, — сказал Иван Федотович.

А в котловине творилось что-то странное. Края ее заволакивались оранжевым туманом, сквозь который сверкали голубые молнии.

— Быстро в машину, — невыразительно сказал Термус.

Двигатель взревел, машина понеслась. Волны тумана захлестывали ее, рушились скалы, извивались красные кольца. Термус потерял сознание. У Ивана Федотовича онемела голова. Звон стоял в ушах. Трещали счетчики.

«Вот сволочь, — подумал Иван Федотович. — Радиация».

Вездеход мчался вперед. Все по бокам слилось в полосы. Промелькнул комар ростом с козла.

«Дьявол, ОТТУДА», — подумал Иван Федотович.

Вездеход начал взрываться, Ивана Федотовича выбросило на черные и скользкие деревья. Он застонал и потерял сознание.

Очнувшись, он почувствовал, что у него оторван левый бок. Рядом лежал обгоревший Термус. Иван Федотович взвалил Термуса на плечи и пополз вперед. Уцелевший кибер деловито шлепал сзади. Он был нежно-голубого цвета.

*Выдержка из Большой Советской Энциклопедии ****** год издания*

*ТУМАН ОРАНЖЕВЫЙ. Открыт в ***** г. Термусом и Пафнутьевым. Продукт реакции мезонов, тиратронов, гиперонов, клистронов, экситонов, мегатронов и позитронов. Выделяющаяся энергия равна ******** электрон-вольт. Применяется в сельском хозяйстве для уничтожения вредителей.*

3
«ПУТЬ НА АМАЛЬТЕЮ» (1959)

Изначально повесть «Путь на Амальтею» называлась «С грузом прибыл». Она и придумана, и исполнена была как «производственная». Самым ценным для авторов была в ней атмосфера обыденности, повседневности, антигероизма, если угодно.

Задумывалась она под названием «Страшная большая планета» и в самом своем первом воплощении была мало похожа на себя. Я бы сказал — вообще не похожа.

5 июня 1957 — АН:

Срочно выясни мне все данные о Юпитере и его спутниках — все возможное, гипотетическое, предположительное и т. д. Расстояния до Юпитера, размеры, периоды обращения, атмосферы, природу и т. д.

О самом Юпитере — все, начиная с расстояния до Солнца и кончая гипотезами внутреннего строения. Затем, нельзя ли взять Юпитер как наилучший объект для проверки «эффекта Козырева». Эти все данные необходимы мне СРОЧНО.

31 августа 1957 — АН:

Между прочим, «Страшную большую» буду продолжать, душа с тебя вон. Нужно сделать, обязательно. Пусть будет тривиально, но нельзя отдавать Юпитер таким, как <…>…

8 февраля 1958 — АН:

Теперь о «Страшной большой». План ты предложил отличный, и он нуждается лишь в некоторых доработках. Преимущества его такие: 1) Первая в СССР вещь на тему о межпланетном пиратстве; 2) Отличная преемственность со «Страной багровых туч»; 3) Снова это не флаги и стяги во всепланетном масштабе, а только эпизод; 4) Энергичный сюжет…

К сожалению, упоминаемый выше план не сохранился — а интересно было бы почитать его сейчас! Там были сражения в космическом пространстве, там были таинственные «Симмонсы» — настоящие, без дураков, пираты, жестокие, омерзительные и

беспощадные, оседлавшие межпланетные коммуникации и готовящиеся нанести удар из космоса по советским республикам...

Ничего этого в первом варианте «Страшной большой» не осталось. Да и не могло остаться.

19 марта 1959-го АН пишет:

Наша идея повести горит синим огнем. НИКАКИХ боев в межпланетном пространстве. Даже смотреть не будут. Надо придумать что-то другое...

Сама государыня Идеологическая Система была против этого варианта. Обойдясь без пиратов и боев в космическом пространстве, АН, конечно, довел-таки его до конца, но после совместного обсуждения и разбора вариант был отвергнут — уже самими соавторами. В окончательный текст «Пути на Амальтею» вошли из него только несколько кусочков.

Кажется, именно повесть «Путь на Амальтею» была первой нашей повестью, написанной в новой, хемингуэевской, манере — нарочитый лаконизм, многозначительные смысловые подтексты, аскетический отказ от лишних эпитетов и метафор. Кроме того, она впервые работалась и самым новейшим способом: оба соавтора сидят у большого обеденного стола в маминой комнате в Ленинграде напротив друг друга, один за машинкой, другой — с листом бумаги и ручкой (для записи возникающих вариантов), и — слово за словом, абзац за абзацем, страница за страницей — ищут, обсуждают и шлифуют «идеальный окончательный текст».

***

Конец октября — начало ноября 1959 года. На улице холодно. Трещат поленья в большой кафельной печи. Мама хлопочет на кухне, иногда заходит к нам на цыпочках — что-нибудь взять из буфета. Все еще живы и даже, в общем, здоровы. И все впереди. И все получается.

Найден новый способ работы, работается удивительно легко, и все идет как по маслу: повесть «С грузом прибыл» и три рассказа — «Странные люди», «Почти такие же», «Скатерть-самобранка» — закончены (или почти закончены) были меньше чем за месяц.

Казалось, теперь всегда будет так — легко и как по маслу.

Но это нам только казалось.

ИЗ КРИТИКИ ТЕХ ЛЕТ

Стругацкие нашли свою тему. Их тема — люди в космосе. Обыкновенные советские люди.

Воля советского человека сильнее багровых туч. Будет ли продолжение у этой удачной повести?

Журнал «Знание — сила», 1959

Дети читают «произведение» Б. и А. Стругацких «В стране багровых туч». Это грубая и неумная книга. В ней есть драка, любовная история и всевозможные препятствия. Но нет мысли, нет ничего от настоящей науки.

Не умея создать характеры, авторы вкладывают в уста своих героев чрезвычайно грубую речь, заставляя их непрерывно чертыхаться...

Газета «Комсомольская правда», 1960

Познакомясь с научно-фантастическими рассказами и повестью А. и Б. Стругацких «Путь на Амальтею» приходишь к печальному выводу, что эти люди будущего — то далеко не передовые люди.

Герои называют друг друга «извергами», «бездельниками», «слепыми филинами», «трепачами» и «мальками». Неужели авторы повести решили, что люди будущего будут так говорить?

Журнал «Звезда», 1961

ГЛАВА ВТОРАЯ: 1960-1962

4
«ВОЗВРАЩЕНИЕ. ПОЛДЕНЬ, XXII ВЕК» (1960)

Этот роман задуман был, видимо, в самом начале 1959 года.

Вот первое упоминание о нем:

19 марта 1959 — АН:

Теперь о «Возвращении». Пришли мне три своих неудачных варианта, хочу поглядеть, по какому пути ты идешь. Все три. У меня сильное подозрение, что ты прешься не по той дорожке — слишком тебя занимает психология. От одной психологии добра не жди. Буду ждать с нетерпением...

Работа шла трудно. Изначально будущее сочинение мыслилось авторами как большой утопический роман о третьем тысячелетии, но в то же время и как роман приключенческий, исполненный фантастических событий, то есть отнюдь не как социально-философский трактат.

16 декабря 1959 — АН:

Срочно давай идеи для «Возвращения». Я более или менее разработал первую часть, но мне нужны хорошие планы для части о «кхацкхах» и, самое главное, для части последней — «Творцы миров», о человечестве в канун четвертого тысячелетия. Расстарайся, брат. Часть о перелете к кхацкхам должна быть сильно приключенческая, а последняя часть — психологически-утопическая с диковинами и гвоздиками.

Сохранилась копия заявки, которую в декабре 1959 года АН подал в издательство «Молодая гвардия». Там сюжет «Возвращения» выглядит так (повторяю: это конец 1959-го — написано несколько вариантов начала, ни один из них не представляется авторам окончательным и даже просто годным к употреблению):

В самом начале XXI века одна из первых межзвездных экспедиций, производившая эксперименты по движению на возлесветовых скоростях, выпадает из «своего» времени и возвращается после перелета, продолжавшегося несколько лет, на Землю конца XXII века. Перелет был трудный, выжили только два человека — штурман и врач. Они и являются героями повести.

Оказавшись в коммунистическом будущем, они сначала теряются, не зная, смогут ли стать полезными членами общества, но затем находят свое место в общем строю, спешно наверстывают каждый в своей области все, чего добилось человечество за прошедшие два века, и приглашаются принять участие в дальней звездной экспедиции, имеющей целью найти во Вселенной братьев Человека по разуму. На новейшем по новому времени корабле (гравитабль, оборудованный «двигателями времени») они достигают довольно отдаленной планетной системы, на одной из планет которой обнаруживают разумную жизнь. Следует встреча с иным человечеством, описание их жизни и приключения на незнакомой планете.

Земляне, с точки зрения этих людей, являются новой, чрезвычайно стремительной и активной формой жизни. «Медленное человечество» по условиям эволюционного развития на их планете очень плохо приспособлено к быстрому и активному прогрессу, настолько плохо, что, несмотря на значительно более длительную историю, чем история человечества на Земле, они едва успели добраться до употребления не очень сложных машин. Тем не менее «медленное человечество» продолжает упорно, хотя и очень замедленными темпами, двигаться вперед. Оказав «братьям по разуму» посильную помощь, земляне, несколько разочарованные, возвращаются на Землю. Они прибывают в Солнечную систему через тысячу лет. Земля изменилась неузнаваемо, все планеты земного типа «выправлены» и стали такими же цветущими и заселенными мирами, как сама Земля. Планеты-гиганты «разрабатываются» в качестве неисчерпаемых источников даровой энергии для грандиозных экспериментов по исследованию структуры пространства и времени и для сверхдальней связи с другими мирами Вселенной. Люди научились «творить» любые вещи из любого вещества.

Оказавшись в этом мире, герои снова на некоторое время теряются и снова находят свое место среди многих миллиардов «властелинов» необычайных машин, «творцов» новых миров и замечательных художников.

ИДЕЯ. Показать две последовательные ступени развития человечества будущего. Показать неисчерпаемые технические и творческие возможности человечества. Показать, что люди будущего — именно люди, не утратившие ни любви, ни дружбы, ни страха потерь, ни способности восхищаться прекрасным. Показать некоторые детали коммунизма «во плоти». Показать несостоятельность «теории» ограниченных возможностей познания для человека, взятого отдельно.

Даже со скидкой на специфику издательской заявки, как некоего особого жанра, по прочтении этого текста приходится признать, что авторы явно так и не уяснили себе сами, что же они хотят писать — приключенческий роман или утопию. Это им еще предстоит выяснить. Методом проб и ошибок.

***

Сохранились наметки к роману в экспедиционном дневнике БН времен Харбаза и Кинжала — это была экспедиция АН СССР по поиску места для строительства на Северном Кавказе гигантского по тем временам 6-метрового телескопа, специальные наблюдения за качеством изображений производились на горах Харбаз, Кинжал и Бермамыт.

8 июля 1960: «Хорошо бы вставить в „Возвращение“ „Гигантскую Флуктуацию“ как рассказ Горбовского (или Лурье)».

10 июля 1960: «Заставить героев „Возвращения“ решать кроссворды 2300 года».

16 июля 1960: «Хорошо бы ввести в „Возвращение“ маленькие рассказики из нынешней жизни — для контраста и настроения — a la Хемингуэй или Дос-Пассос. Не позволят, наверное. (Блокада, война — Сталинград, военный коммунизм, 37 год, смерть Сталина, целина, запуск спутника и ракеты...)»

28 июля 1960: «Юра, шофер: „Я когда в конце сезона с машиной прощаюсь, каждый раз целую ее в баранку — прощай, милая“. — Использовать для Горбовского или Кондратьева».

12 августа 1960: «Не забыть в „Возвращении“: „Можно я здесь прилягу“ — встреча с Горбовским».

«В конце главы VII. Горбовский (вдруг встает):

— Я вижу, вы томитесь, штурман Кондратьев. Завтра я познакомлю вас с одним человеком. Его фамилия Званцев. Он глубоководник».

«Двое немцев держали политрука, завернув ему руки за спину, а третий срывал с него петлицы, срезал пистолет, рванул ворот. Он выстрелил из автомата, и все четверо упали, а он побежал в кусты. Немцы издевались над политруком. Он не знал, правильно ли сделал. Это были его первые».

13 августа 1960: «Глава „Собиратели информации“. Марс. Машина, собирающая информацию о прошлом Марса. Информаторы — маленькие машины. Машина начинает вести

себя. Вызывают телепата. Лурье едет, едва услышав. Приключения — все в юмористическом духе. ИДЕЯ: бунт машины — вещь забавная, а не страшная, ибо машина старается угодить, а не навредить человеку».

15 августа 1960: «Информаторы — микроскопические машины размером с бактерию. Механические бактерии (и в медицине)».

«Глава „Двое в беде“. Наш пилот попадает в ловушку, туда же попадает еще кто-то, с другой планеты. („И только тут он понял, что это не человек“.) Потом они выбираются и расстаются. Тот убегает, страшно спешит, неужели навсегда».

21 августа 1960: «Коммунизм — сообщество людей, любящих свой труд, стремящихся к познанию и честных с собой, с другими и в работе. Такие люди есть и сейчас».

24 августа 1960: «Идея: уже сейчас есть люди, годные для коммунизма; такими вы будете».

Там же и тогда же — один из первых планов повести:

ЧАСТЬ I

1) Возвращение

2) Чужие (больница) — сюда вставить историю корабля

3) Злоумышленники

4) Второе возвращение (одиночество). Идея: не гожусь я для коммунизма

5) Свечи перед пультом

6) Скатерть-самобранка

7) Знакомство с Горбовским (он рассказывает «Гф»)

ЧАСТЬ II

1) У рифа «Октопус»

2) Странные люди

3) Улавливатели информации! (Думать!)

4) Благоустроенная планета

5) Заповедник (зверощеры и акклиматизированные существа, Лурье терпит там крушение)

6) Телепато-станция

7) Такими вы будете...

Профессии:

1) Ассенизатор

2) Дрессировщик

3) Телепат

4) Десантник

5) Глубоководник

6) Оператор-информатор («собиратель информации»)

7) Учитель.

28 августа 1960: «Лурье и Кондратьев не первые и не единственные. Две экспедиции так уже возвращались (сто и сто пятьдесят лет назад). Одна погибла в поясе тяжелых систем. Вторая прибыла. Там было трое, и они жили долго и работали как надо и умерли в штанах».

«Вставить в главу „Риф Октопус“ дрессированных кальмаров, уничтожающих косаток. И дрессировщика».

По крайней мере половина этих наметок в дело не пошла. Особенно жалко мне сейчас тех самых «маленьких рассказиков из нынешней жизни «a la Хемингуэй или Дос-Пассос». Мы называли их— «реминисценции». Все реминисценции эти были во благовременье написаны — каждая часть повести открывалась своей реминисценцией. Однако в «Детгизе» их отвергли самым решительным образом, что, впрочем, понятно — они были, пожалуй, слишком уж жестоки и натуралистичны. К сожалению, потом они все куда-то пропали, только АН использовал кое-какие из них для «Дьявола среди людей». На самом деле в «Возвращении» они были бы на месте — они давали ощущение почти болезненного контраста — словно нарочитые черно-белые кадры в пышно-цветном роскошном кинофильме.

***

В те времена нас часто, охотно и все кому не лень ругали за то, что мы «не знаем реальной жизни». При этом безусловно имелось в виду, что мы не знаем ТЕМНЫХ сторон жизни, нас окружающей, что мы ее идеализируем, что не хватили мы еще как следует шилом патоки, что знать мы пока не знаем, насколько кисла курятина, и что петух жареный нас в маковку еще по-настоящему не клевал, — словом, совсем как у Александра Исаевича: «...едете по жизни, семафоры зеленые».

Отчасти это было, положим, верно. Жизнь не часто и не систематически загоняла нас в свои мрачные тупики (АН — почаще, БН — совсем редко), а если и загоняла, то сама же из этих тупиков милостиво и выводила. Не было в нашей жизни настоящего безысходного невезения, и с настоящей свинцовой несправедливостью встретиться никому из нас не довелось. На всякое невезение случалось у нас через недолгое время свое везение, а несправедливости судьбы и времени мы преодолевали сравнительно легко — как бегун преодолевает барьеры, теряя в

скорости, но не в азарте. Как мне теперь ясно, оптимизм наш и даже некоторый романтизм тех времен проистекали отнюдь не из того факта, что в жизни мы редко встречали плохих людей, — просто мы, слава богу, достаточно часто встречали хороших.

Однако жизнь, нас окружавшая, была такова, что не требовалось обязательно быть ее окровавленной или обгаженной жертвой, чтобы понимать, какая гигантская пропасть лежит между сегодняшним реальным миром и миром Полудня, который мы стремились изобразить.

Не углубляясь излишне в подробности наших биографий, приведу только два маленьких примера, два отрывка из все того же экспедиционного дневника:

Вчера читал чабанам краткую лекцию по астрономии. Их было четверо. Двое тупо молчали, и было видно, что они просто ничего не знают, ничего не понимают и об устройстве мира никогда не думают. Один — ветработник— кое-что кумекает, но смутно. Разницы между звездой и планетой для него не существует. Один — чабан — уверен, что Земля плоская, Солнце вращается вокруг нее, а на Луне сидит голый чабан. Он ничего не знает об искусственных спутниках и об облете Луны. Это — 52 км от Кисловодска.

Помню, особенно поражало меня тогда, что все они — молодые парни, кончили десятилетку и отслужили действительную. Как? Как ухитрились они сохранить такую первобытную девственность в простейших мировоззренческих вопросах? Каким образом получилось, что титаническая машина общеобразовательного процесса, а тем более машина радио-газетно-телевизионной пропаганды прокрутились над их головами вхолостую?

Второй отрывок — запись, сделанная сразу после того, как наша группа, благодаря отчаянному мастерству шофера нашего Юры Варовенко и поистине большевистскому напору начгруппы Виктора Борисовича Новопашенного (Фельдмаршала), прорвалась по неезженным горным дорогам на мрачную плоскую гору с характерным названием Кинжал (чуть больше 4000 метров над уровнем моря).

Ночью Кинжал прекрасен. Вверху Луна, внизу — облака, под облаками тьма.

Днем — Мухаммед. Рассказ о «точках», где человек спать не может — «начинает бродить», с ним случается «произведение» — духи, шайтаны. Поверил (может быть, газы?), а пять минут

спустя он говорит, что у удавов уши, «как у криси». Мысленно развожу руками.

Выехали обратно и попали в лапы к партайгенацвале (инструктор КПСС от Совета Министров Дагестана). Потребовали документы. Взгляд на фотокарточку — взгляд на Фельдмаршала. Вопросы: «А кто директор в Пулкове? А кто начальник II кабардинского штаба? А кто там парторг? Не может быть, что вы проехали на Кинжал. Это неправда...» Собственно, это основной пункт обвинения: невозможно проехать на Кинжал, они врут. Местная власть — человек с серебряной челюстью и лицом японца; во френче. На столе — «Казбек» (не предлагает), радиоприемник, какие-то списки. Потом извинились («Вы должны понимать, что живете в Советском Союзе... в такой момент...»), подали аръян и лепешки — мы гордо отказались...

Да, мы (с АН) очень хорошо понимали, что жившем именно в Советском Союзе и именно в «такой момент», и тем не менее мысль написать утопию — с одной стороны вполне a la Ефремов, но в то же время как бы и в противопоставление геометрически-холодному, совершенному ефремовскому миру, — мысль эта возникла у нас самым естественным путем. Нам казалось чрезвычайно заманчивым и даже, пожалуй, необходимым изобразить МИР, В КОТОРОМ БЫЛО БЫ УЮТНО И ИНТЕРЕСНО ЖИТЬ — не вообще кому угодно, а именно нам, сегодняшним, выдернутым из этого Советского Союза и из этого самого «момента».

Мы тогда еще не уяснили для себя, что возможны лишь три литературно-художественные концепции будущего: Будущее, в котором хочется жить; Будущее, в котором жить невозможно; Будущее, Недоступное Пониманию, то есть расположенное по «ту сторону» сегодняшней морали.

Мы понимали, однако, что Ефремов создал мир, в котором живут и действуют люди специфические, небывалые еще люди, которыми мы все станем (может быть) через множество и множество веков, а значит, и не люди вовсе — модели людей, идеальные схемы, образцы для подражания, в лучшем случае. Мы ясно понимали, что Ефремов создал, собственно, классическую утопию — мир, каким он ДОЛЖЕН БЫТЬ. (Это — особая концепция будущего, лежащая за пределами художественной литературы, в области философии, социологии и научной этики — не роман уже, а, скорее, слегка беллетризованный трактат.)

Нам же хотелось совсем другого, мы отнюдь не стремились выходить за пределы художественной литературы, наоборот, нам нравилось писать о людях и о человеческих судьбах, о

приключениях человеков в Природе и Обществе. Кроме того, мы были уверены, что уже сегодня, сейчас, здесь, вокруг нас живут и трудятся люди, способные заполнить собой Светлый, Чистый, Интересный Мир, в котором не будет (или почти не будет) никаких «свинцовых мерзостей жизни».

***

Это было время, когда мы искренне верили в коммунизм как высшую и совершеннейшую стадию развития человеческого общества. Нас, правда, смущало, что в трудах классиков марксизма-ленинизма по поводу этого важнейшего этапа, по поводу фактически ЦЕЛИ ВСЕЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИСТОРИИ сказано так мало, так скупо и так неубедительно.

У классиков сказано было, что коммунизм — это общество, в котором нет классов... Общество, в котором нет государства... Общество, в котором нет эксплуатации человека человеком... Нет войн, нет нищеты, нет социального неравенства...

А что, собственно, в этом обществе ЕСТЬ? Создавалось впечатление, что есть в том обществе только «знамя, на коем начертано: от каждого по способностям, каждому по его потребностям».

Этого нам было явно недостаточно. Перед мысленным взором нашим громоздился, сверкая и переливаясь, хрустально чистый, тщательно обеззараженный и восхитительно безопасный мир — мир великолепных зданий, ласковых и мирных пейзажей, роскошных пандусов и спиральных спусков, мир невероятного благополучия и благоустроенности, уютный и грандиозный одновременно, — но мир этот был пуст и неподвижен, словно роскошная декорация перед Спектаклем Века, который все никак не начинается, потому что его некому играть, да и пьеса пока еще не написана...

В конце концов мы поняли, кем надлежит заполнить этот сверкающий, но пустой мир: нашими же современниками, а точнее, лучшими из современников — нашими друзьями и близкими, чистыми, честными, добрыми людьми, превыше всего ценящими творческий труд и радость познания... Разумеется, мы несколько идеализировали и романтизировали своих друзей, но для такой идеализации у нас были два вполне реальных основания: во-первых, мы их любили, а во-вторых, их было, черт побери, за что любить!

Хорошо, говорили нам наши многочисленные оппоненты. Пусть это будут такие, как мы. Но откуда мы возьмемся там в таких подавляющих количествах? И куда денутся необозримые массы нынешних хамов, тунеядцев, кое-какеров, интриганов, бездельных болтунов и принципиальных невежд, гордящихся своим невежеством?

Это-то просто, отвечали мы с горячностью. Медиана колоколообразной кривой распределения по нравственным и прочим качествам сдвинется со временем вправо, как это произошло, скажем, с кривой распределения человека по его физическому росту. Еще каких-нибудь три сотни лет назад средний рост мужика составлял 140-150 сантиметров, мужчина 170 сантиметров считался чуть ли не великаном, а посмотрите, что делается сейчас! И куда делись все эти стосорокасантиметровые карлики? Они остались, конечно, они встречаются и теперь, но теперь они редкость, такая же редкость, как двухметровые гиганты, которых три-четыре века назад не было вовсе. То же будет и с нравственностью. Добрый, честный, увлеченный своим делом человек сейчас относительно редок (точно так же, впрочем, как редок и полный отпетый бездельник и абсолютно безнадежный подлец), а через пару веков такой человек станет нормой, составит основную массу человеческого общества, а подонки и мерзавцы сделаются раритетными особями — один на миллион.

Ладно, говорили оппоненты. Предположим. Хотя никому не известно на самом деле, движется ли она вообще, эта ваша «медиана распределения по нравственным качествам», а если и движется, то вправо ли? Ладно, пусть. Но что будет двигать этим вашим светлым обществом? Куда дальше оно будет развиваться? За счет каких конфликтов и внутренних противоречий? Ведь развитие — это борьба противоположностей, ведь все мы — марксисты (не потому, что так уж убеждены в справедливости исторического материализма, а скорее потому, что ничего другого, как правило, не знаем). Ведь никаких фундаментальных («антагонистических») противоречий в вашем хрустальном сверкающем мире не осталось. Так не превращается ли он таким образом в застойное болото, в тупик, в конец человеческой истории, в разновидность этакой социальной эвтаназии?

Это был вопрос посерьезнее. Напрашивался ответ: непрерывная потребность в знании, непрерывный и бесконечный процесс исследования бесконечной Вселенной — вот движущая сила прогресса в Мире Полудня. Но это был в лучшем случае ответ на вопрос: чем они там все будут заниматься, в этом мире. Изменение же и совершенствование СОЦИАЛЬНОЙ структуры

мира из процедуры бесконечного познания никак не следовало.

Мы, помнится, попытались было выдвинуть теорию «борьбы хорошего с лучшим» как движущего рычага социального прогресса, но вызвали этим только взрыв насмешек и ядовитых замечаний — даже Би-Би-Си, сквозь заглушки, проехалась по этой нашей теории, и вполне справедливо.

Между прочим, мы так и не нашли ответа на этот вопрос. Гораздо позднее мы ввели понятие вертикального прогресса. Но, во-первых, само это понятие осталось у нас достаточно неопределенным, а во-вторых, случилось это двадцатью годами позже. А тогда эту зияющую идеологическую дыру нам нечем было залатать, и это раздражало нас, но в то же время и побуждало к новым поискам и дискуссионным изыскам.

В конце концов мы пришли к мысли, что строим отнюдь не Мир, который Должен Быть, и уж конечно же не Мир, который Обязательно Когда-нибудь Наступит, — мы строим Мир, в котором НАМ ХОТЕЛОСЬ бы ЖИТЬ и РАБОТАТЬ, и ничего более. Мы совершенно снимали с себя обязанность доказывать ВОЗМОЖНОСТЬ и уж тем более НЕИЗБЕЖНОСТЬ такого мира. Но, разумеется, при этом важнейшей нашей задачей оставалось сделать этот мир максимально правдоподобным, без лажи, без логических противоречий, восторженных сусальностей и социального сюсюканья.

***

Впрочем, ясное понимание этих довольно простых соображений пришло к нам значительно позже. Первоначальный же текст романа (опубликованный в 1962 году) еще носил в себе все признаки исходного замысла: показать, как вживается человек сегодняшнего дня в мир Светлого Будущего. Впоследствии мы от этой затеи фактически отказались, мы просто рисовали панораму мира, пейзажи мира, картинки из жизни мира и портреты людей, его населяющих.

Но уже тогда, в 1960-м, мы решительно отказались от сквозного сюжета в пользу мозаики, так что роман оказался разбит на отдельные, в общем-то не связанные между собою главки, значительная часть которых представляла собою совершенно посторонние друг другу рассказы, написанные в разное время и по самым разным поводам.

В частности:

— **«Поражение»** — рассказ задуман был еще в июне 1959 года. (АН: «Вот научная сторона: яйцо. Не куриное яйцо, и не твое, а кибернетическое яйцо, семя. Представь себе устройство, в которое заложена программа и возможности развития. Создано оно для того, чтобы обеспечивать межпланетникам уют по прибытии в иной мир...») Рассказ этот многократно переделывался и шлифовался, был опубликован вначале под названием «Белый конус Алаида», потом в сборнике «Шесть спичек» под названием «Поражение» и окончательно угнездился в романе «Полдень, XXII век» под тем же названием.

— **«Странные люди»** — воплощение идеи десантников, «людей, которые сбрасываются на планеты, которые по разным причинам невозможно обследовать приборами». Идея эта возникла тогда же, в июне 1959 года. Позже (в ноябре 1959-го) был написан рассказ с этим названием, который опубликовать нигде не удалось. Главный редактор «Знание — сила» его решительно отверг, начальству «Смены» не понравился «этот странный героизм», а в «Юности» рассказ вызвал «недоумение, смешанное с легким испугом и робким удовольствием». Впрочем, Катаев его отверг, и больше мы его никуда не давали, а потом вставили в «Возвращение» под названием «Десантники».

— **«Почти такие же»** — первый черновик был закончен в конце ноября 1959-го. Неоднократно переписывался, как самостоятельный рассказ был опубликован в сборнике «Путь на Амальтею» и уже только в 1967 году вошел в роман.

— **«Скатерть-самобранка»** — закончен в конце 1959-го, отвергнут «Огоньком», потом вставлялся в «Возвращение» 1962-го и 1967-го, был выброшен (за нехваткой места) в переиздании 1975-го... В общем, как говорится, непростая судьба довольно простенького рассказика.

— **«Ночь на Марсе»** — первый вариант упоминается под названием НС (я не помню, как расшифровывается эта аббревиатура, помню только, что сначала рассказ назывался «Ночь в пустыне»), закончили мы его в январе 1960-го. После ряда доводок, переделок и доработок он пошел в журнал «Знание — сила» и окончательно утвердился в романе в 1967 году.

— **«Благоустроенная планета»** написана была в апреле 1960-го, как совершенно самостоятельный рассказ попала сначала в альманах «Мир приключений», а уж потом только в «Возвращение», где оказалась очень на месте.

— **«О странствующих и путешествующих»** — рассказ написан был, видимо, в конце 1962 года. Неоднократно менял названия: «Мигранты», «Мещанин» и, наконец, «О странствующих...». (Это последнее название — строчка из

старинной молитвы: «О странствующих, путешествующих, страждущих, недугующих, плененных к о спасении их Господу помолимся!..» Слава богу, из редакторов никто этой идеологической диверсии не заметил, а если и заметил, то промолчал.) Прежде чем попасть в новый вариант «Полдня...» рассказ этот был опубликован в одном из ежегодных сборников фантастики.

И так далее. В издании 1967 года всего 19 рассказов, и 9 из них написаны были, так сказать, «сами по себе» и лишь позже оказались (после соответствующей обработки и доводки — приходилось менять героев, а иногда и время действия) включены в роман.

***

Вообще-то сам роман вырос из небольшого незаконченного рассказика (составившего впоследствии основное содержание главки «Перестарок». Назывался этот рассказик «Возвращение», по той простой причине, что речь в нем шла о возвращении на Землю XXII века людей века XXI, ставших, так сказать, жертвой известного «парадокса близнецов». Впоследствии, общаясь между собой, мы для простоты называли будущий роман «Возвращение», потому только, что это (посредственное) название у нас уже было, а настоящее (хорошее) название надо было еще придумать. И в авторской заявке будущий роман фигурировал как «Возвращение». И в планы редакционной подготовки его занесли под этим же названием. Так что, когда пора настала книжку выпускать, произошло то, что происходило неоднократно и до того, и после: выяснилось, что во всех бумагах, списках, планах и прочих важных документах название уже зафиксировано и теперь его не вырубишь топором.

А у нас уже было наготове название, которое нам действительно нравилось. Его придумал АН, прочитавший к тому времени роман Эндрю Нортон «Рассвет — 2250 от Р. Х.» — роман о Земле, еле-еле оживающей после катастрофы, уничтожившей нашу цивилизацию. «Полдень, XXII век» — это было точно, это было в стиле самого романа, и здесь, кроме всего прочего, был элемент полемики, очень для нас, тогдашних, важный. Братья Стругацкие принимали посильное участие в идеологической борьбе. Сражались, так сказать, в меру своих возможностей на идеологическом фронте. (Господи! Ведь мы тогда и в самом деле

верили в необходимость противопоставить мрачному, апокалиптическому, махрово-реакционному взгляду на будущее наш — советский, оптимистический, прогрессивный, краснознаменный и единственно верный!)

Новое название разрешено нам не было, но удалось-таки его втиснуть на обложку хотя бы и в качестве подзаголовка. Впрочем, все это пустяки. Нас ожидали неприятности покруче. Начались они с совершенно невинного сообщения АН (письмо от 23 марта 1962):

«Возвращение» по новому постановлению о порядке опубликования научно-фантастических и научно-художественных произведений отправлено цензурой в Главатом и вернется в издательство в понедельник или во вторник, после чего выйдет в ближайший месяц...

Не могу удержаться и передаю все дальнейшие события в строго хронологическом порядке.

8 апреля 1962:
«Возвращение» все еще томится в застенках Главатома...

12 апреля 1962:
Новостей никаких. «В» все еще томится в гнусных застенках цензуры...

25 апреля 1962:
Из Главатома молчат. Возможна эвакуация главы о телепатах...

7 мая 1962:
Так вот — неприятность № 1. Группа цензоров предложила «Детгизу» воздержаться от издания «Возвращения». Главбух «Детгиза» уже робко приближался в рассуждении — с кого и как содрать расходы по производству. Если ты собираешься разражаться тирадами, сбереги дыхание. Цензоры тебя не слышат...

12 мая 1962:
С «Возвращением» пока без изменений. Условия таковы, что сейчас пока предпринять ничего невозможно.

29 мая 1962:
Даю информацию. 1. Вчера из Главатома пришло

«Возвращение» с резолюцией, дословно такой: «В повести А. и Б. Стругацких секретных сведений не содержится, но она написана на низком уровне (!) и не рекомендуется к опубликованию». Так-то. Сейчас же Нина Беркова отнесла эту резолюцию в Главлит. Но главлитского начальства не было на месте, и как отнесется Главлит к этой идиотской цидуле — неизвестно. Самое смешное, что книга наша Главлитом уже подписана, но из-за гнусной рекомендации ее опять задержали и могут вообще не выпустить...

Для новых россиян считаю нужным пояснить: Главлит, то есть Главное управление по делам литературы, — это была та организация, которая ведала охраной государственной и военной тайны в литературе, дабы никакая секретная информация не проскочила в книге лопоухого — а может быть, и злонамеренного! — писателя и не сделалась достоянием врага. До сих пор у нас была всего парочка мелких столкновений с цензурой — например, когда в «Извне» цензор потребовал, чтобы изменили все упоминавшиеся там номера автомашин — на любые, но другие. Как было сказано выше, в отношении «Возвращения» Главлит до сих пор вроде бы не питал никаких враждебных намерений, но вот теперь возник некий Главатом, организация новая, с иголочки, с неясными пока задачами, но, видимо, с немалыми амбициями, раз с ходу берет на себя право судить об уровне художественного произведения.

3 июня 1962:

С «Возвращением» перемен никаких. Главлит не хочет подписывать разрешение к печати, пока не выяснится окончательно, что имели в виду подонки из Главатома, когда отписали, что повесть «на низком уровне». Этим теперь занимается главный редактор «Детгиза» тов. Компаниец В.Г....

7 июня 1962:

Все без перемен...

И вот, наконец...

Дальше я даю фактически полный текст письма АН, отправленного в интервале между 8 и 12 июня (точной даты нет). Это обширный текст, но он, по-моему, представляет определенный интерес для каждого, кому захочется погрузиться в ностальгически-светлые, истинно Советские времена, когда был Порядок и все было Нормально. Особенно считаю нужным подчеркнуть, что это — июнь 1962 года, совсем недавно отгремел XXII съезд КПСС, на дворе — разгар Первой оттепели, «Один день

Ивана Денисовича» вот-вот выдвинут на Ленинскую премию... и вообще — так вольно дышится в возрожденном Арканаре!

Вот и дождались светлого праздника: «Возвращение» из Главлита получено, сдано в производство и выйдет, по утверждению нач. производственного отдела, в июле. Т. е. выйдет сигнал.

Но получилось все так, что мне даже не радостно. Мерзость случившегося беспредельна. Вот как это было:

«Возвращение Возвращения»

Действующие лица:

А. Стругацкий — автор.

Н. Беркова — редактор. (Нина Матвеевна Беркова — наш редактор на протяжении долгих лет, сделавшая очень много для АБС в «Детгизе». — БН)

Компаниец — главный редактор «Детгиза».

Пискунов— директор «Детгиза».

Калинина — чин в Главлите.

Кондорицкий — крупный чин в Главатоме.

Калинин, Ильин — его референты.

Как ты помнишь, «Возвращение» было передано в Главатом по требованию Главлита в середине марта. В середине апреля, после троекратного напоминания о том, что книгу нельзя задерживать так долго, что стоит производство и т. д., а также о том, что от них требуется всего-навсего сообщить, содержатся ли в книге закрытые сведения по атомной энергетике, в «Детгиз» пришла официальная бумага за подписью Кондорицкого: «Закрытых сведений в книге не содержится, но книгу печатать нельзя, потому что она написана на низком уровне».

Уповая на благоразумие главлитовских работников, мы переслали бумагу к ним. Действительно, через день Калинина сообщила, что книгу она, несмотря ни на что, подписала, но чтобы отдать ее нам, она должна знать, что думает по поводу этой резолюции детгизовское начальство. И вот тут-то и началось.

Пискунов сказал: «Очень сожалею, но из-за одной книжки я ссориться с государственным учреждением не буду». Компаниец, вместо того чтобы позвонить Калининой и сказать, что плевал он на мнение главатомщиков, стал звонить к Кондорицкому, чтобы выяснить, что тот имел в виду под словами «написано на низком уровне». Но тут оказалось, что сам Кондорицкий книгу не читал, а читал ее Калинин, а Калинин уехал в отпуск и вернется к середине июня. Так тянулось две недели.

Беркова неутомимо сидела на Компанийце и заставила его говорить с Кондорицким серьезно. В конце концов Кондорицкий не

выдержал и сознался, что развернутое заключение на книгу, написанное Калининым, имеется, но дать он нам его не может, потому что оно секретное.

«Хорошо, — сказал Компаниец, — я пришлю к вам своего сотрудника Беркову, пусть она посмотрит на это заключение». Кондорицкому ничего не оставалось, кроме как согласиться. И вот Беркова отправилась в Главатом. Кондорицкий ее, конечно, не принял, а выслал ей второго своего референта, Ильина. Тот, рассыпаясь в извинениях, сказал, что заключение показать ей не может, оно-де не для посторонних глаз, но что он его помнит и может сообщить основные положения. Дальше произошел следующий разговор (имей в виду, что тут нет ни слова преувеличения):

Беркова: Итак, что имеется в виду, когда вы утверждаете, что книга на низком уровне?

Ильин: Книга очень сложна.

Б. — В чем же? Она содержит закрытые сведения?

И. — Нет, что вы...

Б. — В ней есть утверждения, противоречащие нашим взглядам на науку и технику?

И. — Нет, об этом в заключении не сказано.

Б. — Так при чем же здесь низкий уровень?

И. — Имеется в виду низкий литературный уровень.

Б. — Об этом судить не Главатому, но что же все-таки имеется в виду?

И. — В книге употребляется много сложных научно-технических терминов, которые непонятны рядовому читателю.

Б. — Например?

И. — Ну... всякие. Вот, например, есть термин, который, может, и употребляется среди узких специалистов, но массам он непонятен.

Б. — Какой именно?

И. — Сейчас вспомню. А... Абра... Ага, вот. Абракадабра. (Помнишь, Боб? «Это не сигналы, это абракадабра».)

Б. (сдерживаясь) — Это не научный термин. А еще?

И. — Еще, например, есть термин... Ки... Кибер.

Б. — Вы слыхали про такую науку — кибернетику?

И. — Слыхал.

Б. — Вот это слово от этой науки.

И. — Вот я и говорю — не всем будет понятно.

Б. — И все остальные ваши замечания в таком вот духе?

И. — Да.

Беркова вернулась в «Детгиз», доложила Компанийцу, тот сейчас же позвонил в Главлит, и через час мы с Берковой пошли в

Главлит и забрали «Возвращение». Сразу же отдали в производство. Вот и все.

Вот и все, что я хотел тебе сообщить. Здорово, правда?

Почти три месяца нервотрепки, остановка производства, убыток в несколько тысяч...

***

Это было наше первое серьезное столкновение с машиной цензуры, причем заметьте, не с Главлитом даже, а лишь с дочерним его филиалом. Мы тогда с огромным облегчением перевели дух, но мы и представления еще не имели, каково это бывает НА САМОМ ДЕЛЕ.

Вообще надо признать, что «Возвращение» совсем немного пострадало от идеологической правки и — только на редакционно-издательском уровне. Высшие инстанции, слава богу, не вмешивались. Во-первых, не та была фигура АБС, чтобы ими интересовались идеологические вожди, во-вторых, к фантастике относились в те времена вполне пренебрежительно, да и сами времена, повторяю, были чертовски либеральные.

Мы были человеками своего времени, наверное не самыми глупыми, но уж отнюдь и не самыми умными среди своих современников. Слова «коммунизм», «коммунист», «коммунары» многое значили для нас тогда. В частности, они означали светлую цель и чистоту помыслов. Нам понадобился добрый десяток лет, чтобы понять суть дела. Понять, что «наш» коммунизм и коммунизм товарища Суслова не имеют между собой ничего общего. Что коммунист и член КПСС — понятия, как правило, несовместимые. Что между советским коммунистом и коммунизмом в нашем понимании общего не больше, чем между очковой змеей и интеллигенцией. Впрочем, все это было еще впереди. А тогда, в самом начале 1960-х, слово «коммунизм» было для нас словом прозрачным, сверкающим, АБСОЛЮТНЫМ, и обозначало оно МИР, В КОТОРОМ ХОЧЕТСЯ ЖИТЬ И РАБОТАТЬ.

«Возвращением» начался длинный цикл романов и повестей, действующими лицами которых были «люди Полудня». В романе был создан фон, декорация, неплохо продуманный мир — сцена, на которой сам бог велел нам разыгрывать представления, которые невозможно было по целому ряду причин и соображений разыграть в декорациях обычной, сегодняшней, реальной жизни. Мир Полудня родился, и авторы вступили в него, чтобы не

покидать этого мира долгие три десятка лет.

5
«СТАЖЕРЫ»
(1961)

Я не берусь назвать, даже с точностью до полугода, время, когда впервые мы заговорили об этом романе. В письме АН от 25 ноября 1960-го я нашел строчку: «...Пора приступать и к „Стажеру“. Я начну с начала декабря... Сейчас я освободился и готов к работе».

Судя по всему, тогда же была подана некая заявка на новый роман под таким названием в «Молодую гвардию», но начать работу никак не удавалось — мы еще вовсю продолжали работать над «Возвращением».

19 марта 1961:

Теперь о стажерстве. Ты зря взялся сейчас за «Восьмое небо». Давай все-таки делать «Стажера». Идея вот какая. Надо написать хорошую историю пацана-стажера (безотносительно к его профессии) в столкновении с людьми и обстоятельствами. Фантастика— только фон. Соответственно создать и новый план на фоне плана формального, который у нас уже есть. Дать образ удачливого, смелого, веселого парня. Можно или нет? Я вот-вот начну. Если хочешь, пиши «Седьмое небо», а я «Стажера». А потом — взяли! — и сделали сразу две вещи. А?

Из этого письма следует, что у нас уже был тогда некий план нового романа и что этот роман назывался «Стажер». Как выглядел этот план, этого история нам не сохранила, а вот что касается «Седьмого (оно же восьмое) неба», то так мы называли сначала роман о магах XX века, впоследствии получивший условное название «Маги», а в конце концов «Понедельник начинается в субботу».

Вообще-то надо признать, что со «Стажером» этим мы не слишком долго запрягали, но еще быстрее ехали — 1-2 мая в Ленинграде «составили более или менее окончательный план „Стажера“ — весьма развернутый и с эмбрионами эпизодов». А уже 23 июля АН пишет: «„Стажера“ в „Молодую гвардию“ сдал, пока, конечно, никаких известий нет». Роман был написан единым духом и за один присест в мае—июне 1961-го. Это было время, когда нам ничего не стоило писать по десять-двенадцать страниц черновика в день — и так на протяжении месяца, каждодневно, без уикендов и перерывов. Хорошее было время!

***

Впрочем, работа с романом (или повестью? никогда не понимал этих градаций) на самом деле продолжалась еще долго, до самого конца 1961-го. Осенью 1961-го произошла смена названия. Насколько я помню, дело было в том, что многочисленные рецензенты (как штатные, так и доброхоты) дружно упрекали нас за то, что роман получился про что угодно, но никак не про мальчика-стажера. Коренное же изменение названия было невозможно по причинам, уже привычным: заявка, редакционный план, издательский план — везде стоит уже черным по белому «Стажер», менять нельзя, ни-ни, ни в коем случае, и думать не могите!.. «Букву, однако же, одну только букву изменить можно?» «Н-ну... разве что одну... пожалуй...» В результате появились «СтажерЫ» — роман (или, все-таки, повесть?) о Стажерах Будущего — Быкове, Жилине, Юрковском и иже с ними.

Закончив его (или — ее), авторы еще не подозревали тогда, что их интерес к освоению космоса как к важнейшему занятию людей ближнего будущего, уже окончательно исчерпан и они никогда более не вернутся к этой теме. «Главное — на Земле» — они вложили этот лозунг в уста своему герою, не догадываясь, что это, на самом деле, отныне их собственный лозунг — и ныне, и присно, и до скончания веков, аминь!

Странное произведение. Межеумочное. Одно время мы очень любили его и даже им гордились — нам казалось, что это новое слово в фантастике, и в каком-то смысле так оно и было. Но очень скоро мы выросли из него. Многое из того, что казалось нам в самом начале 60-х очевидным, перестало быть таковым. Очевидным стало нечто противоположное.

***

Я никогда не забуду одного эпизода, связанного со «Стажерами». Одно из самых стыдных воспоминаний моей молодости.

Выступал я как-то в школьной библиотеке (было это вскоре

после выхода «Стажеров», скорее всего, зимой 62/63 гг.). Сначала все шло как обычно — гладко и скучно, а потом вдруг встал какой-то мальчик лет двенадцати и спросил (невинное дитя): «Почему у вас в романе рабочие из капиталистических стран не едут все в СССР? Ведь у нас хорошо, а у них там плохо?»

Это был удар в поддых. Действительно, почему? Понятно, почему они не едут к нам сейчас — чего ради, да и кто их сюда пустит: граница на замке. Понятно, почему в страну Жилина и Юры Бородина не рвутся трактирщики Джойсы — чего им делать в стране победившего социализма? Но рабочие! Братья по классу! Почему? Как мы могли прохлопать эту очевидную проблему?.. Я неприлично онемел, а потом принялся лепетать какую-то чушь, которой теперь уже, слава богу, не помню. Положение спасла председательствующая учительница. Опытный педагог не потерялась ни на секунду: «Борис Натанович хочет сказать, — сообщила она, — что рабочие капиталистических стран любят свою родину и хотят бороться за социализм у себя дома». Борис Натанович тихонько вякнул что-то там в том смысле, что так, мол, оно и есть, и вечер вопросов и ответов покатился дальше уже без неприятных толчков и ухабов.

Всякое мировоззрение зиждется на вере и на фактах. Вера — важнее, но зато факты — сильнее. И если факты начинают подтачивать веру — беда. Приходится менять мировоззрение. Или становиться фанатиком. На выбор. Не знаю, что проще, но хорошо знаю, что хуже.

В «Стажерах» Стругацкие меняют, а сразу же после — ломают свое мировоззрение. Они не захотели стать фанатиками.

И слава богу.

ИЗ КРИТИКИ ТЕХ ЛЕТ

Мы не можем поверить в «Объединенное человечество» Стругацких как простое слагаемое двух систем: коммунистической и ультракапиталистической. Разве можно согласиться с таким поистине фантастическим предположением Стругацких, что в 2000 году человечество допустит существование некоей гангстерской фирмы «Спайс Перл Лимитед»?

Неприглядно выглядит XXI век в повести братьев Стругацких. Мы не верим, что Стругацкие смотрят в будущее через темные очки. Это скорее подражание «модным» западным течениям...

Журнал «Москва», 1962

Крупными недостатками изобилует произведение Аркадия и Бориса Стругацких «Благоустроенная планета». В нем авторы пренебрегают установленными наукой общими закономерностями развития общества мыслящих существ, диктуют природе свои выдуманные законы...

Журнал «Природа», 1961

ГЛАВА ТРЕТЬЯ: 1962-1964

6
«ПОПЫТКА К БЕГСТВУ» (1962)

Эта небольшая повесть сыграла для нас огромную роль, она оказалась переломной для всего творчества ранних АБС. Сами авторы дружно считали, что «настоящие Стругацкие» начинаются именно с этой повести.

«Попытка...» — это наше первое произведение, где пересеклись Прошлое, Настоящее и Будущее, и мы впервые поняли, насколько эффективно и продуктивно — в чисто литературно-художественном плане — такое пересечение.

Это первое наше произведение, где мы открыли для себя тему Прогрессоров, хотя самого термина этого не было еще и в помине, а был только вопрос: следует ли высокоразвитой цивилизации вмешиваться в дела цивилизации отсталой, даже и с самыми благородными намерениями? Вопрос по тем временам отнюдь не тривиальный, ибо любой идеологически подкованный гражданин СССР (включая братьев Стругацких, естественно) уверен был, что вмешиваться, да, надо, и даже необходимо, и всегда был готов привести пример Монголии, «которая из феодализма, благодаря бескорыстной помощи СССР, перескочила прямо в социализм».

Далее, это первое наше произведение, в котором мы ощутили всю сладость и волшебную силу ОТКАЗА ОТ ОБЪЯСНЕНИЙ. Любых объяснений — научно-фантастических, логических, чисто научных или даже псевдонаучных. Как сладостно, оказывается, сообщить читателю: произошло ТО-ТО и ТО-ТО, а вот ПОЧЕМУ это произошло, КАК произошло, откуда что взялось — НЕ СУЩЕСТВЕННО! Ибо дело не в этом, а совсем в другом, в том самом, о чем повесть.

И наконец, это было первое наше произведение, к которому мы пришли через жесточайший кризис, который казался нам абсолютно непреодолимым целых десять мучительных часов.

Первые попытки разработать сюжет относятся к январю 1962 года. Далекая планета, население на уровне рабовладельческого строя, остатки техники, брошенные здесь неряшливой сверхцивилизацией в незапамятные времена (между прочим, похоже на «Пикник», не правда ли?). Попытки жрецов и «античных» ученых исследовать и применить эту технику. А потом— прибытие на планету землян-коммунаров (в сопровождении дружественных гуманоидов из системы Сириуса-А) и — война, страшная, беспощадная, бессмысленная война,

когда с одной стороны применяется сверхтехника, кое-как, методом тыка освоенная невежественными жрецами, а с другой — не менее мощная техника землян и «сириусян», не понимающих, что происходит, но вынужденных отбиваться изо всех сил.

Черновик писался в феврале-марте 1962 года. Причем, помнится, поначалу мы не особенно даже спешили. Нам казалось, что план разработан вполне удовлетворительно, конец, правда, неясен пока, но разных эпизодов напридумано предостаточно, надобно только сесть и написать. Поэтому предварительно мы не спеша сделали рассказ под названием «Дорожный знак» (ставший впоследствии прологом к «Трудно быть богом»), а потом уже только перешли к повести.

У этой повести не было пока никакого названия, даже условно-кодового, и в рабочем плане ее теперь отсутствовали какие-либо сириусяне, а была там компания молодых ребят XXII века — два парня и девушка, — которая отправилась на малоисследованную планету поохотиться и вообще размять кости. С ними летел странный, скучный и диковатый дядька, напросившийся чуть ли не в последний момент. Этот дядька на самом деле был специалистом по экспериментальной психологии, и намерен он был на протяжении всего путешествия тайно производить разнообразные психологические опыты над своими молодыми, ничего не подозревающими спутниками. Изюминка сюжета состояла как раз в том, что разные странные события на борту (эксперименты дядьки-психолога) плавно переходят в странные и страшные события на самой планете. Этот сюжетный ход мы спустя десяток лет не без успеха применили в фантастическом детективе «Дело об убийстве» («Отель „У Погибшего Альпиниста“»). Здесь же ход не сработал. Почти сразу возник некий эмоциональный, а потом и логический тупик, писать стало трудно, вязко, тяжко, скучно. Написано было уже две или три главки, страниц двадцать, но ощущение тупика не проходило, оно усиливалось с каждой страницей. Стало ясно, что писать этот сюжет мы не хотим. Писать его неинтересно. Какое, черт побери, нам дело до всех этих молодых бездельников и до психологических над ними экспериментов? И при чем тут этот скучный зануда-дядька? И на кой черт нам вообще все эти войны, затеянные по недоразумению людьми, до которых нам нет никакого дела?.. Работа остановилась.

АН в отчаянии откупорил бутылку водки и хлопнул полстакана без всякой закуски. БН, как человек к спиртному безразличный, мрачно бродил по комнате и садил сигарету за сигаретой. Оба молчали. Говорить было не о чем. И незачем. Это был тупик — абсолютный, замшелый, ледяной и тесный тупик.

Первый настоящий тупик в нашей рабочей биографии.

Конечно, нам и раньше приходилось сталкиваться с «сопротивлением материала». Еще бы! И не раз, и не два. Возникало как бы временное удушье, хотелось вырваться, продраться, пробиться, потому что там, за непроходимой чащей неподатливого эпизода был свет; видна была дорога, обрисовывалась ясная и привлекательная сюжетная цель. В таких случаях мы просто бросали работу над заупрямившимся эпизодом, огибали его и двигались дальше. Мы уже научились оставлять в тылу мелкие, несущественные очаги сопротивления. «Вперед! — восклицал обычно в таких случаях АН. — Вперед! Они уже выдыхаются!» (Он цитировал «Сталинградскую (кажется) битву» — фильм безусловно лакейский и лживый, но не без впечатляющих режиссерских находок.) И не было еще случая, чтобы такая вот тактика «танковых клиньев» давала осечку. Недобитый эпизод впоследствии либо без труда приводился в соответствие с основным текстом, либо отбрасывался вовсе, ибо смотрелся ненужным на фоне уже выстроенной вещи.

Однако на этот раз мы столкнулись с явлением, нам доселе незнакомым. Перед нами была стена — мрачная и абсолютно непроницаемая, и за этой стеной ничего не было видно. Это была УТРАТА ЦЕЛИ. Нам стало неинтересно все, что мы до сих пор придумали, и уже написанные 10-20 страниц никуда нас не вели и ни для чего не годились.

Ощущение безысходности и отчаяния, обрушившееся на меня тогда, я запомнил очень хорошо — и сухость во рту, и судорогу мыслей, и болезненный звон в пустой башке... Но совершенно не помню, кого из нас осенила эта гениальная идея: сделать дядьку-психолога пришельцем из прошлого. «...А как он туда попал, в XXII век?» — «А никак. Тошно ему здесь у нас стало, он и сбежал...» — «Правильно! Прямо с допроса сбежал!» — «Или из концлагеря!..» Непроницаемая стена рухнула, и как сразу сделалось ясно и светло вокруг, несмотря на глубокую уже ночь на дворе! Как стало нам снова интересно, как заработала фантазия, как предложения посыпались — словно из творческого рога изобилия! Весь план тут же, в ту же ночь, за несколько часов оказался вывернут наизнанку, выстроен заново и засверкал неописуемыми возможностями и перспективами... Великая вещь — творческий кризис! Переживать его нестерпимо мучительно, но когда он пережит, ты словно заново рождаешься и чувствуешь себя, словно каменный питон Каа, сбросивший старую кожу, — всемогущим, великим и прекрасным...

Повесть написана была на одном дыхании — за две-три недели — и получила название «Возлюби ближнего», очень скоро,

впрочем, переделанное на «Возлюби дальнего». В первом варианте у нее вовсе не было эпилога, кончалась она расстрелом колонны равнодушных машин из скорчера (называвшегося тогда бластером) и отчаянием Саула, осознавшего, что нет на свете силы, способной переломить ход истории. Потом (когда повесть попала уже в редакцию) вдруг выяснилось, что «возлюби дальнего» — это, оказывается, цитата из Ницше. («Низ-зя!») Тогда мы придумали эпилог, в котором Саул Репнин бежит из СОВЕТСКОГО концлагеря и заодно переменили название на «Попытку к бегству». Этот номер у нас, впрочем, тоже не прошел — концлагерь пришлось все-таки переделать в немецкий (по настоятельному требованию начальства в «Молодой гвардии»), но даже и после всех этих перемен и переделок повесть смотрелась недурно и оказалась способна произвести небольшую сенсацию в узких литературных кругах. Даже такой ревнитель строгой, без всяких вольностей, научной фантастики, как Анатолий Днепров, объявил ее, помнится, гениальной: так ему понравился необъяснимый и необъясненный сквозьвременной скачок героя — скачок, не имеющий никакого внутреннего обоснования, кроме самого что ни на есть главного: сюжетно-смыслового.

«Можно нарушать любые законы — литературные и реальной жизни, отказываться от всякой логики и разрушать достоверность, действовать наперекор всему и всем мыслимым-немыслимым предписаниям и правилам, если только в результате достигается главная цель: в читателе вспыхивает готовность к сопереживанию — и чем сильнее эта готовность, тем большие нарушения и разрушения позволяется совершать автору». Так или примерно так сформулировали мы для себя итоговый опыт работы с «Попыткой...», и этот вывод не раз в дальнейшем позволял нам «выходить из плоскости обычных (в том числе и собственных) представлений» — как происходило это и в «Понедельнике», и в «Улитке», и в «Граде обреченном», и в «Отягощенных злом» много-много лет спустя...

7
«ДАЛЕКАЯ РАДУГА» (1962)

В августе 1962 года в Москве состоялось первое (и, кажется, последнее) совещание писателей и критиков, работающих в жанре научной фантастики. Были там идейно нас всех нацеливающие доклады, встречи с довольно высокими начальниками (например, с секретарем ЦК ВЛКСМ Леном Карпинским), дискуссии и кулуарные междусобойчики, а главное — был там нам показан по большому секрету фильм Крамера «На последнем берегу».

Фильм этот сейчас почти забыт, а зря. В те годы, когда угроза ядерной катастрофы была не менее реальна, чем сегодня угроза, скажем, повальной наркомании, фильм этот произвел на весь мир такое страшное и мощное впечатление, что в ООН было даже принято решение: показать его в так называемый День Мира во всех странах одновременно. Даже наше высшее начальство скрепя сердце пошло на этот шаг и показало «На последнем берегу» в День Мира в одном (!) кинотеатре города Москвы. Хотя могло бы, между прочим, и не показывать вовсе: как известно, нам, советским, чужда была и непонятна тревога за ядерную безопасность — мы и так были уверены, что никакая ядерная катастрофа нам не грозит, а грозит она только гниющим империалистическим режимам Запада.

Фильм нас буквально потряс. Картина последних дней человечества, умирающего, почти уже умершего, медленно и навсегда заволакиваемого радиоактивным туманом под звуки пронзительно-печальной мелодии «Волсинг Матилда»... Когда мы вышли на веселые солнечные улицы Москвы, я, помнится, признался АН, что мне хочется каждого встречного военного в чине полковника и выше лупить по морде с криком «прекратите, ...вашу мать, прекратите немедленно!». АН испытывал примерно то же самое. (Хотя при чем тут, если подумать, военные, даже и в чине выше полковника? В них ли было дело? И что они, собственно, должны были немедленно прекратить?)

Разумеется, это было совершенно однозначно и безусловно исключено — написать роман-катастрофу на сегодняшнем и на нашем материале. А нам так мучительно и страстно хотелось сделать советский вариант «На последнем берегу»: мертвые пустоши, оплавленные руины городов, рябь от ледяного ветра на пустых озерах, черные землянки, черные от горя и страха люди и

— тоскливая мелодия-молитва над всем этим: «Летят утки, летят утки да два гуся...». Мы обдумывали все возможные и невозможные варианты такой повести (у нее уже появилось название — «Летят утки»), строили эпизоды, рисовали мысленные картинки и пейзажи и понимали: все это зря, ничего не выйдет и никогда — при нашей жизни.

Почти сразу же после совещания мы поехали вместе в Крым и там наконец придумали, как все это можно сделать: просто надо уйти в мир, где нет ядерных войн, но — увы! — все еще есть катастрофы. Тем более что этот мир у нас уже был придуман, продуман и создан заранее и казался нам немногим менее реальным, чем тот, в котором мы живем.

Первое документированное упоминание — письмо АН от 15 сентября 1962:

Думаю насчет «Катастрофы»... Придумал такой эпизод: к моменту возникновения Волны многие жители находятся в поле, на необозримых просторах планеты. Их бросаются разыскивать. И вот двое — он и она— кэмпуют где-то на берегу речки...

Узнав, в чем дело, возвращаться отказываются. Зачем? — говорят они. Мы здесь дождемся. Все равно не нам дадут место в ракете. А им напоминают, что в городе много работы по отправке и переоборудованию ракеты, каждая пара рук нужна. И вот проблема: возвращаться им тошно. Перед лицом неизбежной смерти человеком овладевает пассивность. Как им поступить?..

БН тоже упорно размышлял на заданную тему. Сохранились заметки. Разнообразные варианты реакции различных героев на происходящее; готовые эпизоды; подробный портрет-биография Роберта Склярова; подробный план «Волна и ее развитие», любопытное «штатное расписание» планеты Радуга:

500 человек: 100 детей (ясли, д/с, школа)
20 воспитателей
40 ученых по нуль-проблеме
20 планетологов
50 строителей
50 пищевиков-ассенизаторов
20 административный аппарат, координация (включая связистов, инженеров статистических машин и пр.)
50 туристов без определенных занятий
20 человек искусства (писатели, художники, композиторы, привлеченные тишиной и спокойствием)
20 летчиков-испытателей, изнывающих от безделья

Почти все эти заметки позднее пошли в дело: мы были готовы писать, материала хватало, можно было начинать — и мы начали. Первый черновик «Далекой Радуги» начат и закончен был в ноябре-декабре 1962-го, но потом мы еще довольно долго возились с этой повестью — переписывали, дописывали, сокращали, улучшали (как нам казалось), убирали философские разговоры (для издания в альманахе издательства «Знание»), вставляли философские разговоры обратно (для издания в «Молодой гвардии»), и длилось все это добрых полгода, а может быть, и дольше.

Потом было несколько ругательных статей в журналах и довольно много писем от читателей. В том числе от ученика 4-го класса Славы Рыбакова, который был очень недоволен тем, что в повести все гибнут, и предлагал свой вариант концовки: «Припишите там что-нибудь вроде: ...Вдруг в небе послышался грохот. У горизонта показалась черная точка. Она быстро неслась по небосводу и принимала все более ясные очертания. Это была „Стрела“. Вам лучше знать. Пишите, пожалуйста, больше». Я привожу здесь цитату из этого письма по двум причинам. Во-первых, она демонстрирует типичное отношение части читателей к повести, а во-вторых, ученик 4-го класса Слава Рыбаков со временем вырос и превратился в знаменитого писателя Вячеслава Рыбакова, имя которого известно сейчас любому читателю фантастики.

Впрочем, главный вопрос, связанный с «Далекой Радугой», — это вопрос о Горбовском. Погиб ли Горбовский в смертоносном пламени Волны или все-таки уцелел? Если уцелел, то как ему это удалось? Если погиб, то почему во многих последующих повестях он появляется как ни в чем не бывало? Существует несколько вариантов ответа на эти вопросы. Но правду следует искать в записи, которую АН делает в своем дневнике 23 ноября 1962 года, в пятницу. Там он упоминает «Радугу» как «нашу последнюю повесть о „далеком“ коммунизме, которую мы пишем».

Я наткнулся сейчас на эту запись и вздрогнул. А ведь и верно! Ведь и на самом деле говорили мы тогда, в конце 1962-го, друг другу: «Все! Хватит об этом. Надоело! Хватит о выдуманном мире, главное на Земле — даешь сугубый реализм!..» И ведь так (или почти так) оно и получилось: закончив ее, мы в течение долгих последующих лет не возвращались больше в Мир Полудня — аж до самого 1970 года.

Если, впрочем, не считать «Трудно быть богом» и «Обитаемого острова». Но можно ли считать эти романы

произведениями о Светлом Будущем да и вообще о будущем?

8
«ТРУДНО БЫТЬ БОГОМ» (1963)

Можно ли считать этот роман произведением о Светлом Будущем? В какой-то степени, несомненно, да. Но в очень незначительной степени. Вообще, в процессе работы этот роман претерпевал изменения весьма существенные. Начинался он (на стадии замысла) как веселый, чисто приключенческий, мушкетерский:

1 февраля 1962 — АН:

Ты уж извини, но я вставил в детгизовский план 1964 года «Седьмое небо», повесть о нашем соглядатае на чужой феодальной планете, где два вида разумных существ. Я план продумал, получается остросюжетная штука, может быть и очень веселой, вся в приключениях и хохмах, с пиратами, конкистадорами и прочим, даже с инквизицией...

Сама по себе идея «нашего соглядатая на чужой планете» возникла, еще когда мы писали «Попытку к бегству». Там мельком упоминается некто Бенни Дуров, который как раз и работал таким соглядатаем на Тагоре. Идея промелькнула (не до того было), но не пропала бесследно. Теперь вот дошла очередь и до нее, хотя мы еще плохо себе представляли все возникающие здесь возможности и перспективы.

Почему название «Седьмое небо» отобрано было у ненаписанной повести о магах и оказалось передано ненаписанной же повести «о нашем соглядатае», становится ясно из письма АН, большой отрывок из которого — не могу удержаться — хочу здесь воспроизвести, дабы читатель мог на конкретном примере представить себе, насколько первоначальные авторские планы и наметки способны отличаться от окончательного воплощения идеи. Даты на письме нет, относится оно, видимо, к середине марта 1963-го:

Существует где-то планета, точная копия Земли, можно с небольшими отклонениями, в эпоху непосредственно перед Великими географическими открытиями. Абсолютизм, веселые пьяные мушкетеры, кардинал, король, мятежные принцы, инквизиция, матросские кабаки, галеоны и фрегаты, красавицы, веревочные лестницы, серенады и пр. И вот в эту страну (помесь

Франции с Испанией или России с Испанией) наши земляне, давно уже абсолютные коммунисты, подбрасывают «кукушку» — молодого здоровенного красавца с таким вот кулаком, отличного фехтовальщика и пр.

Собственно, подбрасывают не все земляне сразу, а, скажем, московское историческое общество. Они однажды забираются к кардиналу и говорят ему: «Вот так и так, тебе этого не понять, но мы оставляем тебе вот этого парнишку, ты его будешь оберегать от козней, вот тебе за это мешок золота, а если с ним что случится, мы с тебя живого шкуру снимем». Кардинал соглашается, ребята оставляют у планеты трансляционный спутник, парень по тамошней моде носит на голове золотой обруч с вмонтированным в него вместо алмаза объективом телепередатчика, который передает на спутник, а тот — на Землю картины общества. Затем парень остается на этой планете один, снимает квартиру у г-на Бонасье и занимается тасканием по городу, толканием в прихожих у вельмож, выпитием в кабачках, дерется на шпагах (но никого не убивает, за ним даже слава такая пошла), бегает за бабами и пр. Можно написать хорошо эту часть, весело и смешно. Когда он лазает по веревочным лестницам, он от скромности закрывает объектив шляпой с пером.

А потом начинается эпоха географических открытий. Возвращается местный Колумб и сообщает, что открыл Америку, прекрасную, как Седьмое Небо, страну, но удержаться там нет никакой возможности: одолевают звери, невиданные по эту сторону океана. Тогда кардинал вызывает нашего историка и говорит: помоги, ты можешь многое, к чему лишние жертвы? Дальше понятно. Он вызывает помощь с Земли — танк высшей защиты и десяток приятелей с бластерами, назначает им рандеву на том берегу и плывет на галеонах с солдатами. Прибывают туда, начинается война, и обнаруживается, что звери эти — тоже разумные существа. Историки посрамлены, их вызывают на Мировой Совет и дают огромного партийного дрозда за баловство.

Это можно написать весело и интересно, как «Три мушкетера», только со средневековой мочой и грязью, как там пахли женщины, и в вине была масса дохлых мух. А подспудно провести идею, как коммунист, оказавшийся в этой среде, медленно, но верно обращается в мещанина, хотя для читателя он остается милым и добрым малым...

Не правда ли, это уже почти ТО, но притом же и не совсем вроде бы ТО, а в некотором смысле даже и вовсе НЕ ТО. Такого рода планы у АБС было принято называть «крепким

основательным скелетом». Наличие подобного скелета было необходимым (хотя и недостаточным) условием начала настоящей работы. По крайней мере, в те времена. Позже появилось еще одно чрезвычайно важное условие: надо было обязательно знать, «чем сердце успокоится» — каков будет конец задуманного произведения, последняя пограничная вешка, к которой и надлежит тянуть линию сюжета. В начале 60-х мы еще не понимали, насколько это важно, а потому частенько рисковали и вынуждены были по ходу дела менять сюжет целиком. Как это и произошло с «Седьмым небом».

«Крепкий основательный скелет» романа, предложенный АН, был без всякого сомнения хорош и обещал замечательную работу. Но, видимо, уже на ранней стадии обсуждения между соавторами возникли какие-то различия в подходах, еще за стол они не сели, чтобы взяться за работу, а уже возникла дискуссия, деталей которой я, разумеется, не помню, но общий ход ее можно проследить по отрывкам из писем АН.

17 марта 1963:

Всю программу, тобою намеченную, мы выполним за пять дней. Предварительно же мне хочется сказать тебе, бледнопухлый брат мой, что я за вещь легкомысленную — это о «Седьмом небе». Чтобы женщины плакали, стены смеялись, и пятьсот негодяев кричали: «Бей! Бей!» — и ничего не могли сделать с одним коммунистом...

Последняя фраза — слегка измененная цитата из любимой нами трилогии Дюма, а вообще-то речь идет, видимо, о том, в каком именно ключе работать новый роман. У БН есть какие-то свои соображения по этому поводу. Какие именно, можно догадаться из следующего отрывка.

22 марта 1963:

О «Наблюдателе» (так я переименовал «Седьмое небо»). Если тебя интересует бьющая кругом ключом жизнь, то ты будешь иметь полную возможность вывалить свои внутренности в «Дни Кракена» и в «Магов». А мне хотелось создать повесть об абстрактном благородстве, чести и радости, как у Дюма. И не смей мне противоречить! Хоть одну-то повесть без современных проблем в голом виде. На коленях прошу, мерзавец!

Шпаг мне, шпаг! Кардиналов! Портовых кабаков!..

***

Вся эта переписка шла на весьма интересном внутриполитическом фоне. В середине декабря 1962 года (точной даты не помню) Хрущев посетил выставку современного искусства в Московском Манеже. Науськанный (по слухам) тогдашним главою идеологической комиссии ЦК Ильичевым, разъяренный вождь, великий специалист, сами понимаете, в области живописи и изящных искусств вообще, носился (опять же по слухам) по залам выставки с криками: «Засранцы! На кого работаете? Чей хлеб едите? Пидарасы! Для кого вы все это намазали, мазилы?» Он топал ногами, наливался черной кровью и брызгал слюной на два метра.

Именно тогда и именно по этому поводу родился известный анекдот, в котором озверевший Никита-кукурузник, уставившись на некое уродливое изображение в раме, орет не своим голосом: «А это что за жопа с ушами?» На что ему, трепеща, отвечают: «Это зеркало, Никита Сергеевич...» Все без исключения средства массовой информации немедленно обрушились на абстракционизм и формализм в искусстве, словно последние десять лет специально готовились, копили материал, того только и ждали, когда же им наконец разрешат высказаться на эту животрепещущую тему.

И это было еще только начало. «17 декабря в Доме приемов на Ленинских горах состоялась встреча руководителей Коммунистической партии и Советского правительства с деятелями литературы и искусства». Брежнев, Воронов, Кириленко, Козлов, Косыгин, Микоян, Полянский, Суслов, Хрущев и другие крупнейшие в стране литературоведы вперемежку с искусствоведами в штатском собрались в одном месте, чтобы «высказать свои замечания и пожелания по вопросам развития литературы и искусства».

Соображения были высказаны. Пресса уже не ревела, она буквально выла: «КОМПРОМИССОВ БЫТЬ НЕ МОЖЕТ», «ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ХУДОЖНИКА», «СВЕТ ЯСНОСТИ», «ОКРЫЛЯЮЩАЯ ЗАБОТА», «ИСКУССТВО И ЛЖЕИСКУССТВО», «ВМЕСТЕ С НАРОДОМ», «НАША СИЛА И ОРУЖИЕ», «ЕСТЬ ТАКАЯ ПАРТИЯ, ЕСТЬ ТАКОЕ ИСКУССТВО!», «ПО-ЛЕНИНСКИ», «ЧУЖИЕ ГОЛОСА»...

Словно застарелый нарыв лопнул. Гной и дурная кровь заливали газетные страницы. Все те, кто последние «оттепельные» годы попритихли (как нам казалось), прижали уши и только озирались затравленно, как бы в ожидании немыслимого, невозможного, невероятного возмездия за прошлое — все эти жуткие порождения сталинщины и бериевщины, с руками по

локоть в крови невинных жертв, все эти скрытые и открытые доносчики, идеологические ловчилы и болваны-доброхоты, все они разом взвились из своих укрытий, все оказались тут как тут, энергичные, ловкие, умелые гиены пера, аллигаторы пишущей машинки. МОЖНО!

Но и это было еще не все, 7 марта 1963-го в Кремле «обмен мнениями по вопросам литературы и искусства» был продолжен. К знатокам изящных искусств добавились Подгорный, Гришин, Мазуров. Обмен мнениями длился два дня. Газетные вопли еще усилились, хотя, казалось, усиливаться им было уже некуда. «ВЕЛИЧИЕ ПОДЛИННОГО ИСКУССТВА», «ПО-ЛЕНИНСКИ!» (уже было раньше, но теперь — с восклицательным знаком), «ФИЛОСОФИЯ ЗАПАДНОГО ИСКУССТВА — ПУСТОТА, РАЗЛОЖЕНИЕ, СМЕРТЬ», «ВЫСОКАЯ ИДЕЙНОСТЬ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ МАСТЕРСТВО — ВЕЛИКАЯ СИЛА СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА», «НЕТ „ТРЕТЬЕЙ“ ИДЕОЛОГИИ!», «ТВОРИТЬ ВО ИМЯ КОММУНИЗМА», «ПРОСЛАВЛЯТЬ, ВОСПЕВАТЬ, ВОСПИТЫВАТЬ ГЕРОИЗМ», «ТАК ДЕРЖАТЬ!» (положительно, число восклицательных знаков нарастает), «ПОИСКИ В ПОЭЗИИ, ПОДЛИННЫЕ И МНИМЫЕ», «СМОТРЕТЬ ВПЕРЕД!»...

Солнце светит, но не греет, это не беда,
Разлилося половодье, полая вода.
К радости для каждого крупного скота
Оттепель настала, да не та!

Это Юлий Ким откликнулся — немедленно, и, как всегда, ядовито, и безукоризненно точно:

Полая вода, весенняя вода,
Мутная, беспутная, распутная вода...
Хватайте невода, бросайте кто куда,
Тащите, братцы, рыбку из пруда!
МОЖНО!

Из всех магнитофонов, во всех интеллигентских кухнях звенели его куплеты, исполняемые нарочито приторным и даже ласковым голоском:

Ах, какое времечко! Не времечко — мечта!
Как раскукарекались повсюду кочета!
Ведь такого пения, какое на дворе,

Я не слышал даже в «Октябре»!

(Под кочетами здесь подразумеваются, безусловно, соратники и сподвижники В. Кочетова, тогдашнего главного редактора махрового просталинского журнала «Октябрь», отъявленного сталиниста, антисемита и мракобеса, которого даже начальству приходилось время от времени одергивать, дабы сохранить приличия «в глазах международного рабочего движения».)

***

Начали с художников-модернистов — с Фалька, Сидура, Эрнста Неизвестного, а потом, никто и ахнуть не успел, уже взялись и за Эренбурга, за Виктора Некрасова, за Андрея Вознесенского, за Александра Яшина и за фильм «Застава Ильича». И уж все кому не лень прошлись ногами по Аксенову, Евтушенко, Сосноре, Ахмадулиной и даже — но вежливо, с реверансами! — по Солженицыну. (Солженицын все еще оставался в фаворе у Самого. Но вся остальная свита, боже ж мой, как все они его ненавидели и боялись! Милостив царь, да немилостив псарь.)

Во благовременье гнойная волна докатилась и до нашей околицы, до тихого нашего цеха фантастов. 26 марта 1963 года состоялось расширенное совещание секции научно-фантастической и приключенческой литературы Московской писательской организации. Присутствовали: Георгий Тушкан (председатель секции, автор ряда приключенческих произведений и НФ-романа «Черный смерч»), А. П. Казанцев, Георгий Гуревич, Анатолий Днепров, Роман Ким (автор повестей «Тетрадь, найденная в Сунчоне», «Девушка из Хиросимы», «По прочтении сжечь»), Сергей Жемайтис (заведующий НФ-редакцией в «Молодой гвардии»), Евгений Павлович Брандис и многие другие.

Вот характерный отрывок из подробного отчета АН по этому поводу:

И вот тут началось самое страшное. Выступил Казанцев. Первая половина его выступления была целиком посвящена Альтову и Журавлевой. Вторую я уже не слушал, потому что мучился, не зная, как поступить. Вот тезисы того, что он говорил. Альтовское направление в фантастике, слава богу, так и не

получило развития. И это неудивительно, потому что в массе советские фантасты — люди идейные. Альтов на совещании в 1958 году обвинял «нас с Днепровым» в том, что мы (Днепров и он, Казанцев) присосались к единственной, всем надоевшей теме — столкновение двух миров. Нет, товарищ Альтов, эта тема нам не надоела, а вы — безыдейный человек (стенографистки пишут наперебой. Вообще все стенографировалось). В «Полигоне „Звездная река“» Альтов выступает против постулата скорости света Эйнштейна. Но в тридцатых годах фашисты мучили и преследовали Эйнштейна именно за этот постулат. Все вещи Альтова так или иначе играют на руку фашизму (стенографистки пишут! Не думай, я не преувеличиваю, мне самому казалось, что я во сне). Мало того, все вещи Альтова так далеки от жизни, настолько пусты и лишены жизненного содержания, что можно смело назвать его абстракционистом в литературе, это мазила, дегтемаз и прочее.

Дальше я не слушал. У меня холодный пот выступил. Все сидели, как мертвые, уставясь в стол, никто ни звука не проронил, и вот тогда я понял, что в первый раз в жизни столкнулся с Его Величеством Мстящим Идиотом, с тем, что было в 37-м и 49-м. Выступить с протестом? А если не поддержат? Откуда мне знать, что у них за пазухой? А если это уже утверждено и согласовано? Трусость мною овладела страшная, да ведь и не даром, я же боялся и за тебя. А потом я так рассвирепел, что трусость исчезла. И когда Казанцев кончил, я заорал: «Разрешите мне!» Тушкан, недовольно на меня поглядев, сказал: «Ну что там, ну говорите».

Стругацкий: При всем моем уважении к Александру Петровичу я решительно протестую. Альтова можно любить и не любить, я сам его не очень люблю, но подумайте, что вы говорите. Альтов— фашист! Это же ярлык, это же стенографируется, мы не в пивной сидим, это черт знает что, это просто непорядочно! (Это я помню, но я еще что-то нес, минут на пять.)

Секунда мертвой тишины. Затем железный голос Толи Днепрова: «Я со своей стороны должен заявить, что не слыхал, чтобы Альтов обвинял меня в пристрастии к теме борьбы двух миров. Он обвинял меня в том, что действующие лица у меня не люди, а идеи и машины».

Ким: И не абстракционист он никакой. Наоборот, когда был у меня и увидел картину такого-то, очень ее ругал.

Затем все зашумели, заговорили, Казанцев начал объяснять, что он хотел сказать, а я трясся от злости и больше ничего не слыхал. И когда все закончилось, я встал, выругался (матом, кажется) и сказал Голубеву: «Пойдем отсюда, здесь ярлыки

навешивают». Громко сказал.

Мы пошли вниз, в кабак, и там выдули бутылку настойки какой-то...

Вот теперь уже, кажется, всем без исключения сестрам было наконец-то выдано по серьгам.

Впрочем, никого не посадили. Никого даже не исключили из Союза писателей. Более того, посреди гнойного потока разрешили даже построить две или три статьи с осторожными возражениями и изложением своей (а не партийной) точки зрения. Возражения эти тотчас же были затоплены и затоптаны, но факт их появления уже означал, что намерения бить насмерть у начальства нет.

И вот уже сам величайший советский драматург Анатолий Софронов (на коем пробы, извините, негде поставить) высокомерно успокаивает перепугавшихся: «Сейчас кое-кто высказывает опасения: как бы не было перегибов, как бы не „зажали“ кого-то и т. д. Да не „зажмут“, не надо бояться. У нас Советская власть добрая, партия у нас добрая, человечная. Работать надо честно, добросовестно, тогда будет все в порядке».

Но нам было не столько страшно, сколько тошно. Нам было мерзко и гадко, как от тухлятины. Никто не понимал толком, чем вызван был этот стремительный возврат на гноище. То ли власть отыгрывалась на своих за болезненный щелчок по носу, полученный совсем недавно во время Карибского кризиса. То ли положение в сельском хозяйстве еще более ухудшилось, и уже предсказывались на ближайшее будущее перебои с хлебом (каковые и произошли в 1963-м). То ли просто пришло время показать возомнившей о себе «интеллигузии», кто в этом доме хозяин и с кем он — не с эренбургами вашими, не с эрнстами вашими неизвестными, не с подозрительными вашими Некрасовыми, а со старой доброй гвардией, многажды проверенной, давным-давно купленной, запуганной и надежной.

Можно было выбирать любую из этих версий или все их вместе. Но одно стало нам ясно, как говорится, до боли. Не надо иллюзий. Не надо надежд на светлое будущее. Нами управляют жлобы и враги культуры. Они никогда не будут с нами. Они всегда будут против нас. Они никогда не позволят нам говорить то, что мы считаем правильным, потому что они считают правильным нечто совсем иное. И если для нас коммунизм — это мир свободы и творчества, то для них коммунизм — это общество, где население немедленно и с наслаждением исполняет все предписания партии и правительства.

Осознание этих простых, но далеко для нас тогда не

очевидных истин было мучительно, как всякое осознание истины, но и благотворно в то же время. Новые идеи появились и настоятельно потребовали своего немедленного воплощения. Вся задуманная нами «веселая, мушкетерская» история стала смотреться совсем в новом свете, и БН не потребовалось долгих речей, чтобы убедить АН в необходимости существенной идейной коррекции «Наблюдателя». Время «легкомысленных вещей», время «шпаг и кардиналов», видимо, закончилось. А может быть, просто еще не наступило. Мушкетерский роман должен был, обязан был стать романом о судьбе интеллигенции, погруженной в сумерки средневековья.

Из дневника АН:

12-16 апреля 1963 был в Ленинграде... Составили приличный план «Наблюдателя» (бывшее «Седьмое небо»)...

13 августа 1963. В июне написано «Трудно быть богом». Сейчас колеблемся, неизвестно, куда девать. В «Детгиз» не возьмут. Может быть, попробовать в «Новый мир»?

В «Новый мир» давать мы так и не попробовали, но вот в толстый журнал «Москва» — попытались. Безрезультатно. Рукопись была нам оттуда возвращена с рецензией, помнится, снисходительно-отрицательной — «Москва», оказывается, фантастики не печатает.

Вообще, роман вызвал разноречивые отклики у читающей публики. В особенности озадачены были наши редакторы. В этом романе все им было непривычно, и масса пожеланий (вполне дружеских, между прочим, а вовсе не злобно-критических) была высказана. По совету И. А. Ефремова мы переименовали министра охраны короны в дона Рэбу (раньше он у нас был дон Рэбия — анаграмма, слишком уж незамысловатая, по мнению Ивана Антоновича). Более того, нам пришлось основательно поработать над текстом и добавить целую большую сцену, где Арата Горбатый требует у героя молнии и не получает их. Поразительно, что роман этот прошел через все цензурные рогатки без каких-либо особых затруднений. То ли тут сыграл роль либерализм тогдашнего «молодогвардейского» начальства, то ли точные действия замечательного редактора нашего, Белы Григорьевны Клюевой, а может быть, дело было в том, что шел некий откат после недавней идеологической истерики — враги наши переводили дух и благодушно озирали вновь захваченные ими плацдармы и угодья.

Впрочем, по выходе книги реакция определенного рода последовала незамедлительно. Пожалуй, это был первый случай,

когда по Стругацким ударили из крупных калибров. Академик АН СССР Ю. Францев обвинил авторов в абстракционизме и сюрреализме, а почтенный собрат по перу В. Немцов — в порнографии. К счастью, это были пока еще времена, когда разрешалось отвечать на удары, и за нас в своей блестящей статье «Миллиарды граней будущего» заступился И. Ефремов. Да и политический градус на дворе к тому времени поуменьшился. Словом, обошлось.

Идеологические шавки еще иногда потявкивали на этот роман из своих подворотен, но тут подоспели у нас «Сказка о Тройке», «Хищные вещи века», «Улитка на склоне» — и роман «Трудно быть богом» на их фоне вдруг, неожиданно для авторов, сделался даже неким образцом для подражания. Стругацким уже выговаривали: что же вы, вот возьмите «Трудно быть богом» — ведь можете же, если захотите, почему бы вам не работать и дальше в таком ключе?..

***

Роман, надо это признать, удался. Одни читатели находили в нем мушкетерские приключения, другие — крутую фантастику. Тинэйджерам нравился острый сюжет, интеллигенции — диссидентские идеи и антитоталитарные выпады. На протяжении доброго десятка лет по всем социологическим опросам роман этот делил первое-второе рейтинговое место с «Понедельником».

На сегодняшний день (2003 год) он вышел в России общим тиражом свыше 2 миллионов 600 тысяч экземпляров, и это не считая советских изданий на иностранных языках и на языках народов СССР. А среди зарубежных изданий он до сих пор занимает прочное второе место сразу за «Пикником». По моим данным, он вышел за рубежом 40 изданиями в двадцати странах. В том числе: в Болгарии (4 издания), Испании (4), ФРГ (4), Польше (3), ГДР (2), Италии (2), США (2), Чехословакии (2), Югославии (2) и т. д.

9
«ПОНЕДЕЛЬНИК НАЧИНАЕТСЯ В СУББОТУ» (1964)

Повесть о магах, ведьмах, колдунах к волшебниках задумана была нами давно, еще в конце 1950-х. Мы совершенно не представляли себе сначала, какие события будут там происходить, знали только, что героями должны быть персонажи сказок, легенд, мифов и страшилок всех времен и народов. И все это — на фоне современного научного института со всеми его резонерами, хорошо известными одному соавтору из личного опыта, а другому — из рассказов многочисленных знакомых-научников. Долгое время мы собирали шуточки, прозвища, смешные характеристики будущих героев и записывали все это на отдельных клочках бумаги (которые потом, как правило, терялись). Реального же продвижения не происходило: мы никак не могли придумать ни сюжета, ни фабулы.

А практически все началось с дождливого вечера на Кисловодской горной станции, где дружно изнывали от скуки два сотрудника Пулковской обсерватории — м. н. с. Б.Стругацкий и старший инженер Лидия Камионко. На дворе стоял октябрь 1960 года. БН только что прекратил труды свои по поискам места для Большого Телескопа в мокрых и травянистых горах Северного Кавказа и теперь ждал, пока закончатся всевозможные формальности, связанные с передачей экспедиционного имущества, списанием остатков, оформлением отчета и прочей скукотищей. А Л. Камионко, приехавшая на горную станцию отлаживать какой-то новый прибор, отчаянно бездельничала по причине полного отсутствия погоды, пригодной для астрономических наблюдений. И вот от скуки принялись они как-то вечером сочинять рассказик без начала и конца, где был такой же вот дождь, такая же тусклая лампа на шнуре и без абажура, такая же сырая веранда, заставленная старой мебелью и ящиками с оборудованием, такая же унылая скука, но где при всем при том происходили всякие забавные и абсолютно невозможные вещи — странные и нелепые люди появлялись из ничего, совершались некие магические действия, произносились абсурдные и смешные речи, и кончалась вся эта четырехстраничная, вполне сюрреалистическая абракадабра замечательными словами: «ДИВАНА НЕ БЫЛО!!!»

Домой БН возвращался через Москву с заездом к брату-соавтору и там, в кругу семьи, зачитал вслух эти брульоны,

вызвавшие дружный смех и всеобщее одобрение. Впрочем, тогда все на том и закончилось, нам и в голову не пришло, что таинственно исчезнувший диван — это на самом деле сказочный диван-транслятор, а разные странные типы, описанные там же, — это маги, которые за названным транслятором гоняются. Все шло своим чередом, впереди был еще не один год размышлений и самонастройки.

Замечательно, но история написания «Понедельника...» совершенно вылетела из моей памяти. Вылетела до такой степени, что сейчас, перечитывая разрозненные строчки из писем и дневников, я ловлю себя на том, что не всегда понимаю, о чем там идет речь.

19 марта 1961 — АН:

Ты зря взялся сейчас за «Восьмое небо»...

(Странность номер один. «Восьмое небо» — это одно из самых ранних условных названий «Понедельника». Но неужели же я «взялся за него» так рано — в марте 61-го? Сегодня это представляется мне совершенно невозможным.)

23 июля 1961:

Что, если нам попробовать добить «Магов»? Если не более 4-х листов— вышло бы очень неплохо...

4 августа 1961:

Соображения по «Магам». Не знаю. Это должна быть небольшая веселая вещица. Листа три от силы. Три части. Первая написана...

(Странности номер два и три. Как так — «добить магов»?! Значит ли это, что у нас уже есть нечто готовое, которое остается теперь только «добить»? И в каком смысле — «первая написана»? По-моему, так ничего у нас тогда еще не было написано, даже в черновом варианте... Странно, странно...)

Вторая. Герой уверен, что теперь его маги оставят в покое. Но весь день, куда бы он ни пошел, маги преследуют его а-ля секретарь Прыща. Они жалобно высовываются из стен и канализационных люков, делают ему непонятные знаки, мешают ему на свидании с девушкой и с тоскливым воем улетают, когда он начинает свирепеть.

Серость и неграмотность их наводит изумление. Мага легко отличить от прочих людей, спросив таблицу умножения на семь.

На Земле собрались маги со всех концов Вселенной. Им нужен

Белый тезис, утраченный в незапамятные времена — его спрятали в какое-то дерево, потом он перешел в мастерской в диван, а потом в нашего героя...

(Кто такой Прыщ? О чем вообще речь? Однако написано у нас было к этому моменту что-нибудь или не было написано ничего, но ясно, что будущий «Понедельник» смотрелся в начале своем совсем иначе, чем в конце.)

1 ноября 1962:

Я вставил нас в план «Детгиза» на 1964 год под названием «Седьмое небо». Название пока не обязательное, но книжечку надо бы написать. Про магов. Легкомысленную. Веселенькую. Без затей. А? Мечта! А?..

Выступал в Политехническом музее совместно с Андреевым, Громовой, Днепровым, Полещуком, Парновым и Немцовым... Я с амвона как трахнул: «Нужно будет — про ведьм и колдунов напишем, нам наука не указ». Что тут было! Хохот, аплодисменты, негодование!..

Я сильно подозреваю, что к этому моменту у нас всего-то и было в загашнике, что Кисловодский брульон, переработанный и развернутый до размеров будущей главки из «Суеты...». Но вот, наконец...

Дневник АН:

6 сентября 1963. Приезжал Борис, кое-что переделали в «Трудно быть богом», составили план на «Суету вокруг дивана»...

26 декабря 1963. Вернулся из Ленинграда. Написали «Суету вокруг дивана»...

Наконец-то! Первая часть будущей повести образовалась — не прошло и трех лет. Однако до полного текста было еще далеко. Сохранилось довольно много заметок, набросков, хохмочек и идеек того времени.

Человек — это животное, которое может стать магом. Волк рождается волком и всю жизнь остается волком. Свинья рождается свиньей и всю жизнь остается ею. Человек рождается обезьяной, но вырасти он может волком, свиньей и магом.

Директор института — оборотень Кир Янус. Он может растраиваться: Отец, сын и дух святой.

Контраст — заставляют магов заниматься ерундой: собрания, поездки в колхоз.

Бухгалтерия, где берегут копейку (а не миллионы и не время).

Маги страшно хотят сделать всех людей счастливыми. Основная сюжетная линия — работа отдела «Счастья». ИДЕЯ: нельзя обрушить благосостояние на головы нынешних людей. А ДЛЯ НИХ ЭТО САМОЕ ЛЕГКОЕ.

Отдел «Счастья и довольства». Там все время получается не то, что задумано.

Отдел «Цирковой техники». Исторически институт сложился как НИИЦИРТЕХ. Об этом вспоминают с благоговением, и до сих пор образцом служит отдел «Циртех». (Аналогия с астрометрией.)

Показать, как мешает работать догматическая, все подавившая официальная теория.

И так далее. «Понедельника...» еще нет, авторы только нащупывают пути к нему, но это — верные пути. Дело идет на лад. И идет быстро.

Дневник АН:

25 июня 1964. Май провел в Ленинграде, где писали и написали остальные две части «Суеты вокруг дивана» — «Ночь перед Рождеством» и «О времени и о себе»...

Обратите внимание на чехарду с названиями. Авторы еще не знают, как должны называться части новой повести да и сама повесть тоже. А между тем название «Понедельник начинается в субботу» к тому времени уже существовало. Это название имеет свою историю и довольно забавную.

Надо сказать, что начало 1960-х было временем повального увлечения Хемингуэем. Никого не читают сейчас с таким наслаждением и восторгом, ни о ком не говорят так много и так страстно, ни за чьими книгами не гоняются с таким азартом, причем все — вся читающая публика от старшеклассника до академика включительно. И вот однажды, когда БН сидел у себя на работе в Пулковской обсерватории, раздался вдруг звонок из города — звонила старинная его подруга Наташа Свенцицкая, великий знаток и почитатель (в те времена) Хемингуэя. «Боря, — произнесла она со сдержанным волнением. — Ты знаешь, сейчас в Доме Книги выбросили новый томик Хэма, называется „Понедельник начинается в субботу“...»

Сердце БН тотчас подпрыгнуло и сладко замлело. Это было такое точное, такое подлинно хемингуэевское название — сдержанно грустное, сурово безнадежное, холодноватое и дьявольски человечное одновременно... Понедельник начинается в субботу, это значит: нет праздника в нашей жизни, будни переходят снова в будни, серое остается серым, тусклое —

тусклым... БН не сомневался ни секунды: «Брать! — гаркнул он. — Брать сколько дадут. На все деньги!..» Ангельский смех был ему ответом...

Шутка получилась хороша. И не пропала даром, как это обычно бывает с шутками! БН сразу же конфисковал прекрасную выдумку, заявив, что это будет замечательное название для будущего замечательного романа о замечательно-безнадежной любви. Этот роман никогда не был написан, он даже никогда не был как следует придуман, конфискованное название жило в записной книжке своей собственной жизнью, ждало своего часа и через пару лет дождалось. Правда, АБС придали ему совсем другой, можно сказать, прямо противоположный, сугубо оптимистический смысл, но никогда потом об этом не жалели. Наташа тоже не возражала. По-моему, она была даже в каком-то смысле польщена.

Таким образом, историческая справедливость требует, чтобы было воздано по заслугам двум замечательным женщинам, бывшим сотрудницам Пулковской обсерватории, стоявшим у истоков самой, видимо, популярной повести АБС. Исполать вам, дорогие мои, Лидия Александровна Камионко, соавтор знаменитой, сюжетообразующей фразы «ДИВАНА НЕ БЫЛО», и Наталия Александровна Свенцицкая, придумавшая этот бесконечно грустный, а может быть, наоборот, радостно оптимистический афоризм «Понедельник начинается в субботу»!

Вообще, «Понедельник» — в значительной степени есть капустник, результат развеселого коллективного творчества.

«Нужны ли мы нам?» — такой лозунг действительно висел в одной из лабораторий, кажется, ГОИ.

«Вот по дороге едет ЗИМ, и им я буду задавим» — гениальный стих моего старого друга Юры Чистякова, великого специалиста по стихосложению в манере капитана Лебядкина.

«Мы хотим построить дачу. Где? Вот главная задача...» — стишок из газеты «За новое Пулково».

И т. д., и т. п., и пр.

***

В заключение не могу не отметить, что цензура не слишком трепала эту нашу повесть. Повестушка вышла смешная, и придирки к ней тоже были смешные. Так, цензор категорически потребовал выбросить из текста какое-либо упоминание о ЗИМе.

(«Вот по дороге едет ЗИМ, и им я буду задавим».) Дело в том, что в те времена Молотов был заклеймен, осужден, исключен из партии, и автомобильный завод его имени был срочно переименован в ГАЗ (Горьковский автомобильный завод), точно так же как ЗИС (завод имени Сталина) назывался к тому времени уже ЗИЛ (завод имени Лихачева). Горько усмехаясь, авторы ядовито предложили, чтобы стишок звучал так: «Вот по дороге едет ЗИЛ, и им я буду задавим». И что же? К их огромному изумлению Главлит охотно на этот собачий бред согласился. И в таком вот малопристойном виде этот стишок издавался и переиздавался неоднократно.

Многое тогда нам не удалось спасти. «Министра государственной безопасности Малюту Скуратова», например. Или строчку в рассказе Мерлина: «Из озера поднялась рука, мозолистая и своя...» Еще какие-то милые пустячки, показавшиеся кому-то разрушительными...

Дневник АН:

26 декабря 1963. Вернулся из Ленинграда. Написали «Суету вокруг дивана», «К вопросу о циклотации», «Первые люди на первом плоту», «Бедные злые люди»...

Увы, почти ничего не помню про рассказ «К вопросу о циклотации». Там был, кажется, пришелец из будущего, и судьба его была печальна. И еще, кажется, он принес герою рассказа, нашему современнику, трагическую весть об изначальной обреченности человечества. В генах человечества, оказывается, заложена — еще при создании вида Homo sapiens sapiens прародителями нашими, учеными некоей сверхцивилизации — биологическая бомба, рассчитанная на «автоматический останов» в энном поколении... Что-то в этом роде. Сохранилось в архиве начало одного из черновиков. Чистовик пропал бесследно. Странно, не правда ли? Загадочная какая-то история. Тем более что, судя по письмам, этот рассказ посылался летом 1964-го в «Уральский следопыт» и был даже там вроде бы принят благосклонно. Но был ли он там опубликован? По-моему, нет. Ей-богу, странная история.

10
«ХИЩНЫЕ ВЕЩИ ВЕКА» (1964)

В дневнике АН сохранилась цитата из Саймака:

The darkness of the mind, the bleakness of the thought, the shalbwness of purpose. These were the werewolves of the world. — Темный ум, холодная мысль, мелкая цель. Вот какие они были — оборотни нашего мира.

Сначала именно эти строчки хотели мы сделать эпиграфом к новой повести о людях, ставших жертвами фантастического электронного наркотика— слега (хотя само это слово тогда еще не было придумано). События должны были развиваться на острове Булли, что в Рижском заливе, — там АН отдыхал с семьей в июле 1963-го} и места эти поразили его воображение. Называться новая повесть должна была «Крысы».

Дневник АН:

6 сентября 1963. Приезжал Борис... попробовали представать сюжет «Крысы» — дневник писателя, попавшего в соседство с новыми наркоманами — электронного типа.

Не помню уже всех деталей, помню только, что вещь задумывалась как совершенно реалистическая. Время действия — наши дня. Место действия — Латвийская ССР. Действующие лица — наши современники, только странные и страшные, словно оборотни. Собственно, они и были оборотнями, ночным ужасом острова Булли.

Идея была такая: под воздействием мощного электронного галлюциногена, воздействующего впрямую на мозг, человек погружается в иллюзорный мир, столь же яркий, как и мир реальности, но гораздо более интересный, насыщенный замечательными событиями и совершенно избавленный от серых забот и хлопот повседневности. За наслаждение этим иллюзорным миром надобно, однако, платить свою цену: пробудившись от наркотического сна, человек становится беспощадным животным, стремящимся только к одному — вернуться, любой ценой и как можно скорее, в мир совершенной и сладостной иллюзии.

Дело, впрочем, застопорилось в самом начале. Название

«Хищные вещи века» придумано было, видимо, еще в конце 1963-го, и эта строчка из Андрея Вознесенского («О, хищные вещи века! На душу наложено вето...») взята была в качестве нового эпиграфа, но построить сюжет никак не удавалось.

21 января 1964 — БН:

Много думаю над «Хищными вещами века». Есть в нашем замысле что-то, что отталкивает меня от него, как от «Кракена». Наверное, это — сугубый реализм обстановки. Он имеет массу минусов. Невозможность писать все, что левая нога захочет. Неуверенность в достаточном знании материала. Ограниченность картины в такой постановке сюжета. Можешь меня ругать, но чем больше я думаю, тем больше склоняюсь к мысли делать что-то вроде «Трудно быть богом» — чужой мир, другие люди, широкая картина, множественность линий, более острый сюжет, меньшая рыхлость, большая концентрированность идей и проблем. Я тоже давеча перечитал тот план — где Бенни Дуров попадает на страшную планету мещан. Что-то в этом есть. Подумай и разубеди меня...

Сюжет про Бенни Дурова на планете мещан — это что-то совершенно ныне забытое и, видимо, в принципе невосстановимое. А вот упоминаемый выше «Кракен» — это повесть, над которой АБС бились несколько лет, заходили то с одного боку, то с другого, написали несколько десятков страниц (писал в основном АН, в одиночку), да так и не сумели довести ее до конца. И, как я понимаю, именно из-за «сугубого реализма обстановки».

С самых ранних детских лет АБС, оба, интересовались крупными головоногими, будь то спруты, осьминоги или гигантские таинственные кракены-мегатойтисы. Трудно сказать, откуда пошел этот повышенный интерес и как именно стал он быть. То ли осьминогоподобные (во всяком случае — на иллюстрациях) марсиане Уэллса тому первопричиной, то ли блистательный рассказ того же Уэллса «Пираты морских глубин», а может быть, новелла ныне совсем забытого писателя по имени, кажется, Чарльз — про подводного фотографа, схваченного и пожранного чудовищным осьминогом, — не знаю, не помню и не берусь ответить с полной определенностью.

Однако же по той или иной причине, но образ гигантского спрута, что называется, красной нитью проходит через многие и многие сочинения АБС, а было время (несколько лет из середины 60-х), когда мы напряженно и сосредоточенно обдумывали фантастическую повесть, главным героем которой должен был

стать гигантский спрут-кракен, отловленный на Дальнем Востоке и привезенный в Москву на предмет научных исследований. Сохранились планы, наметки, вопросы, которые надлежало нам в повести поставить, и даже варианты эпиграфов («Раз в году можно безумствовать» — из Скиапарелли и «Перед нами была огромная мясистая масса футов по семьсот в ширину и длину... и от центра ее во все стороны отходило бесчисленное множество длинных рук, крутящихся и извивающихся, как целый клубок анаконд...» — из «Моби Дика» Германа Мелвилла).

Там, в этой повести, привозят в один современный НИИ гигантского спрута-кракена, который, как потом выясняется, умеет проникать в сознание людей и превращать их в холодных эгоистов, абсолютно лишенных морали. Вообще замысел был хорош, много обещал, но не давал возможности как следует развернуться: АБС еще не сформулировали тогда свой основной принцип — «писать следует либо о том, что знаешь хорошо, либо о том, чего никто не знает», — но инстинктивно уже следовали ему. В достоверно построенном, хорошо придуманном мире, снабженном необходимым количеством реалий, они чувствовали себя свободнее, чем в мире сугубо реальном, списанном с натуры.

Повесть у нас, впрочем, не получилась. Нельзя, правда, сказать, что труды наши пропали совсем уж втуне. Многое и многое из придуманного попало в романы и рассказы разных лет: в «Сказку о Тройке», например, или в рассказ «О странствующих и путешествующих», или в «Волны гасят ветер».

«Дни Кракена» писались АН в одиночку в начале 1963 года, были примерно в те же времена рассмотрены обоими соавторами, приняты как первый черновик и отложены на неопределенный срок. Работа не пошла. Насколько я помню, нас остановили два соображения. Во-первых, общая и очевидная «непроходимость» — то, что мы собирались писать в повести дальше, не годилось ни для «Молодой гвардии», ни тем более для «Детгиза», а писать в стол мы тогда не умели — во всяком случае, не были еще готовы. А во-вторых, вещь показалась нам слишком уж «бытовой», мы побоялись впасть в так называемый «бэлпингтонизм-блепскизм» (специально придуманный АБС термин, происходящий от названия романа Уэллса «Бэлпингтон Блепский» и означающий безнадежную утрату автором сюжетной энергии и живой фантазии при торжестве суконного бытоописательства и унылого реализма).

Позже мы не раз возвращались к этой повести, но, видимо, время ее прошло окончательно, мы так и не взялись за нее и только беспощадно растаскивали ее по кускам, следуя жестокому принципу литературной целесообразности: «все, годное к

утилизации, должно быть своевременно утилизировано». В те времена, помнится, заниматься утилизацией было ничуть не жалко, а сегодня вот вспоминать об этом жалко, но поздно.

***

Ответ АН на предыдущее письмо не сохранился. Но сохранилось очередное письмо БН, где он снова пытается сформулировать свои сомнения.

27 января 1964:

Дело, Аркашенька, не в других планетах, которые мне самому осто и насто. Дело в ограниченности замысла... Дело в том, что придуманный нами аппарат не позволяет рассматривать проблему мещанства под многими углами зрения. Аппарат этот есть, в общем-то, не что иное, как разновидность наркотика, очень мощного, может быть, но всего лишь наркотика. Как-то проблема мещанства заменяется в этом случае совсем другой проблемой: какою жизнью лучше жить — реальной или галлюцинированной. Проблема интересная, но не та, что меня волнует. Да и тебя тоже. Слабым местом замысла является именно этот аппарат. Галлюцинации и электронный онанизм. По-моему, это не то, что надо. В общем, надо много говорить и думать. Писать, по-видимому, начнем не сразу. Сначала будем долго и нудно ругаться. Как-то все это очень не просто...

На самом деле писать повесть мы начали уже в первых числах февраля. Причем начали сразу, так сказать, с окончательного варианта: курортный городок в некоей стране — сытый, яркий, богатый, но крайне неблагополучный мир. Все это возникло, видимо, после двух-трех дней обсуждений. Мир оказался придуман, декорации построены, и сюжет немедленно заработал.

Черновик повести был закончен в два приема — первая половина в начале февраля, а вторая половина — в марте 1964 года. Добрых полгода черновик «вылеживался», а в ноябре единым махом был превращен в чистовик. Авторы остались работой довольны, они, естественно, тогда и предположить не могли, какие неприятности ждут их впереди и были полны оптимизма. А вот первые читатели (родственники, друзья) оказались гораздо проницательнее. Все считали необходимым высказать свои опасения, а один из них выразился не без изящества: «Повесть будет иметь несомненный успех среди лиц, которые ее прочтут. Разумеется — в списках».

Когда читаешь подряд переписку АН и БН периода май 1963 — февраль 1964-го возникает явственное ощущение надвигающейся грозы. Уже и аванс получен, и рукопись благополучно сдана и ушла в производство, отзывы о ней в редакции вроде бы самые благосклонные, а все-таки что-то не так, какая-то туча конденсируется, пока еще за горизонтом, какая-то угроза нарастает, и непонятно даже, в чем, собственно, дело.

***

Первый предупредительный звоночек — письмо АН, полученное БН 3 февраля 1964:

Как я уже говорил, «Хищные вещи века» дали на предисловие Ефремову. Позвонил мне старик, попросил зайти. И вот что он мне сказал...

Мир, нами описанный, настолько ярок и страшен, что не оставляет никакой надежды на что-либо хорошее для человечества. Это не советская фантастика, а западная, с ужасом и горечью перед будущим. Агентишки, как он величает Марию и Жилина, производят жалкое впечатление, совершенно очевидно, что и мир, который они представляют, так же жалок и беспомощен. Кстати, настолько нищи и убоги духом людишки в этой стране (впечатление: во всем мире), что слег выглядит бледным, никому не нужным атрибутом. Он сказал, что предисловие, конечно, напишет, потому что любит нас и считает единственной надеждой советской фантастики (а он не очень-то разорителен на комплименты, впервые от него такое слышу), но, судя по разговору с Жемайтисом (тогдашний заведующий редакцией фантастики в издательстве «Молодая гвардия». — БН), с которым он виделся за день до этого, предисловие само по себе нам не поможет, и книгу просто остановят...

Что он предлагает? Либо: а) Написать заголовок вроде: «Хищные вещи века. Часть 1-я. Страна торжествующих дураков». Это даст возможность ему написать в предисловии, что мы собираемся писать вторую часть, где покажем, как человечество справилось с раковой опухолью, возникшей на его теле.

Либо: б) Напихать известное количество вставок, в которых показать торжество и могущество мира, откуда пришел Жилин...

Мне лично не улыбается ни то, ни другое. Вопрос вот в чем:

будем мы публиковать эту книгу или нет? Прими во внимание то, что главная редакция эту книгу в нынешнем ее виде не пропустит нипочем...

Что ответил БН, неизвестно: ответ его не сохранился. Может быть, АН специально приехал в Ленинград на пару дней, и какие-то поправки и вставки, «облагораживающие» безнадежный текст, были сделаны? Не помню. Видимо, да. Видимо, именно тогда появились в рукописи большие вставные куски в последней главе, куски, долженствующие придать мрачной картине мира хоть какие-то обнадеживающие проблески. И, надо сказать, временно, но это помогло делу.

20 февраля 1965 — АН:

«Хищные вещи века» подписана главным редактором без чтения (вероятно, прочитал авторское предисловие и удовлетворился), потери — убран эпиграф из Вознесенского, и все. Бела (Бела Григорьевна Клюева, наш редактор и главный благодетель в тогдашней «Молодой гвардии». — БН) нагло убрала «Книгу первую» и «Авгиевы конюшни», а также все, что касается этой «Книги первой» из предисловия Ефремова. Молодчина она, ей-ей».

Первая схватка закончилась с минимальными потерями для повести. Сегодня я этого не помню, но, видимо, вдобавок ко всему авторы написали еще и предисловие, куда и вставили всю необходимую идеологию, оставив основной текст почти в неприкосновенности. И номер этот — вроде бы пока, тьфу-тьфу, чтобы не сглазить, — у них прошел.

Впрочем, все еще было впереди. Главное сражение разразилось четыре месяца спустя, когда казалось, что все уже на мази.

***

24 июня 1965:

Как ни печально, но придется тебя огорчить: цензура задержала «Хищные вещи века».

Коротко итог такой: по «Вещам...» будет совещание главной редакции, и тогда возможны три варианта (в порядке понижения вероятности): либо сделают «ряд замечаний» и нам придется

калечить книжку дальше; либо книжку запретят и снимут с плана вообще; либо — это наименее вероятное — замечания цензора будут признаны необоснованными. Впрочем, так вообще, кажется, не бывает.

Как все произошло? (Со слов Белы.) Цензорша уже какое-то время боролась с кем-то из главной редакции и решила доказать свою правоту — она добивалась «повышения ответственности главной редакции, которая все подписывает в печать не читая».

Взяла она нашу книгу, «возникли у нее сомнения», и она с торжествующими воплями бросилась в главную редакцию: вот, глядите, что вы в печать подписали! Главред, естественно, к Беле: что там опять эти жиды натворили?

Бела к цензорше: в чем дело, какие у вас претензии?

Цензорша: никаких политических и идеологических претензий у меня нет, у меня просто возникли сомнения.

Бела: почему же вы с сомнениями вылезли сразу на главную редакцию, вы же знаете, что сомневающийся цензор улаживает дело с редактором.

Цензорша: ах, простите, я так замоталась, что даже упустила из виду этическую сторону дела, но мне надо было приструнить главную редакцию.

Бела: это плохо, что вы забыли об этике, а какие у вас сомнения?

Сомнений оказалось три, и за каждое хочется стрелять: 1) не может быть богатых стран, где все есть, и одновременно нищих азиатских стран.

2) этот шпионаж в капиталистической стране — очень отдает привнесением революции на штыках.

3) в этой стране нет ничего, что можно было бы противопоставить разложению (это последнее замечание самое дельное, но это же не дело цензора!). Короче говоря, делу дан ход, главная редакция завертелась, остается ждать...

А Котляр ходит в ЦК регулярно и гадит. А? Об этом зам. главного Беле шепнул...

Надо признать, впрочем, что главная редакция вертелась без всякого энтузиазма и поспешала не спеша. Истекали срок за сроком, и ничего не происходило. Рукопись прочли заведующие редакциями зарубежной литературы и эстетического воспитания, крамолы не обнаружили: «повесть хороша и надобно ее скорее печатать». Прочитал «некто Митрохин, работник Института философии и друг Мелентьева (тогдашнего директора «Молодой гвардии». — БН), ему не понравилось «литературно» и «что не определена социология мира и страны». Однако сказал, что будет

«за». Прочитали еще какие-то члены редсовета, сказали, что можно издавать. Все ждали Мелентьева, директора, пребывающего в длительной заграничной командировке.

5 июля 1965:

Ты спрашивал о том, в каком состоянии «Хищные вещи века». В самом что ни на есть готовом. Это сверка, последняя верстка. Матрицы поставлены в машины и готовы начинать шлепать десятки тысяч экз-ов в день. Со склада привезли сто пятнадцать тысяч готовых обложек. Все наготове. Только цензор оказался сукой... новостей по-прежнему нет. Будем ждать».

Ждать нам оставалось еще недели две. АН, так и не дождавшись, улетел с семьей на юг, в отпуск, БН приехал в Москву и жил один в пустой квартире, ожидая, пока его вызовут. И вот наконец...

17 июля 1965 — БН:

Встреча состоялась. Присутствовали: Мелентьев, Гусев (зам. главного редактора), Фальский (видимо, член редсовета), Бела Клюева (редактор книги), Сергей Жемайтис (заведующий редакцией НФ литературы). Говорил в основном Мелентьев, остальные молчали. Фальский не сказал ни единого слова. Бела — практически тоже. Сергей пару раз проснулся и сообщил: один раз — что речь идет о расстановке акцентов, а второй — что Жилин — старый герой Стругацких и из прежних книг, видно, что он коммунист. Гусев встревал в разговор каждый раз, когда мне удавалось остановить словоизвержение Мелентьева (было несколько таких случаев, и каждый раз Мелентьев был весьма недоволен — ему хотелось говорить). Гусев говорил очень странно: то за нас, то вдруг ни с того ни с сего против...

Мелентьев начал с нападения («Как вы себе представляете мир, Землю в вашей повести в описываемое время?») и нападал практически все время. Несколько раз мне удавалось остановить его наступление (я тоже орал), но он возрождался вновь и вновь, пытался ловить меня («Авторы прекрасно понимают, что имеют в виду не только капитализм»), лягал редакцию, «излишне влюбленную в авторов», нес околесицу — совершенно, между прочим, нецензурную — об экспорте революции, об Испании, о Китае — одним словом, излагал.

Я окончательно перешел к защите, когда он прямо сказал, что конец повести находится в противоречии с идеологией издательства. «Это толстовство, мы за экспорт революции, и вы нас не собьете. Извольте, чтобы в конце стало ясно: 1. Что Жилин

не один. 2. Что никаких столетних разговоров быть не может. 3. Что Жилин намерен опираться на прогрессивные силы страны и заниматься не воспитанием, а делами похлеще...» Если отвлечься от тона и собрать воедино его рассуждения (зачастую противоречивые), то образуется такая картина:

Книга важная и нужная. Мы готовы издать ее и защищать в дальнейшем перед цензором и от котляров. Проделанные исправления уже внесли определенную ясность, этот процесс надлежит завершить. Издательство не защищает ничьих позиций, кроме позиций издательства. Издательство проводит определенную линию и базируется на определенной идеологии.

Для того чтобы издательство и в дальнейшем могло следовать этому пути, издаваемые книги должны лежать в русле издательской идеологии. Для этого осталось внести последний акцент: сделать Жилина одним из многих и показать, что он намерен заниматься не воспитательной работой (во всяком случае — не только), а помощью прогрессивным силам. В этом случае книга станет нашей, и мы будем готовы за нее отвечать, хотя там останется еще масса двусмысленностей и крючков для повешения собак. Распрощались мы дружески. Я сел и внес все необходимые исправления, а именно:

1. Выбросил слово «угнетение» в одном из размышлений Жилина, когда тот думает: «здесь нет угнетения, здесь никто не умирает с голоду». Мелентьев решительно настаивал на уничтожении первой части этой фразы, дабы не дать оружия в руки котлярам. Ладно.

2. Выбросил слово «столетний». Жилин теперь предлагает просто «план восстановления» и т.д. Слово «столетний» приводило Мелентьева в неистовство, и не помогали никакие ссылки на Ленина. Он просто замолкал, а через некоторое время принимался говорить о том же.

3. Расширил уже сделанную нами ранее вставку в последний абзац книги. Теперь Жилин думает примерно так: я не один, даже здесь должны быть люди, которые ненавидят все это так же, как мы (МЫ). Они просто не знают как. Но МЫ-то знаем. Мы им поможем, мы их научим, что надо делать и как не растрачивать ненависть на мелочи. НАШЕ место здесь. И мое место здесь... и т.д.

Как видишь, я бросил им огромный кусок, но странно — я не испытываю особых угрызений совести. Во время этого разговора я вдруг осознал, что дело ведь совсем не в том, что предлагает Жилин делать. Это все моча, болтовня. Я даже предложил Мелентьеву вообще выбросить всю революционную часть книги, оставить только постановку проблемы, но он требовал крови.

«Короче, вы стоите на позиции Марии?» — спросил я. «Да», — сказал он прямо. Мне стало смешно и страшно...

Мне стало страшно, потому что Мелентьев был в этот момент без пяти минут в ЦК, и я воспринимал его уже как человека из правительства, и вот этот человек из правительства ОТКРЫТО, ПРИЛЮДНО занимает позицию политического экстремиста, готового вмешиваться, вторгаться, переделывать «под себя» любое государство, устройство которого противоречит его идеологии. Это был открытый и уверенный в своей правоте сторонник «привнесения революции на штыках». И мне было смешно, ибо весь сыр-бор загорелся ведь именно потому, что глупая цензорша как раз и обвинила НАС в том, что мы ратуем за такое «привнесение». Директор издательства требовал от авторов того, что цензура полагала недопустимым.

(Это противоречие, несомненно, было следствием невероятного идеологического бардака, который царил в головах начальства еще с 20-х годов. С одной стороны, «революция на штыках» была выдумкой Троцкого и официально была заклеймена самым решительным образом. А с другой стороны, вся политическая практика — всегда! — опиралась именно на эту доктрину, и как раз именно в середине 1960-х уже вовсю напористо шло невидимое вторжение СССР в Африку и в Латинскую Америку.)

Собственно на этом эпопея и закончилась. И вроде бы ко всеобщему удовлетворению. Цензоршу убедили дать «добро». Мелентьев ушел в Большой ЦК, сказавши на прощанье, что единственное темное пятно, остающееся у него за спиной, — это «Хищные вещи века». Авторы остались в убеждении, что им удалось отделаться малой кровью.

Но спустя месяц АН писал:

Хищные вещи века еще немного покалечили и сдали наконец в печать. У меня уже выработалось к этой повестушке некое брезгливое отношение, слишком уж она захватана грязными руками, и не отмыться ей никогда...

А еще пару месяцев спустя, после того как книга вышла, БН писал:

Выслушиваю много разговоров о «Хищных вещах...». Все они строятся по принципу: «Это здорово сделано, но...» Противу наших ожиданий большинство людей так и не поняло, что цензура порезвилась — все недочеты на наш счет...

Не-ет, идеологические инстанции знали свое дело! Они умели ПРЕВРАЩАТЬ текст и превращали его в нечто межеумочное, причем руками самих авторов. Авторский замысел смазывался. Черное становилось серым, светлое — тоже. Острота произведения в значительной степени утрачивалась, и в то же время текст оставался открыт для ударов. Так, по «Хищным вещам века», спустя положенное время, ударила самая тяжелая артиллерия — журнал «Коммунист», основной теоретический и идеологический орган ЦК КПСС. Это было неизбежно: авторы покусились на фундаментальнейший тезис коммунистической пропаганды — они изобразили КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ мир, изнывающий от изобилия, и никакие исправления и оговорки не могли этого вызывающего факта заслонить...

***

Парадоксально, но уже в новейшее время, подготавливая текст к очередному переизданию, я снова вошел в конфликт с одним из издателей, причем — что замечательно! — с человеком пишущим, умным и большим знатоком и любителем АБС. Дело в том, что все вставки, сделанные в свое время под давлением, я, разумеется, из повести убрал. Текст сделался таким (или почти таким), каким он вышел из пишущей машинки в ноябре 1964 года. Но тут вдруг выяснилось, что многие из НЫНЕШНИХ редакторов, с детства привыкших к старому, подслащенному и исковерканному тексту, ни в какую не хотят с ним расставаться! Меня всячески упрашивали оставить все как есть, ну хотя бы частично, ну хотя бы только то-то и то-то... Воистину, на всех не угодишь.

Я понимал их, я ценил их чувства и намерения, но уговорить себя не дал. Все, что написано в «Хищных вещах» тридцать с лишним лет назад, сохраняет свою актуальность и сегодня. Мы стоим на пороге Мира Изобилия и должны быть готовы принять решение, как к этому миру относиться. Все мы вместе и каждый из нас в отдельности. Спасения от этого мира по-прежнему не видно, и — хуже того — непонятно даже, надо ли спасаться. И недопустимо, чтобы милые благоглупости, которые авторы вынуждены были (под давлением начальства и от полной безысходности) вложить в уста и в мысли своего героя, смягчали или сглаживали остроту проблемы. Литература способна служить

социальным болеутоляющим, но мне совсем не нравится такая литература.

Между прочим, с представлениями самих авторов относительно мира «хищных вещей», ими же созданного, произошла любопытная метаморфоза. Изначально авторы были уверены, что написали антиутопию, изобразили мир, в котором каждому уважающему себя человеку тошно и стыдно жить. Но как-то, добрый десяток лет спустя, один мудрый читатель задал мне совершенно неожиданный вопрос: «А чем, собственно, так уж плох этот ваш мир? Ведь на самом деле он существует по принципу „каждому — свое“, а это далеко не самый плохой из принципов существования».

И я впервые тогда глянул на мир «хищных вещей» глазами непредубежденного, неангажированного человека, далекого от очевидных, но не так уж чтобы общепринятых, хотя и вполне достойных постулатов типа «человек создан для творчества», «человек — это звучит гордо», «правильно мыслить — вот основной принцип морали» и так далее, в том же духе. И этими глазами я увидел мир, не лишенный, разумеется, своих недостатков, в чем-то убогий, в чем-то пакостный, в чем-то даже непереносимо отвратный... Но при всем при том содержащий в себе немало светлых уголков и оставляющий, между прочим, широчайший простор и для духовной жизни тоже.

Ведь человек в этом мире — свободен. Хочешь — обжирайся и напивайся, хочешь — развлекай себя нейростимуляторами, хочешь — предавайся персональному мазохизму. Но с другой-то стороны: хочешь учиться — учись; хочешь читать — читай, все что угодно и сколько угодно; хочешь самосовершенствоваться — пожалуйста; хочешь, в конце концов, чистить и улучшать свой мир, хочешь драться за достоинство человека — ради бога! — это отнюдь никем не запрещено, действуй, и дай тебе бог удачи! Ты волен в этом мире стать таким, каким сможешь и захочешь. Выбор за тобой. Действуй.

Наше отношение к этому миру, как к АНТИУТОПИИ, переменилось. Мы поняли, что этот мир, конечно, не добр, не светел и не прекрасен, но и не безнадежен в то же время, — он способен к развитию. Он похож на дурно воспитанного подростка со всеми его плюсами и минусами. И уж во всяком случае, среди всех придуманных миров он кажется нам наиболее ВЕРОЯТНЫМ.

Мир Полудня, скорее всего, недостижим, мир «1984», слава богу, остался уже, пожалуй, позади, а вот мир «хищных вещей» — это, похоже, как раз то, что ждет нас «за поворотом, в глубине».

И надо быть к этому готовым.

Совершить прыжок в коммунизм нельзя. Право войти в будущее завоевывается высочайшей ценой — ценой беззаветного подвига. Таков философско-этический тезис, положенный в основу повести «Попытка к бегству».

«Литературная газета», 1966

Полную неожиданность преподнесли братья Стругацкие. Крайне неудачна их попытка представить ученых будущего этакими лихими анархистами и рвачами-снабженцами.

Уж если таковы люди будущего, то каковы же в представлении авторов наши современники?

Журнал «Молодой коммунист», 1964

Аркадий и Борис Стругацкие — в поиске, и «Трудно быть богом» — это значительный этап в развитии их творчества. Их творчество — в движении, и это особенно роднит их с нашей жизнью, с нашей современностью, одушевленной бесконечным движением вперед!

«Литературная газета», 1965

Повесть «Трудно быть богом» может скорее дезориентировать нашу молодежь, чем помочь ей в понимании законов общественного развития.

Что говорить о подростках, юношах, которые жадно набрасываются на каждую новую книгу научной фантастики! Именно юные читатели составляют большую часть армии любителей литературы мечты.

Если согласиться с этой мыслью, то никак нельзя оправдать ни сцены пьяных оргий, ни тарабарский жаргон, на котором изъясняются герои. В повести «Трудно быть богом» альковная сцена похотливой доны Оканы с Руматой описана с натуралистическими подробностями, достойными бульварного романа.

Упомянутая повесть, вышедшая после интересных и нужных первых книг Стругацких «Страна багровых туч» и «Путь на Амальтею», к сожалению, не свидетельствует об идейном и художественном росте авторов.

Газета «Известия», 1966

Дело вкуса! Сцена доны Оканы с Руматой видится В. Немцову

как альковно-эротическая. А, по-моему, она служит только полному отвращению от всякой сексуальности, даже если у читателя и было желание позабавиться эротикой!..

Газета «Комсомольская правда», 1966

Надуманные «концепции» Стругацких, легко опровергаемые социологом, могут бросить тень на самоотверженную помощь нашего государства освободительным движениям в малоразвитых и колониальных странах.

Как видим, основная идея повести, ее содержание, мотивировка поведения и действий героев искусственны и надуманны. В этом ее основной идейно-художественный просчет.

Журнал «Октябрь», 1967

Какие творческие цели преследуются Стругацкими в «Суете вокруг дивана» определить довольно трудно. При всей научной неосведомленности читатель Стругацких не так уж прост, чтобы поверить в возможность происходящего. Еще труднее предположить, что повесть написана ради того, чтобы раскрыть неравномерности современного развития, из-за которых высокие научные достижения соседствуют с неблагоустроенным бытом.

Не мешало бы отдавать отчет в том, что фантастика ненаучная очень скоро рискует обернуться фантастикой антинаучной.

Альманах «О литературе для детей», 1965

Конечно, и произведения вроде повестей Стругацких имеют право на жизнь. И безделушка, если она сделана умело, может позабавить. Но не слишком ли много этих безделушек? Нельзя же в самом деле считать приключениями то, что происходит в избушке на курьих ножках!

Газета «Литературная Россия», 1965

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ: 1965-1968

11
«УЛИТКА НА СКЛОНЕ» (1965)

С марта 1965 года у братьев Стругацких появляется наконец постоянный рабочий дневник. Нельзя сказать, что записи в этом дневнике кардинально решают проблему восстановления забытых или утраченных фактов, но тем не менее определенная польза от этих записей есть. Именно опираясь на дневник, БН в 1987 году на заседании ленинградского семинара писателей-фантастов прочитал нечто вроде лекции на тему «Как создавалась „Улитка на склоне“, история и комментарии». И именно эту лекцию, произведя в ней необходимые исправления, сокращения и дополнения, я взял за основу предлагаемого ниже текста.

***

4 марта 1965 года два молодых новоиспеченных писателя — и года еще не прошло, как они стали членами Союза писателей, — впервые в своей жизни приезжают в Дом творчества в Гагры. Здесь все прекрасно — замечательная погода, великолепное обслуживание, вкусная еда, почти безукоризненное здоровье, прекрасное самочувствие, в загашниках полно новых идей и годных для разработки ситуаций. Все очень хорошо! Их поселяют в корпусе для особо избранных лиц — никогда в жизни они в этот корпус попасть в будущем уже не смогли. А в те дни попали, потому что было это межсезонье, и в гагринском Доме творчества писателей жили только братья Стругацкие да футбольная команда «Зенит», проводившая в тех краях сборы.

Все было бы изумительно хорошо, если бы не выяснилось вдруг, что, оказывается, Стругацкие-то находятся в состоянии творческого кризиса! Они этого пока не знают. Им кажется, что все в порядке, что все у них ясно и понятно. Ясно, чем надо заниматься, и понятно, о чем они будут писать. Они ведь привезли с собою неплохо задуманный роман. Впрочем, точнее было бы сказать, что это не роман, а пока еще только недурно придуманная ситуация. Представьте себе остров. На этом острове каким-то образом оказываются люди — терпят, например, кораблекрушение или, скажем, прибыли туда в составе научной

экспедиции. И они видят там обезьян. Обезьяны эти ведут себя как-то не так, как-то очень странно, совсем не по-обезьяньи. Они жирны и медлительны, и они совсем не боятся людей, наоборот — стараются держаться к ним поближе. И на острове начинают происходить загадочные события, внезапные сумасшествия среди людей, странные необъяснимые смерти... И обнаруживается в глубине острова поселок, где туземцы живут вперемежку с этими обезьянами — жалкое, явно вымирающее племя, состоящее как бы из одних слабоумных дебилов... Ну и потом выясняется, что во всем виноваты именно эти странные обезьяны. Выясняется, что это не обычные обезьяны, что это некие ПАРАОБЕЗЬЯНЫ, псевдообезьяны, которые, оказывается, питаются человеческими мыслями. Они высасывают из человека его интеллект, используют его интеллект так же, как мы с вами используем энергию Солнца. Только Солнце от этого не страдает, а люди вот сходят с ума и умирают.

Символ, как вы понимаете, достаточно прозрачный: жирные, жадные, жаждущие одних только плотских радостей существа живут за счет человеческого интеллекта, активно превращая духовное в плотское, идеи и замыслы — в дерьмо. Да еще и убивая носителя разума при этом. Обыватели. Мещане. Жлобье...

Вот как это выглядело первоначально. И весь первый день в Гаграх мы занимались тем, что всячески обрабатывали и достраивали эту сюжетную ситуацию. На второй день мы отказались от обезьян. Какое нам до всего этого дело — обезьяны какие-то, какой-то остров, туземцы... Нас общество интересует! Социум! Обезьяны были решительно похерены. Зачем запускать в наш достаточно сложный социум еще и обезьян? Да и не напечатает такого никто и никогда...

(Все, что сохранилось в дальнейшем от обезьяньего варианта, — это маленький, очень развлекавший нас время от времени ритуал. Когда у нас происходили размышления по поводу какого-нибудь нового сюжета и когда работа ни в какую не шла, кто-нибудь обязательно и с самым глубокомысленным видом предлагал вариант: «Попадают это они на остров...», а другой тут же подхватывал с готовностью: «...А там обезьяны. Странные!»)

Не надо обезьян и не надо острова. В конце концов, можно взять некое государство неопределенного социального устройства. И там будут не обезьяны. Там будет параллельная эволюция! ТЕНЬ БЕЛКОВОЙ ЖИЗНИ на Земле. Оказывается, с незапамятных времен на Земле существует параллельный тип живых существ, не имеющих самостоятельной формы. Это, как зафиксировано в нашем дневнике, — некая ПРОТОПЛАЗМА-МИМИКРОИД. Протоплазма-мимикроид внедряется в живые

существа и питается их соками. Она уже уничтожила в свое время трилобитов. Потом она уничтожила динозавров. Потом эта страшная протоплазма-мимикроид напала на неандертальцев. Это было трудней, неандертальцы имели уже зачатки разума, с ними ей было труднее бороться, но и неандертальцы тоже, как известно, сошли с дороги эволюции — они, разумеется, были уничтожены протоплазмой... А сейчас эта протоплазма вовсю размножается на людях. На нас с вами.

Замечательно, что при этом человек, оккупированный протоплазмой, не меняется, в общем-то, в своих проявлениях. Он остается вроде бы прежним человеком — просто он перестает интересоваться какими-либо духовными проблемами. У него остаются только проблемы материальные — пожрать, выпить, переспать, поглазеть... Что же мешает протоплазме захватить сей мир? А дело в том, что, когда человек усиленно размышляет, протоплазма этого не способна выдержать, она начинает распадаться, гибнет и разливается омерзительным, быстро испаряющимся киселем...

***

Вот такие вот малоаппетитные картинки возникали тогда перед нашими глазами. Легко видеть, здесь была и социальная символика, и концепция, и новая по тем временам сюжетная ситуация — все было... Но ничего не получилось. Сейчас я уже не знаю (или не помню) почему. Не шло. Застопорило. Опять застопорило, как это уже случилось с нами четыре года назад во время работы над «Попыткой к бегству». Опять был тупик, и опять мы испытали панику того рода, какую мог бы испытать Дон Жуан, которому врач вдруг сказал: «Все, сударь. Увы, но вам следует забыть об этом. И навсегда».

Исполненные паники, мы принялись судорожно листать наши заметки, где у нас, как и у всякого порядочного молодого писателя, был громадный список всевозможных сюжетов, идей и ситуаций. И на одной из этих ситуаций, издавна нас привлекавшей и увлекавшей, мы и остановились. Представьте себе, что на некоей планете живут два вида разумных существ. И между ними идет борьба за выживание, война. Причем война не технологическая, формы которой земному человеку знакомы и привычны, а — биологическая, которая для постороннего, земного наблюдателя на войну вообще не похожа. Военные

действия на этой планете воспринимаются землянином как некое, скажем, пока не объясненное физиками сгущение атмосферы, либо вообще как созидательная деятельность чужого разума. Но уж никак не война. В дневнике перечисляются некоторые приемы военных действий: «Заболачивание, и обджунгливание, и обизвесткование (метод обороны); прямое отравление болезнями: вирусы, бактерии; расшатывание наследственности мутагенными вирусами; уничтожение старых и внедрение новых инстинктов; вирусы, стерилизующие мужчин...» Земляне прилетают и — ах! — оказываются в такой вот невероятной каше, где совершенно невозможно отличить чьи-то целенаправленные действия от судорожных движений слепой Природы.

Когда-то, несколько лет назад, такой сюжет казался нам привлекательным и многообещающим, и вот теперь, пребывая в состоянии паники и даже отчаяния, мы решили попробовать его. Мы сели, как сейчас помню, на пляже и, продуваемые ледяным мартовским ветерком и согреваемые уже ласковым мартовским солнцем, принялись внимательно и осторожно прорабатывать ситуацию.

...Пандора. Конечно, планетой должна была стать Пандора. Давно уже нами придуманная странная и дикая планета, где обитают странные и опасные существа. Прекрасное место для наших событий — планета, покрытая джунглями, сплошь заросшая непроходимым лесом. Из этого леса кое-где торчат наподобие амазонских мезас, описанных Конан Дойлом в «Затерянном мире», белые скалы, плоскогорья, практически необитаемые, — именно здесь земляне устраивают свои базы. Они ведут наблюдение за планетой, практически не вмешиваясь в ее жизнь и, собственно, не пытаясь даже вмешиваться, потому что земляне просто не понимают, что тут происходит. Джунгли живут здесь своей загадочной жизнью. Иногда там исчезают люди, временами их удается найти, временами нет. Пандора превращена землянами в нечто вроде охотничьего заповедника. Тогда, в середине 1960-х, мы еще ничего не знали об экологии и слыхом не слыхали о Красной книге. Поэтому одним из распространенных занятий людей нашего будущего была охота. И вот охотники приезжают на Пандору для того, чтобы убивать тахоргов, удивительных и страшных зверей... И там же, на этой планете, который месяц уже живет Горбовский, и никто не понимает, что ему здесь надо и на что тратит он свое драгоценное время великого звездолетчика и члена Мирового Совета.

Горбовский — наш старый герой, в какой-то степени он — олицетворение человека будущего, воплощение доброты и ума,

воплощение интеллигентности в самом высоком смысле этого слова. Он сидит на краю гигантского обрыва, свесив ноги, смотрит на странный лес, который расстилается под ним до самого горизонта, и чего-то ждет.

В Мире Полудня давно-давно уже решены все фундаментальные социальные и многие научные проблемы. Разрешена проблема человекоподобного робота-андроида, проблема контакта с другими цивилизациями, проблема воспитания, разумеется. Человек стал беспечен. Он словно бы потерял инстинкт самосохранения. Появился Человек Играющий. (Вот когда впервые появляется у нас это понятие — Человек Играющий.) Все необходимое делается автоматически, этим заняты миллиарды умных машин, а миллиарды людей занимаются только тем, чем им нравится заниматься. Как мы сейчас играем в шахматы, в крестики-нолики или в волейбол, так они занимаются наукой, исследованиями, полетами в космос, погружениями в глубины. Так они изучают Пандору — небрежно, легко, играя, развлекаясь. Человек Играющий...

Горбовскому страшно. Горбовский подозревает, что добром такая ситуация кончиться не может, что рано или поздно человечество напорется в Космосе на некую скрытую опасность, которую представить себе сейчас даже не может, и тогда человечество ожидает шок, человечество ожидает стыд, поражение, смерти — все что угодно... И вот Горбовский, со своим сверхъестественным чутьем на необычайное, таскается с планеты на планету и ищет СТРАННОЕ. Что именно — он и сам не знает. Эта дикая и опасная Пандора, которую земляне так весело и в охотку осваивают уже несколько десятков лет, кажется ему средоточием каких-то скрытых угроз, он сам не знает каких. И он сидит здесь для того, чтобы оказаться на месте в тот момент, когда что-то произойдет. Сидит для того, чтобы помешать людям совершать поступки опрометчивые, торопливые, поймать их, как расшалившихся детей «над пропастью во ржи»...

(Любопытно, что в рабочем дневнике сохранилась запись: «Горбовский, разобравшись в ситуации на Пандоре, понимает, что ничего страшного для человечества здесь нет. И сразу теряет интерес к этой планете. „Пойду полетаю, есть несколько планет, на которые стоит заглянуть. Например, Радуга“». Видимо, нас тогда еще беспокоила проблема «безвременной смерти Горбовского» — проблема, которую мы так и не собрались разрешить.)

Горбовский, охотники, подготовка к пандорианскому сафари — все это происходит на Горе. В Лесу же происходят свои дела. По-моему, в самиздатовской статье известного, тогда опального,

советского генетика Эфроимсона мы вычитали броскую фразу о том, что человечество могло бы прекрасно существовать и развиваться исключительно за счет партеногенеза. Берется женское яйцо, и под воздействием слабо индуцированного тока оно начинает делиться. Через положенное время получается, разумеется, девочка, обязательно девочка и притом точная копия матери. Мужчины не нужны. Вообще. И мы населили наш Лес существами по крайней мере трех видов: во-первых, это колонисты, разумная раса, которая ведет войну с негуманоидами; во-вторых, это женщины, отколовшиеся от колонистов, размножающиеся партеногенетически и создавшие свою, очень сложную биологическую цивилизацию; и, наконец, несчастные крестьяне — мужики и бабы, — про которых за бранными своими делами все попросту забыли.

Они жили себе в деревнях... Когда нужен был хлеб, они были нужны. Научились выращивать хлеб без крестьян — про них забыли. И живут они теперь сами по себе, со своей старинной технологией, со старинными своими обычаями, совершенно оторванные от бурно текущей реальной жизни. И вот в этот шевелящийся зеленый ад попадает землянин. В первоначальном варианте это наш старый знакомец Атос-Сидоров. Он там живет, пропадает от тоски и исследует этот мир, не умея выбраться, не в силах найти дорогу домой...

Вот так возникают первые наметки повести, ее скелет. Идет разработка глав. Мы уже понимаем, что повесть должна быть построена таким образом: глава «вид сверху, с Горы», глава «вид изнутри, из Леса». Мы придумываем, что речь крестьян должна быть медлительна, вязка и многословна, и все они беспрестанно врут. И врут они не потому, что нехорошие или такие уж аморальные, а просто их мир так устроен, что никто ничего толком не знает, все только передают слухи, а слухи почти всегда врут... Эти медлительные существа, всеми заброшенные, никому не нужные, становятся для нас как бы символом человечества, оказавшегося жертвой равнодушного прогресса. Выясняется, что нам очень интересно писать этих людей, появляется какое-то сочувствие к ним, готовность к сопереживанию, жалость, обида за них...

Мы начинаем писать, пишем главу за главой, глава «Горбовский», глава «Атос-Сидоров», и постепенно из самой ситуации начинает выкристаллизовываться концепция, очень важная, очень для нас существенная и новая. Это концепция взаимоотношения между человеком и законами природы-общества. Мы знаем, что все движения наши — и явственные, и физические — управляются определенными законами. Мы знаем,

что каждый человек, который пытается противостоять этим законам, рано или поздно будет сломлен, повержен, уничтожен, как был сломлен пушкинский Евгений, осмелившийся крикнуть Вершителю Истории: «Ужо тебе!..» Мы знаем, что оседлать Историю может только тот человек, который действует в полном соответствии с ее законами... Но что же тогда делать человеку, которому НЕ НРАВЯТСЯ САМИ ЭТИ ЗАКОНЫ?!

Когда речь идет о законах физических, что ж, там проще, мы как бы привыкли, притерпелись к их непреложности. Или же научились их обходить. А иногда и использовать себе во благо. Человек должен падать — но летает. В том числе и в космос. Должен тонуть — но живет у самого морского дна. А если жесткий закон природы не позволяет ему, скажем, двигаться вспять по оси времени — что ж, это грустно, конечно. Но это факт, с которым можно в конце концов смириться, и причем без особого напряжения чувств. Это факт, который (почему-то) не задевает ни гордости нашей, ни нашего достоинства.

Гораздо труднее смириться с неодолимой силой законов истории и общества. Попытайтесь представить себе, например, мировосприятие людей, которые до революции были ВСЕ, а после революции стали НИЧТО, людей, принадлежавших к привилегированному классу. С детства они знали, что мир создан для них, Россия создана именно для них, и все у них будет замечательно хорошо. И вдруг мир рухнул. Вдруг те социальные условия, к которым они привыкли, куда-то подевались, и возникли совершенно новые, безжалостные к ним и невероятно жестокие. И при этом самые умные из этих людей прекрасно понимали, что таковы законы развития общества, что это не чья-то там злая воля бросила их в грязь, на самое дно жизни, а слепая, но непреложная закономерность истории. Как они должны были к этому относиться? Как должен относиться человек к закону общества, который ему кажется плохим? Можно ли вообще ставить так вопрос? Плохой закон общества и хороший закон общества — что это такое? То, что производительные силы непрерывно развиваются, — это хорошо или плохо? То, что производительные силы рано или поздно войдут в противоречие с производственными отношениями, — это закон человеческого общества. Хорошо это или плохо?

Я помню, мы много рассуждали на эти темы. Это было интересно. А потом — очень скоро — мы поняли, что фактически об этом и пишем, потому что судьба нашего землянина, оказавшегося среди крестьян, замордованных и обреченных, — эта судьба как раз и содержит в себе если не ответ, то, по крайней мере, сам этот вопрос. Ведь там у нас существует и властвует

прогрессирующая цивилизация, эта вот биологическая цивилизация женщин. И есть остатки прежнего вида гомо сапиенс, которым суждено неумолимо и обязательно погибнуть под напором «передового, прогрессивного». Так вот наш землянин, наш собрат по виду, попавший в этот мир, — как он должен относиться к открывшейся ему картине? Историческая правда здесь на стороне крайне неприятных, чужих и чуждых ему, самодовольных и самоуверенных амазонок. А сочувствие героя целиком и полностью на стороне этих туповатых, невежественных, беспомощных и нелепых мужичков и баб, которые его все-таки как-никак, а спасли, выходили, жену ему дали, хату ему дали, признали его своим... Что должен делать, как должен вести себя цивилизованный человек, понимающий, куда направлен ОТВРАТИТЕЛЬНЫЙ ему прогресс? Как он должен относиться к прогрессу, если этот прогресс ему — поперек горла?!.

***

6 марта мы написали первые строчки: «Сверху лес был как пятнистая пена...» 20 марта мы закончили первый вариант. Мы писали быстро. Коль скоро план был разработан в подробностях, мы начинали писать очень быстро. Но тут нас ждал сюрприз: поставивши последнюю точку, мы обнаружили, что написали нечто, никуда не годное, не лезущее ни в какие ворота. Мы вдруг поняли, что нам нет абсолютно никакого дела до нашего Горбовского. При чем здесь Горбовский? При чем здесь светлое будущее с его проблемами, которые мы же сами и изобрели? Елки-палки! Вокруг нас черт знает что творится, а мы занимаемся выдумыванием проблем и задач для наших потомков. Да неужели же сами потомки не сумеют в своих проблемах разобраться, когда дело до того дойдет?! И уже 21 марта мы решили, что повесть считать законченной невозможно, что с ней надо что-то делать, что-то кардинальное. Но тогда нам было еще совершенно неясно — ЧТО ИМЕННО?

Было ясно, что те главы, которые касаются Леса, — годятся. Там «ситуация слилась с концепцией», все закончено и закруглено. Эта повесть внутри повести может даже существовать отдельно. А вот что касается части, связанной с Горбовским, то она никуда не годится. И дело не в том, что она, скажем, дурно написана. Нет, написана она вполне достойно, но вот к тому

произведению, над которым мы сейчас работаем, она никакого отношения не имеет. Она нам НЕИНТЕРЕСНА сейчас. Главы с Горбовским надлежит вынуть из общего текста и отложить в сторону. Пусть полежат.

(Так они и пролежали «в стороне» аж до середины 80-х. В начале перестройки, когда стало возможным напечатать ВСЕ, когда издатели готовы были вырвать из рук любую не публиковавшуюся ранее вещь, мы достали нашего «Горбовского» из архива, перечитали его и, к огромному своему изумлению, обнаружили, что это вовсе недурно! Текст выдержал испытание временем, читался легко и способен был, как нам показалось, заинтересовать нового читателя... Так появилась и стала жить собственной жизнью повесть «Беспокойство».)

Вынуть главы было легко, трудно было их достойным образом заменить. Чем заменить? Ответа на этот мрачный вопрос мы пока не знали. Кризис породил половину повести, но никуда не делся, он по-прежнему нависал над нами. Такого вот двойного кризиса («с разделяющимися боеголовками») мы еще не видывали. Но настоящего отчаяния уже не было — мы были (почему-то) уверены, что с проблемой справимся.

В следующий раз мы встретились в конце апреля. Увы, я уже не помню сейчас, как и кому пришла в голову генеральная идея, определившая содержание и суть второй половины повести. В дневнике, к сожалению, этого нет. В дневнике, собственно, и сама по себе формулировка идеи отсутствует. Просто 28 апреля вдруг появляется запись: «Горбовский — Перец, Атос — Зыков». И тут же: «1. Убежавшая машинка; 2. Сборы в лес; 3. Уговаривает всех, чтобы взяли в лес...»

Идея о том, что из повести надо убрать будущее и заменить его настоящим, возникла и заработала. В дневнике появляются новые имена. Начинается разработка линии «Перец» уже в том виде, в котором она потом реализовалась. «Не состоялась встреча-рандеву с начальником, который иногда выходит делать зарядку...» «договаривается с шофером на завтра...» «ждет в грузовике, с грузовика снимают колеса...»

Что-то здесь с нами произошло, что-то важное. Возникла идея Управления по делам Леса — этой бредовой пародии на любое государственное учреждение. Каким-то образом и кому-то пришло в голову, что одну фантастическую линию, линию Леса, надо дополнить второй, но уже скорее символической. Не научно-фантастической, а именно символической. Один человек мучительно пытается выбраться из Леса, а какой-то другой человек, совсем другого типа и другого склада, должен мучительно стараться попасть в Лес, чтобы узнать, что там

происходит.

30 апреля в дневнике впервые появляется слово «Управление», а за ним идет «штатное расписание»: Группа Искоренения, Группа Изучения, Группа Вооруженной Охраны, Группа Научной Охраны... Идет подробный план первой главы, обрывки будущих рассуждений героев, и вот — фундаментального значения строчка: «Лес — будущее».

Именно с этого момента все встает на свои места. Повесть перестает быть научно-фантастической (если она и была таковой раньше) — она становится просто фантастической, гротесковой, символической, как вам будет угодно. Во всем появляется скрытый смысл, каждая сцена наполняется новым содержанием. Что такое Лес? Лес — это Будущее. Про которое мы ничего не знаем. О котором мы можем только гадать, как правило, безосновательно, о котором у нас есть только отрывочные соображения, так легко распадающиеся под лупой сколько-нибудь пристального анализа. О Будущем — если честно, если положа руку на сердце, — о Будущем мы знаем сколько-нибудь достоверно лишь одно: оно совершенно не совпадает с любыми нашими представлениями о нем. Мы не знаем даже, будет ли мир Будущего хорош или плох — мы в принципе не способны ответить на этот вопрос, потому что, скорее всего, он будет нам безмерно чужд, он будет до такой степени не совпадать с любыми нашими о нем представлениями, что к нему нельзя будет применять понятия «хороший», «плохой», «неважнецкий», «ничего себе». Он будет просто чужой и ни с чем не сравнимый, как мир современного мегаполиса ни с чем не сравним и ни с чем не сообразен в глазах современного каннибала с острова Малаита.

Тот Лес, который мы уже написали, прекрасно встраивался в эту концепцию. Почему бы не представить себе, что в отдаленном будущем человечество сольется с природой, сделается в значительной мере частью ее? Человек перестанет быть человеком в современном смысле этого слова. Не так уж много для этого надо. Деформируйте у homo sapiens всего лишь один инстинкт — инстинкт размножения. Этот инстинкт, как на фундаменте, стоит на гетеросексуальности, на двуполости вида. Уберите один из полов — у вас получатся абсолютно новые существа, похожие на людей, но уже не люди. У них будут совершенно другие, чуждые нам нравственные принципы, совершенно другие представления о том, что должно и что можно, другие цели, другой смысл жизни, в конце концов... Оказывается, мы сидели месяц и писали — не зря! Мы, оказывается, создавали совершенно новую модель Будущего! Причем не просто гипотетическую структуру, не застывший

мертвенно-стабильный мир в манере Олдоса Хаксли или, скажем, Оруэлла, а мир в движении, мир, который еще не закончил сооружать себя, мир, который все еще строится. И при этом в нем сохранились остатки прошлого, живущие своей жизнью, психологически близкие нам и задающие как бы систему нравственных координат...

И в этом аспекте совершенно по-другому выглядел не написанный еще мир Управления. Что такое Управление — в нашей новой, символической схеме? Да очень просто — это Настоящее! Это Настоящее, со всем его хаосом, со всей его безмозглостью, удивительным образом сочетающейся с многоумудренностью, Настоящее, исполненное человеческих ошибок и заблуждений пополам с окостенелой системой привычной антигуманности. Это то самое Настоящее, в котором люди все время думают о Будущем, живут ради Будущего, провозглашают лозунги во славу Будущего и в то же время гадят на это Будущее, искореняют это Будущее, всячески изничтожают ростки его, стремятся превратить это Будущее в асфальтированную автостоянку, стремятся превратить Лес, свое Будущее, в английский парк со стрижеными газонами, чтобы Будущее сформировалось не таким, каким оно способно быть, а таким, каким нам хотелось бы его сегодня видеть...

Интересно, что эта счастливая идея, которая помогла нам сделать сюжетную линию «Управление» и которая совершенно по-новому осветила всю повесть в целом, в общем-то, осталась совершенно недоступна массовому читателю. По пальцам одной руки можно пересчитать людей, которые поняли авторский замысел целиком. А ведь мы по всей повести разбросали намеки, расшифровывающие нашу символику. Казалось бы, одних только эпиграфов для этого достаточно. Будущее как бор, будущее — Лес. Бор распахнут тебе навстречу, но ничего уже не поделаешь, Будущее уже создано... И улитка, упорно ползущая к вершине Фудзи, — это ведь тоже символ движения человека к Будущему — медленного, изнурительного, но неуклонного движения к неведомым высотам...

И вот вопрос — должны ли мы, авторы, рассматривать как наше поражение то обстоятельство, что идея, которая помогла нам сделать повесть емкой и многомерной, осталась, по сути, не понята читателем? Не знаю. Я знаю только, что существует множество трактовок «Улитки», причем многие из этих трактовок вполне самодостаточны и ни в чем не противоречат тексту. Так, может быть, это как раз хорошо, что вещь порождает в самых разных людях самые разные представления о себе? И, может быть, чем больше разных точек зрения, тем больше оснований считать

произведение удачным? В конце концов, оригинал картины «Подвиг лесопроходца Селивана» был «уничтожен как предмет искусства, не допускающий двоякого толкования». Так что, может быть, единственная возможность для «предмета искусства» уцелеть как раз в том и состоит, чтобы иметь не одно, а множество толкований?

Впрочем, «Улитке» возможность множественного ее толкования не слишком помогла. Уничтожить ее не уничтожили, но на много лет сделали запретной для чтения. В мае 1968 года некто В. Александров (видимо, титанического ума мужчина) в партийной газете «Правда Бурятии» посвятил «Улитке» замечательные строки:

Авторы не говорят, в какой стране происходит действие, не говорят, какую формацию имеет описываемое ими общество. Но по всему строю повествования, по тем событиям и рассуждениям, которые имеются в повести, отчетливо видно, кого они подразумевают. Фантастическое общество, показанное А. и Б. Стругацкими... — это конгломерат людей, живущих в хаосе, беспорядке, занятых бесцельным, никому не нужным трудом, исполняющих глупые законы и директивы. Здесь господствует страх, подозрительность, подхалимство, бюрократизм...

Поневоле задумаешься: а не был ли автор критической заметки скрытым диссидентом, прокравшимся в партийный орган, дабы под благовидным предлогом полить грязью самое справедливое и гуманное советское государственное устройство? Впрочем, эта заметка была только первой (хотя и самой глупой) в целой серии разгромных рецензий по поводу «Улитки».

В результате повесть была впервые опубликована целиком, в ее настоящем виде, уже только в новейшие времена, в 1988 году. А тогда, в конце 60-х, номера журнала «Байкал», где была опубликована часть «Управление» (с великолепными иллюстрациями Севера Гансовского!), были изъяты из библиотек и водворены в спецхран. Публикация эта оказалась в самиздате, попала на Запад, была опубликована в мюнхенском издательстве «Посев», и впоследствии люди, у которых при обысках она обнаруживалась, имели неприятности — как минимум по работе.

Сами соавторы дружно любили, более того — уважали эту свою повесть и считали ее самым совершенным и самым значительным своим произведением. В России (СССР) по понятным причинам общий тираж ее изданий сравнительно невелик — около 1200 тысяч экземпляров, а вот за рубежом ее издавать любят: 34 издания в 17 странах — уверенный третий

результат после «Пикника» и «Трудно быть богом».

12
«ВТОРОЕ НАШЕСТВИЕ МАРСИАН» (1966)

Ни одно, кажется, из произведений АБС не писалось так легко и весело, как эта повесть. Сама идея о вторжении марсиан (и вообще инопланетян) на Землю сегодняшнего дня интересовала авторов давно. В частности, эта идея промелькнула, скажем, в «Хищных вещах века»: Жилин там мрачно констатирует — для собственного сведения, — что в наши дни уэллсовским марсианам не понадобился бы ни тепловой луч, ни ядовитые газы — достаточно было бы предложить человечеству иллюзорное бытие, человечество вполне созрело для того, чтобы погрузиться в виртуальную действительность немедленно и с охотой. Мысль о том, что современное нам человечество в массе своей настроено дьявольски конформистски и начисто лишено таких понятий, как ЦЕЛЬ, СМЫСЛ, НАЗНАЧЕНИЕ применительно ко всем людям сразу, — мысль эта неизбежно приводила к естественному сюжетному ходу: человечество не надо завоевывать — его можно без особого труда просто купить.

Повесть была начата и закончена в апреле 1966 года, причем черновик ее получился настолько удачным, что сколько-нибудь существенной чистки, правки и доработки не понадобилось. Повесть состоялась с первого же захода — большая редкость в нашей практике!

Друзья наши и знакомые встретили ее довольно прохладно, официальная критика — раздолбала, главным образом, за то, что авторы позволяют себе оскорблять святые для всех нас слова — «патриотизм», «ордена», «ветеран», — вкладывая их в уста обывателей и прочих неположительных персонажей. Сами же авторы, вопреки всему, нежно ее с самого начала любили и — не понимали! Мы не понимали главного — существуют все-таки понятия ЦЕЛЬ, СМЫСЛ, НАЗНАЧЕНИЕ применительно ко всему человечеству разом? А также смежные с ними понятия ЧЕСТЬ, ДОСТОИНСТВО, ГОРДОСТЬ опять же в самом общечеловеческом, если угодно, даже космическом смысле? Или не существуют? Каждый отдельный человек — это понятно — может променять «право первородства» на чечевичную похлебку. А человечество в целом? Может или не может? А если может, то позволительно ли это или, наоборот, позорно и срамно? И кто все-таки в нашей повести прав: старый, битый, не шибко умный гимназический учитель астрономии или его высоколобый зять-интеллектуал?

Мы так и не сумели ответить — себе — на этот вопрос.

13
«СКАЗКА О ТРОЙКЕ» (1967)

Я весьма основательно забыл, с чего начиналась работа над «Сказкой». В письмах и в дневнике фигурируют аббревиатуры МПС, ГС и даже ЖОП — совершенно не помню, как они расшифровываются. Если базироваться только на документах, то создается впечатление, что никакой предварительной подготовки у нас вообще не было — просто съехались 6 марта 1967 года в Доме творчества, что в подмосковном поселке Голицыне, понапридумывали на протяжении четырех дней разных хохмочек, нарисовали план Китежграда, построили какой-никакой сюжетец да и начали — на пятый день, — помолясь, работать черновой текст. Очень возможно, что так оно все и было. Первый план не сохранился — видимо, составлен был на отдельном листочке, который потом либо выбросили, либо потеряли. Сохранилась только запись в дневнике: «Составлен 1-й план повести. 18 пунктов. Из них 5, 9, 13, 17 — Кодло обедает. Составлен подробный план 1-го пункта. Имя резонера — Панург». «Кодло» — это несомненно прообраз Тройки. Похоже, само понятие «Тройка» появляется только 11 марта:

Комиссия-тройка (ТПРУНЯ[с]) Тройка по рационализации и утилизации необъясненных явлений [сенсаций].
Председатель — Вунюков Лавр Федотович
Члены: полковник мотокавалерии б/и (то есть Без Имени)
пищевик-хозяйственник Рудольф Архипович Хлебоедов
процедурщик Фарфуркис
научный консультант и секретарь Саша Привалов
представитель горисполкома, комендант колонии тов. Зубо Иннокентий Филиппович...

Здесь мы видим, кажется, единственное в истории упоминание имени-отчества товарища Зубо, а что же касается товарища Хлебовводова, то здесь он пока еще зовется Хлебоедовым. (Между прочим, фамилия Хлебовводов означает по замыслу авторов «хлеб вводящий», но многие воспринимают ее как «Хлебов + водов», и в ФРГ даже перевели эту фамилию на немецкий буквально: Brotundwasser.)

Не могу не рассказать о возникновении имени Фарфуркис.

Письмо БН от 22 декабря 1966:

Получил еще одно письмо из-за границы (вернее, из Ленинграда, но от какого-то заезжего туриста Мойры Фарфуркиса). Написано по-русски на бланке «Роял-отеля» и начинается так: «Дородой господин! Длимое время я бываю ваш поклоник через ваши книги. Я приехал Ленинград, желая участвовать вами беседе. Прошу собчитъ мне вашу возможность... и т.д.» Сообщить ему мою возможность я не в состоянш, потому что он забыл написать, где остановился и где его здесь искать. Но он дает обратный адрес в Лондоне...

БН не только написал АН об этом курьезном послании неведомого М. Фарфуркиса, но и рассказал о нем же друзьям и коллегам в ресторане Дома писателей. Коллеги восприняли его рассказ довольно равнодушно, но в прищуренных глазах Ильи Иосифовича Варшавского появился вдруг странный, прямо скажем, дьявольский блеск, и заметивший этот блеск БН моментально догадался обо всем. Варшавский был тут же разоблачен, во всем (с явным удовольствием) признался и благосклонно подарил БН замечательную фамилию «Фарфуркис» для дальнейшего и произвольного употребления.

***

Вообще же, в отличие от «Понедельника», «Сказка» мало напоминает коллективный капустник — практически все там придумано АБС, и практически единовременно, на протяжении этих трех Голицынских недель. Может быть, именно поэтому авторы оказались к концу срока выжаты как лимон, и вымотаны, словно галерные каторжники.

25 марта 1967 появляется запись:

Сделали 8 стр. и ЗАКОНЧИЛИ ЧЕРНОВИК на 132 стр. Устали до опупения. Последние страницы брали штурмом — не кровью — сукровицей!

Признание в своем роде уникальное. Мы действительно устали от «Сказки» необычайно, непривычно и мучительно. Очень и очень нелегкая это работа: непрерывно хохмить и зубоскалить на протяжении двадцати дней подряд. Полагаю, это под силу только безукоризненно молодым, здоровым и энергичным людям.

Во всяком случае, никогда более на подобный подвиг АБС не оказывались способны. Укатали сивку крутые горки, «Сказка» оказалась их последним юмористическим произведением. Хотя попытки продолжить «Сказку» делались неоднократно — сохранились наметки, специально придуманные хохмочки, даже некие сюжетные заготовки. Последние по этому поводу записи в рабочем дневнике относятся к ноябрю 1988 года:

Тройке поручено решать межнациональные отношения методом моделирования в НИИЧАВО, Китежграде и окрестностях. Пренебрежение предложениями ученых. Главное — чтобы Тройка ничего не теряла — фундаментальное условие. Поэтому все модели ведут к чуши.

— Гласность! — произнес Лавр Федотович, и все замолчали и выкатили на него зенки преданно и восторженно.

— Демократизация! — провозгласил он с напором, и все встали руки по швам и выразили на лицах решимость пасть смертью храбрых по первому требованию председателя.

— Перестройка! — провозгласил Лавр Федотович и поднялся сам…

Мучительные и опасные поиски бюрократа. Нет таких. Кругом — только жертвы бюрократизма.

Однако мы так и не собрались взяться за это продолжение — пороху не хватило, заряда бодрости и оптимизма, да и молодости с каждым годом оставалось в нас все меньше и меньше, пока не растворилась она совсем, превратившись в нечто качественно иное.

Как продолжение «Понедельника» — сюжетное, идейное, стилистическое — «Сказка» скорее не получилась. «Понедельник» — сочинение веселое, юмористическое, «беззубое зубоскальство», как говаривали Ильф с Петровым. «Сказка» — отчетливая и недвусмысленная сатира. «Понедельник» писали добрые, жизнерадостные, веселящиеся парни. «Сказка» писана желчью и уксусом. Жизнерадостные парни подрастеряли оптимизм, добродушие свое, готовность понять и простить и сделались злыми, ядовитыми и склонными к неприязненному восприятию действительности. Да и времена на дворе образовались соответствующие.

Слухи о реабилитации Сталина возникали теперь чуть не ежеквартально. Фанфарно отгремел смрадный и отвратительный, как газовая атака, процесс над Синявским и Даниэлем. По издательствам тайно распространялись начальством некие списки лиц, публикация коих представлялась нежелательной.

Надвигалось 50-летие ВОСР (Октябрьской революции), и вся идеологическая бюрократия по этому поводу стояла на ушах... Даже самому изумрудно-зеленому оптимисту ясно сделалось, что Оттепель «прекратила течение свое» и пошел откат, да такой, что в пору было готовиться сушить сухари.

Замечательно, что в переписке АБС почти никаких примет времени подобного рода нет. Предусмотрительность и осторожность! Всем известно было о наличии «в тени власти» Любителей Читать Чужие Письма — точнее сказать, не любителей, конечно, а как раз профессионалов, каковых Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин называл некогда «собирателями статистики», а также «гороховыми пальто». Дневники тех времен тоже не блистают откровенностями — из тех же соображений предусмотрительности и осторожности. Однако БН 14 июня 1968 года не удержался-таки и переиначил в духе времени соответствующую статью тогдашней Конституции СССР: «СВОБОДА вступительного СЛОВА. СВОБОДА круглой ПЕЧАТИ. СВОБОДА отчетно-перевыборных СОБРАНИЙ. СВОБОДА первомайских ШЕСТВИЙ И ДЕМОНСТРАЦИЙ».

***

«Сказка» писалась для «Детгиза» и по заказу «Детгиза». Но то, что у нас получилось, «Детгиз» вряд ли рискнул бы напечатать даже и в лучшие времена, а уж теперь о публикации и речи быть не могло.

Еще в конце мая 1967-го АН пишет:

«Сказку о Тройке» ждут очень — и в «Детгизе» и в «Молодой гвардии»...

В этот момент положение дел было таково: повесть отдана в распечатку; авторы все еще исполнены надежд; первые читатели (жены) отозвались о «Сказке» вполне одобрительно, но при этом дружно усомнились, что ТАКОЕ можно будет напечатать. Тем не менее авторы продолжают размышлять над текстом, готовят какие-то изменения и дополнения. БН беспокоится, что в «Дьяволиаде» Булгакова, оказывается, «тоже имеет место „Чрезвычайная Тройка в составе шестнадцати человек“. Что делать?» В том же письме он сообщает:

Мне еще пришло в голову, что в послесловие надо обязательно включить обсуждение данной рукописи на заседании Тройки. Пусть повысказываются наши орлы — так сказать от лица будущей критики... В «Сказке...» знаешь чего недостает? Сюжет не выровнен, не построен прочно и сплошняком, как у нас обычно. Рыхлость имеет место. И еще меня смущает мизерность разворачивающей сюжет пружины: «Как одолеть Тройку». Это что-то не то. В общем, будем еще думать. У меня есть ощущение, что нам будет предоставлено много времени для размышлений над этой вещью...

Святые слова! Как в воду глядел БН.

12 июня 1967-го в рабочем дневнике появляется запись: *«Б. прибыл в Москву в связи с отвергнутием „Сказки о Тройке“„Детгизом“»*. Далее идет набросок сюжета повести «Обитаемый остров», а на следующий день: «Афронт в „Молодой гвардии“ со „Сказкой...“». «Молодая гвардия» тоже отказалась иметь дело с этим опасным материалом («Не те времена, ребята, не те времена!»). Все было кончено. Отныне — вслед за «Улиткой» — и для «Сказки» тоже начинался длинный и печальный период литературного небытия.

Авторы, впрочем, еще барахтались. В конце июля повесть отнесли в ленинградскую «Неву». Одновременно разрабатывались титанические планы раздать ее по главам и даже вообще по кусочкам в разные дружественные журналы — «Знание — сила», «Искатель», «Химия и жизнь»...

Ничего из этой затеи, естественно, не вышло. Отказ последовал в разное время, но отовсюду. Как правило, отказывали на уровне знакомых редакторов — вежливо и сожалительно, но иногда «Сказка» доходила до начальства, и тогда она удостаивалась высокого раздражения, переходящего в высочайшее негодование. С особенно громким скандалом выброшен был из журнала «Знание — сила» отрывок с монологом Клопа Говоруна.

27 апреля 1968 — АН:

Отрывок велели снять. Начальник цензора, который ведает журналом, давать объяснения отказался, однако стало известно, что и сам он в недоумении. Оказалось, что отрывок читал сам Романов (!) — это глава Главлита — и заявил, что в отрывке есть некий вредный подтекст. Будучи робко спрошен, что это за подтекст, Романов якобы только буркнул: «Знаем мы какой»...

Вот загадка, так и оставшаяся неразгаданной: почему всех их

так пугал (либо приводил в праведное негодование) Клоп Говорун? Какая, скрытая даже от самих авторов, антисоветская аллюзия заключалась в этом образе — несомненно, ярком и выпуклом, но, по замыслу авторов, ведь не более чем шутливом и вполне балаганном? Мы так и не сумели выяснить этого в те времена, а теперь эта тайна, видимо, умерла вместе со своей эпохой. Ходили смутные слухи, что кто-то из начальников среднего звена заподозрил в Клопе (осмелился заподозрить!) кого-то из самых наисильнейших мира сего, но — кого именно? И заподозрил ли? Ведь заподозрить несложно. Но как донести до подчиненных свое подозрение? Не является ли подозревающий крамолу такого рода уже и сам, в свою очередь, в некотором смысле крамольником? Имел ли на самом деле место факт подозревания как таковой, а если имел, то кому, когда и каким именно образом сделался известен? Нет ответа.

В октябре вдруг открылась возможность опубликовать «Сказку» в альманахе научной фантастики издательства «Знание». Составителем очередной книжки альманаха оказался Север Гансовский, прекрасный писатель, чудесный, милый человек и наш хороший приятель. Он выразил готовность попытаться пробить «Сказку», но при условии, что она будет сокращена до 5-6 авторских листов. То есть почти наполовину. Мы решили взяться за эту работу, и взялись очень энергично, так что закончили сокращенный вариант (черновик) буквально в три дня (23-25 октября 1967 года). И это при том, что, противу ожиданий, работать пришлось в полную силу: повесть решительно отказалась подвергнуться простому механическому сокращению, ее фактически пришлось переписать заново, создать новый, вполне самодостаточный вариант: «Сказка о Тройке — 2».

Этот вариант, единожды родившись, зажил своей, самостоятельной жизнью, отдельной от печальной судьбы «Сказки — 1» (так и оставшейся в архиве), жизнью особенной, в какой-то степени не зависимой даже от самих авторов. В альманах научной фантастики он, разумеется, не попал (начальство поднялось на дыбы), снова рассмотрен был и снова отвергнут и в «Детгизе», и в «Молодой гвардии», а потом, спустя некоторое время, оказался, по случайному знакомству, в иркутском альманахе «Ангара», где и был благополучно (поначалу) опубликован в двух номерах.

Но авторы радовались этой маленькой «победе сил разума и прогресса» совершенно напрасно. Как любила в таких случаях говорить наша мама: «Рано пташечка запела — как бы кошечка не съела!» Кошечка была тут как тут. В середине 1969-го грянул в далекой Сибири краткий яростный скандал, вспыхнули

партийные страсти, и вот уже в 9-м номере журнала «Журналист» в разделе «Партийные комитеты о печати (Иркутск)» появилась лапидарная, но чрезвычайно емкая информация, вполне в духе Лавра Федотовича Вунюкова:

Обком КПСС рассмотрел вопросы об идейно-политических ошибках, допущенных редакцией альманаха «Ангара». На страницах этого издания была опубликована вредная в идейном отношении повесть А. и Б. Стругацких «Сказка о Тройке».

За грубые ошибки, следствием которых явилась, в частности, публикация идейно несостоятельной повести А. и Б. Стругацких, главному редактору альманаха «Ангара» Ю. Самсонову и главному редактору Восточно-Сибирского книжного издательства В. Фридману объявлен строгий выговор. Решением бюро Иркутского обкома КПСС Ю. Самсонов освобожден от работы...

И это было только начало. Главные неприятности прорезались полтора года спустя, когда до начальства дошло, что «Сказка о Тройке» не просто идейно вредная вещь, она еще вдобавок опубликована на Западе и не где-нибудь, а в антисоветском журнальчике «Грани».

***

На этот случай существовала хорошо отработанная и отлаженная организационная процедура. Так называемый «секретарь по оргвопросам» того отделения Союза писателей, к коему приписан был проштрафившийся писатель, вызывал последнего к себе на ковер, вставлял ему приличествующий общему положению дел фитиль и предлагал в письменной форме отмежеваться от вражеской провокации с последующим опубликованием этого самого отмежевания в печати. Если писатель соглашался следовать начальственным указаниям, дело благополучно закрывалось и штрафник, красный от злости и стыдобищи, возвращался в строй. Если же писатель артачился, принимался вдруг разглагольствовать о свободе творчества, конституционных правах и прочих экзотических вещах — словом, «строил из себя декабриста», — тогда дело его автоматически передавалось по инстанциям в ведение «компетентных органов», которые на то и были созданы, чтобы обламывать рога, выбивать бубну и полировать мослы. Тем паче что прен-цен-дент (дело

Синявского — Даниэля) был уже своевременно создан.

АН (как полномочный представитель АБС) был вызван к секретарю по организационным вопросам Московской писательской организации тов. Ильину (бывшему не то полковнику, не то даже генерал-майору КГБ) и был там спрошен:

— Что такое НТС, знаете? — спросил его тов. Ильин.

— Знаю, — сказал АН с готовностью. — Машинно-тракторная станция.

— Да не МТС, а НТС! — гаркнул тов. Ильин. — Народно-Трудовой Союз!

— Нет, не знаю, — сказал АН и почти что не соврал, ибо имел о предмете самое смутное представление.

— Так полюбуйтесь, — зловеще произнесло начальство и, выхватив из огромного сейфа белую книжечку, швырнуло ее на стол перед обвиняемым. Книжечкой оказался номер журнала «Грани», содержащий хорошо знакомый текст.

Далее произошел разговор, после которого АН почти сразу же собрался и поехал в Ленинград, в Дом творчества в Комарово писать с братом-соавтором повесть, как сейчас помню, «Пикник на обочине».

Без малого тридцать лет прошло с тех пор, но я отчетливо помню те чувства, которые охватили меня, когда услышал я рассказ АН и понял, какое мерзопакостное действо нам предстоит. Чувства были: самый унизительный страх, бессильное бешенство и отвращение, почти физиологическое.

В отличие от многих и многих АБС никогда не строили планов и нисколько не хотели нелегально публиковаться за рубежом. Действия такого рода представлялись нам всегда не только опасными, но и совершенно бессмысленными. Наш читатель — здесь, и писать нам должно именно для него и ни для кого (и ни для чего) больше — так или примерно так формулировали мы для себя суть этой проблемы. Ни в какой мере, разумеется, не осуждая тех, кто, не видя иного выхода, вынужден был печататься «за бугром», иногда даже восхищаясь их смелостью и готовностью идти на самые серьезные жертвы, мы в то же время всегда полагали этот путь для себя совершенно неприемлемым и ненужным. Наши рукописи («Улитка», «Сказка о Тройке», «Гадкие лебеди») попадали на Запад самыми разными путями, некоторые из этих путей мы позднее, уже после перестройки, узнали, некоторые остаются и до сих пор тайной за семью печатями, но никогда эти публикации не совершались с нашего ведома и согласия. Более того, когда нам предлагали такой вариант действий, мы всегда от него отказывались — в более или менее резкой форме.

И вот теперь нам предстояло выразить свое отношение к акту, который нам был неприятен, к акту, который представлялся нам совершенно бессмысленным и бесполезным да еще и бестактным по отношению к нам. При этом, выражая наше к этому акту отношение — отрицательное, безусловно самое отрицательное! — мы одновременно и помимо всякого нашего желания как бы поддерживали и одобряли тех, кто заставил нас это отношение выражать, мы как бы объединялись с ними в едином порыве казенного негодования, становились по сю сторону баррикады, где не было никого, кроме негодяев, жлобов и дураков, где собрались все наши враги и не было (не могло быть!) ни одного друга.

О, это было более чем тошнотворное занятие! Полдня мы обдумывали свое коротенькое послание-отмежевание, а потом еще полдня его писали. Тошнило от того, что делать это мы ВЫНУЖДЕНЫ. От того, что сами мы не видели ничего дурного в происшедшем («ну напечатали и напечатали... кому какое дело? Чего тут огород-то городить, ей-богу!»), а изображать нам надлежало самое что ни на есть искреннее возмущение и негодование. От злости на дураков, переправивших рукопись за рубеж, и от доброхотов, радостно ее опубликовавших (из самых лучших побуждений, естественно!) тоже тошнило, да еще как...

Нам сообщили, что в № 78 журнала «Грани» за 1970 год перепечатана наша повесть «Сказка о Тройке», вышедшая в свет в 1968 году (альманах «Ангара» №№ 4, 5). Нам сообщили также, что журнал «Грани», являющийся органом НТС, придерживается ярко выраженной антисоветской ориентации. По этому поводу мы имеем заявить следующее:

1. Повесть «Сказка о Тройке» задумана нами как сатира на некоторые отрицательные явления, сопровождающие развитие науки и представляющие собой неизбежные издержки бурного научно-технического прогресса в наше время. Мы не беремся сами судить о достоинствах и недостатках нашей повести, но, по мнению ряда компетентных товарищей (в большинстве — ученых), «Сказка о Тройке» оказалась произведением своевременным и была хорошо принята в научно-технических кругах нашего общества.

2. Нам совершенно очевидно, что необоснованные и безапелляционные нападки на «Сказку о Тройке» и другие наши произведения со стороны некоторых работников местного значения и неквалифицированных журналистов не дают редакции антисоветского журнала «Грани» никакого права рассматривать нас как своих авторов.

3. Мы категорически протестуем против опубликования нашей повести на страницах антисоветского журнала «Грани», как против провокации, мешающей нашей нормальной работе, и требуем, чтобы подобное впредь не повторялось.

Дата — 30 марта 1971. Подписи.

Написали — и тут же яростно принялись доканчивать первый черновик «Пикника». Чтобы стереть поганую слизь с ленты пишущей машинки. Чтобы отбить привкус идеологической ипекакуаны во рту. Чтобы снова почувствовать себя если не человеками, то хотя бы вполне человекоподобными...

Слава богу, этот текст наш никуда не пошел. Рассказывали, что товарищ Чаковский, тогдашний главред «Литературной газеты», который по замыслу начальства должен был опубликовать наше покаянное опровержение, прочитавши его, якобы произнес с отвращением: «Не понимаю, против кого они, собственно, протестуют — против „Граней“ или против наших журналистов» — и печатать ничего не стал. На том дело о забугорных изданиях АБС и закрылось. До поры до времени.

***

На протяжении многих лет «Сказка о Тройке — 2» распространялась в списках и в виде ксерокопий с «ангарского» текста. Мне лично она нравилась даже больше, чем более полный вариант-1.

Она представлялась мне более компактной, более стилистически совершенной, хотя концовка была, на мой взгляд, лучше в первом варианте. Слишком уж концовка второго варианта смахивала на пресловутое DEUS EX MACHINA («Бог из машины»), к которому прибегали в отчаянии древние драматурги, запутавшиеся в хитросплетениях собственного сюжета. АН, впрочем, всегда предпочитал именно полный вариант, любил его цитировать, и спорить с ним мне было нелегко. Да и зачем?

Как только возможность возникла, мы полный вариант немедленно опубликовали — в журнале «Смена», в 1987 году, через двадцать лет после написания. А когда готовили свой первый двухтомник в издательстве «Московский рабочий», попытались соединить оба варианта, взяв самое лучшее из каждого. К нашему огромному удивлению оказалось, что такая работа требует полноценных творческих усилий, ее невозможно

провернуть между делом, надобно фундаментально сидеть и придумывать, и перелопачивать, и переписывать все заново — короче говоря, надо писать новую, третью, повесть. На это мы не пошли.

Время было горячее, вовсю шла работа над «Отягощенными злом», а силы были уже не те, что прежде, на все сразу нас уже не хватало, приходилось выбирать, и мы выбрали «Отягощенных...». В дальнейшем БН, уже оставшись один, принял решение впредь публиковать «Сказку» по принципу: «либо или-или, либо и-и», то есть либо один из вариантов, либо оба варианта рядом.

14
«ОБИТАЕМЫЙ ОСТРОВ» (1967)

Совершенно точно известно, когда был задуман этот роман, — 12 июня 1967 года в рабочем дневнике появляется запись: «Надобно сочинить заявку на оптимистическую повесть о контакте».

И тут же:

Сочинили заявку. Повесть «Обитаемый остров». Сюжет: Иванов терпит крушение. Обстановка. Капитализм. Олигархия. Управление через психоволны. Науки только утилитарные. Никакого развития. Машиной управляют жрецы. Средство идеальной пропаганды открыто только что. Неустойчивое равновесие. Грызня в правительстве. Народ шатают из стороны в сторону, в зависимости от того, кто дотягивается до кнопки.

Психология тирании: что нужно тирану? Кнопочная власть — это не то, хочется искренности, великих дел. Есть процент населения, на кого лучи не действуют. Часть — рвется в олигархи, (олигархи тоже не подвержены). Часть — спасаются в подполье от истребления, как неподатливый материал. Часть — революционеры, как декабристы и народники. Иванов после мытарств попадает в подполье...

Любопытно, что эта нарочито бодрая запись располагается как раз между двумя сугубо мрачными — 12 июня 1967: «Борис прибыл в Москву в связи с отвергнутием „Сказки о Тройке“ „Детгизом“» и 13 июня 1967: «Афронт в „Молодой гвардии“ со „Сказкой о Тройке“».

Этот сдвоенный удар оглушил нас и заставил утратить на время сцепление с реальностью. Мы оказались словно бы в состоянии этакого «творческого грогги».

Очень хорошо помню, как, обескураженные и злые, мы говорили друг другу: «Ах, вы не хотите сатиры? Вам более не нужны Салтыковы-Щедрины? Современные проблемы вас более не волнуют? Оч-чень хорошо! Вы получите бездумный, безмозглый, абсолютно беззубый, развлеченческий, без единой идеи роман о приключениях мальчика-е...чика, комсомольца XXII века...» Смешные ребята, мы словно собирались наказать кого-то из власть имущих за отказ от предлагаемых нами серьезностей и проблем. Наказать тов. Фарфуркиса легкомысленным романом!

Забавно. Забавно и немножко стыдно сейчас это вспоминать. Но тогда, летом и осенью 1967-го, когда все, самые дружественные нам, редакции одна за другой отказывались и от «Сказки» и от «Гадких лебедей», мы не видели в происходящем ничего забавного.

Мы взялись за «Обитаемый остров» без энтузиазма, но очень скоро работа увлекла нас. Оказалось, что это дьявольски увлекательное занятие — писать беззубый, бездумный, сугубо развлеченческий роман! Тем более что довольно скоро он перестал видеться нам таким уж беззубым. И башни-излучатели, и выродки, и Боевая Гвардия — все вставало на свои места, как патроны в обойму, все находило своего прототипа в нашей обожаемой реальности, все оказывалось носителем подтекста — причем даже как бы помимо нашей воли, словно бы само собой, будто разноцветная леденцовая крошка в некоем волшебном калейдоскопе, превращающем хаос и случайную мешанину в элегантную, упорядоченную и вполне симметричную картинку.

Это было прекрасно — придумывать новый, небывалый мир, и еще прекраснее было наделять его хорошо знакомыми атрибутами и реалиями. Я просматриваю сейчас рабочий дневник: ноябрь 1967-го, Дом творчества в Комарово, мы работаем только днем, но зато как работаем — 7,10,11 (!) страниц в день. И не чистовика ведь — чернового текста, создаваемого, извлекаемого из ничего, из небытия! Этими темпами мы закончили черновик всего в два захода, 296 страниц за 32 рабочих дня. А чистовик писался еще быстрее, по 12-16 страниц в день, и уже в мае готовая рукопись была отнесена в московский «Детгиз», и почти одновременно — в ленинградский журнал «Нева».

Таким образом, роман (рекордно толстый роман АБС того времени) написан был на протяжении полугода. Вся дальнейшая история его есть мучительная история шлифовки, приглаживания, ошкуривания, удаления идеологических заусениц, приспособления, приведения текста в соответствие с разнообразными и зачастую совершенно непредсказуемыми требованиями Великой и Могучей Цензурирующей машины.

***

«Что есть телеграфный столб? Это хорошо отредактированная сосна».

До состояния столба «Обитаемый остров» довести не удалось, более того, сосна так и осталась сосной, несмотря на все ухищрения сучкорубов в штатском, но дров таки оказалось наломано предостаточно, и еще больше оказалось испорчено авторской крови и потрепано авторских нервов. И длилась эта изнурительная борьба за окончательную и безукоризненную идеологическую дезинфекцию без малого два годика.

Два фактора сыграли в этом сражении существеннейшую роль. Во-первых, нам (и роману) чертовски повезло с редакторами — и в «Детгизе», и в «Неве». В «Детгизе» вела роман Нина Матвеевна Беркова, наш старый друг и защитник, редактор опытнейший, прошедший огонь, воду и медные трубы, знающий теорию и практику советской редактуры от «А» до «Я», никогда не впадающий в отчаяние, умеющий отступать и всегда готовый наступать. В «Неве» же нас курировал Самуил Аронович Лурье — тончайший стилист, прирожденный литературовед, умный и ядовитый, как бес, знаток психологии советского идеологического начальства вообще и психологии А. Ф. Попова, главного тогдашнего редактора «Невы» в частности. Если бы не усилия этих двух наших друзей и редакторов, судьба романа могла бы быть иной — он либо не вышел бы вообще, либо оказался изуродован совсем уж до неузнаваемости.

Во-вторых, общий политический фон того времени. Это был 1968 год, «год Чехословакии», когда чешские Горбачевы отчаянно пытались доказать советским монстрам возможность и даже необходимость «социализма с человеческим лицом», и временами казалось, что это им удается, что вот-вот сталинисты отступят и уступят, чашки весов непредсказуемо колебались, никто не знал, что будет через месяц — то ли свободы у нас восторжествуют, как в Праге, то ли все окончательно вернется па круги своя — к безжалостному идеологическому оледенению и, может быть, даже к полному торжеству сторонников ГУЛАГа.

...Либеральная интеллигенция дружно фрондировала, все наперебой убеждали друг друга (на кухнях), что Дубчек обязательно победит, ибо подавление идеологического мятежа силой невозможно, не те времена на дворе, не Венгрия это вам 1956 года, да и жидковаты все эти брежневы-сусловы, нет у них той старой доброй сталинской закалки, пороху у них не хватит, да и армия нынче уж не та... «Та, та у нас нынче армия, — возражали самые умные из нас. — И пороху хватит, успокойтесь. И брежневы-сусловы, будьте уверены, не дрогнут и никаким дубчекам не уступят НИКОГДА, ибо речь идет о самом их, брежневых, существовании...»

...И мертво молчали те немногие, как правило недоступные

для непосредственного контакта, кто уже в мае знал, что вопрос решен. И уж конечно помалкивали те, кто ничего точно не знал, но чуял, самой шкурой своею чуял: все будет как надо, все будет как положено, все будет как всегда — начальники среднего звена, и в том числе, разумеется, младшее офицерство идеологической армии — главные редактора журналов, кураторы обкомов и горкомов, работники Главлита...

Чашки весов колебались. Никто не хотел принимать окончательных решений, все ждали, куда повернет дышло истории. Ответственные лица старались не читать рукописей вообще, а прочитав, выдвигали к авторам ошеломляющие требования, с тем чтобы, после учета этих требований, выдвинуть новые, еще более ошеломляющие.

В «Неве» требовали: сократить; выбросить слова типа «родина», «патриот», «отечество»; нельзя, чтобы Мак забыл, как звали Гитлера; уточнить роль Странника; подчеркнуть наличие социального неравенства в Стране Отцов; заменить Комиссию Галактической Безопасности другим термином, с другими инициалами...

В «Детгизе» (поначалу) требовали: сократить; убрать натурализм в описании войны; уточнить роль Странника; затуманить социальное устройство Страны Отцов; решительно исключить само понятие «Гвардия» (скажем, заменить на «Легион»); решительно заменить само понятие «Неизвестные Отцы»; убрать слова типа «социал-демократы», «коммунисты» и т. д.

Впрочем, как пел в те годы В. Высоцкий, «но это были еще цветочки». Ягодки ждали нас впереди.

***

В начале 1969 года вышло в «Неве» журнальное издание романа. Несмотря на всеобщее ужесточение идеологического климата, связанное с чехословацким позорищем; несмотря на священный ужас, охвативший послушно вострепетавших идеологических начальников; несмотря на то что именно в это время созрело и лопнуло сразу несколько статей, бичующих фантастику Стругацких, несмотря на все это, роман удалось опубликовать, причем ценою небольших, по сути минимальных, потерь. Это была удача. Более того, это была, можно сказать, победа, которая казалась невероятной и которой никто уже не

ждал.

В «Детгизе», вроде бы дело тоже шло на лад. В середине мая АН пишет, что Главлит пропустил «Обитаемый остров» благополучно, без единого замечания. Книга ушла в типографию. Более того, производственный отдел обещал, что, хотя книга запланирована на третий квартал, возможно, найдется щель для выпуска ее во втором, то есть в июне-июле.

Однако ни в июне, ни в июле книга не вышла. Зато в начале июня в газете «Советская литература», славившейся своей острой и даже в каком-то смысле запредельной национально-патриотической направленностью, появилась статья под названием «Листья и корни». Как образец литературы, не имеющей корней, приводился там «Обитаемый остров», журнальный вариант. В этой своей части статья показалась тогда БН (да и не ему одному) «глупой и бессодержательной», а потому и совсем неопасной. Подумаешь, ругают авторов за то, что у них нуль-передатчики заслонили людей, да за то, что нет в романе настоящих художественных образов, нет «корней действительности и корней народных». Эка невидаль, и не такое приходилось АБС о себе слышать!..

Гораздо больше взволновал их тогда донос, поступивший в те же дни в ленинградский обком КПСС от некоего правоверного кандидата наук, физика и одновременно полковника. Физик-полковник попросту, с прямотой военного человека и партийца, без всяческих там вуалей и экивоков обвинял авторов опубликованного в «Неве» романа в издевательстве над армией, антипатриотизме и прочей неприкрытой антисоветчине. Предлагалось принять меры.

Невозможно ответить однозначно на вопрос, какая именно соломинка переломила спину верблюду, но 13 июня 1969 года прохождение романа в «Детгизе» было остановлено указанием свыше и рукопись изъяли из типографии. Начался период Великого Стояния «Обитаемого острова» в его детгизовском варианте.

***

Не имеет смысла перечислять все слухи, в том числе и самые достоверные, которые возникали тогда, бродили из уст в уста и бесследно исчезали в небытии, не получив сколько-нибудь основательных подтверждений. Скорее всего, правы были те

комментаторы событий, которые полагали, что количество скандалов вокруг имени АБС (шесть ругательных статей за полгода в центральной прессе) перешло наконец в качество и где-то кем-то решено было взять строптивцев к ногтю и примерно наказать. Однако же и эта гипотеза, неплохо объясняя дебют и миттельшпиль разыгранной партии, никак не объясняет сравнительно благополучного эндшпиля.

После шести месяцев окоченелого стояния рукопись вдруг снова возникла в поле зрения авторов — прямиком из Главлита, испещренная множественными пометками и в сопровождении инструкций, каковые, как и положено, были немедленно доведены до нашего сведения через посредство редактора. И тогда было трудно, а сегодня и вовсе невозможно судить, какие именно инструкции родились в недрах цензурного комитета, а какие сформулированы были дирекцией издательства. По этому поводу существовали и существуют разные мнения, и тайна эта никогда теперь уже не будет разгадана. Суть же инструкций, предложенных авторам к исполнению, сводилась к тому, что надлежит убрать из романа как можно больше реалий отечественной жизни (в идеале — все без исключения) и прежде всего — русские фамилии героев.

В январе 1970 года АБС съехались у мамы в Ленинграде и в течение четырех дней проделали титаническую чистку рукописи, которую правильнее было бы назвать, впрочем, не чисткой, а поллюцией, в буквальном смысле этого неаппетитного слова.

Первой жертвой стилистических саморепрессий пал русский человек Максим Ростиславский, ставший отныне, и присно, и во веки всех будущих веков немцем Максимом Каммерером. Павел Григорьевич (он же Странник) сделался Сикорски, и вообще в романе появился легкий, но отчетливый немецкий акцент: танки превратились в панцервагены, штрафники в блитцтрегеров, «дурак, сопляк!» — в «Dumkopf, Rotznase!»... Исчезли из романа: «портянки», «заключенные», «салат с креветками», «табак и одеколон», «ордена», «контрразведка», «леденцы», а также некоторые пословицы и поговорки вроде «бог шельму метит». Исчезла полностью и без следа вставка «Как-то скверно здесь пахнет...», а Неизвестные Отцы — Папа, Свекор и Шурин — превратились в Огненосных Творцов — Канцлера, Графа и Барона.

Невозможно перечислить здесь все поправки и подчистки, невозможно перечислить хотя бы только самые существенные из них. Юрий Флейшман, проделавший воистину невероятную в своей кропотливости работу по сравнению чистовой рукописи романа с детгизовским его изданием, обнаружил 896

разночтений — исправлений, купюр, вставок, замен... Восемьсот девяносто шесть!

Но это уже был если и не конец еще истории, то, во всяком случае, ее кульминация. Исправленный вариант был передан обратно на площадь Ногина, в Главлит, и не прошло и пяти месяцев, как получилось письмецо от АН (22 мая 1970):

*Площадь Ногина (*адрес Главного управления по делам литературы, «цензурного комитета») *выпустила наконец «Обитаемый остров» из своих когтистых лап. Разрешение на публикацию дано. Стало, кстати, понятно, чем объяснялась такая затяжка, но об этом при встрече. Стало известно лишь, что мы — правильные советские ребята, не чета всяким клеветникам и злопыхателям, только вот настрой у нас излишне критически-болезненный, да это ничего, с легкой руководящей рукой на нашем плече мы можем и должны продолжать работать...*

Подсчитано, что если все пойдет гладко (в производстве), то книга выйдет где-то в сентябре...

В сентябре книга, положим, не вышла, не вышла она и в ноябре. В январе 1971 года закончилась эта история — поучительная история опубликования развеселой, абсолютно идеологически выдержанной, чисто развлекательной повестушки о комсомольце XXII века, задуманной и написанной своими авторами главным образом для ради денег.

Интересный вопрос: а кто все-таки победил в этом безнадежном сражении писателей с государственной машиной? Авторам как-никак, а все-таки удалось выпустить в свет свое детище, пусть даже и в сильно изуродованном виде. А вот удалось ли цензорам и начальникам вообще добиться своего — выкорчевать из романа «вольный дух», аллюзии, «неуправляемые ассоциации» и всяческие подтексты? В какой-то мере — безусловно. Изуродованный текст, без всяких сомнений, много потерял в остроте своей и сатирической направленности, но полностью кастрировать его, как мне кажется, начальству так и не удалось. Роман еще долго и охотно пинали ногами разнообразные доброхоты. И хотя критический пафос их редко поднимался выше обвинений авторов в «неуважении к советской космонавтике» (имелось в виду пренебрежительное отношение Максима к работе в Свободном Поиске), несмотря на это, опасливо-недоброжелательное отношение начальства к «Обитаемому острову», даже и в «исправленной» его модификации, просматривалось вполне явственно. Впрочем, скорее всего, это была просто инерция...

***

Я перечитал сейчас все вышеизложенное и ощутил вдруг смутное опасение, что буду неправильно понят современным читателем, читателем начала XXI века.

Во-первых, у читателя могло возникнуть представление, что АБС все это время только тем и занимались, что бегали по редакциям, клянчили их ради бога напечатать, рыдали друг другу в жилетку и, рыдая, уродовали собственные тексты.

То есть, разумеется, все это было на самом деле — и бегали, и рыдали, и уродовали, — но это занимало лишь малую часть рабочего времени. Как-никак именно за эти месяцы написан был наш первый (и последний) фантастический детектив («Отель „У Погибшего Альпиниста“»), начата и закончена повесть «Малыш», начат наш «тайный» роман «Град обреченный» и закончены в черновике три части его, задуман и начат «Пикник на обочине». Так что рыдания рыданиями, а жизнь и работа шли своим чередом, и некогда нам было унывать и ломать руки «в смертельной тоске».

Теперь во-вторых. Вспомнился мне рассказ известного писателя Святослава Логинова («внезапного патриарха отечественной фэнтези»), как выступал он недавно перед нынешними школьниками, пытался, в частности, поразить их воображение теми невероятными и нелепыми трудностями, с которыми сталкивался писатель середины 1970-х, и неожиданно услышал из рядов недоуменное: «Если было так трудно печататься, что же вы не организовали собственного издательства?..»

Сегодняшний читатель просто представить себе не может, каково было нам, шестидесятникам-семидесятникам, как беспощадно и бездарно давил литературу и культуру вообще всемогущий партийно-государственный пресс, по какому узенькому и хлипкому мосточку приходилось пробираться каждому уважающему себя писателю: шаг вправо — и там поджидает тебя семидесятая (или девяностая) статья УК, суд, лагерь, психушка; в лучшем случае — занесение в черный список и выдворение за пределы литературного процесса лет эдак на десять; шаг влево — и ты в объятиях жлобов и бездарей, предатель своего дела, каучуковая совесть, иуда, считаешь-пересчитываешь поганые сребреники...

Сегодняшний читатель понять этих дилемм, видимо, уже не в состоянии. Психологическая пропасть между ним и людьми моего времени уже разверзлась, трудно рассчитывать заполнить ее текстами наподобие моих комментариев, но ведь другого способа не существует, не правда ли? Свобода — она как воздух или как здоровье: пока она есть, ты ее не замечаешь и не понимаешь, каково это — без нее или вне ее.

Существует, правда, мнение, что свобода никому и не нужна — нужно лишь освобождение от необходимости принимать решения. Это мнение довольно популярно сейчас. Ибо сказано: «Часто лучший вид свободы — свобода от забот». Возможно, возможно... Но это, впрочем, тема совсем другого разговора.

ИЗ КРИТИКИ ТЕХ ЛЕТ

Неудачными оказались в идейном и художественном отношении первые два номера журнала «Байкал» за 1968 год. Читатели указывают: произведение А. и Б. Стругацких, названное фантастической повестью, является не чем иным, как пасквилем на нашу действительность.

Что за персонажи выведены в повести? Директор управления — тиран. При нем доносчик Доморощинер. Многие персонажи с физическими недостатками. Тот без уха, этот без ноги. Чуть не у каждого болезнь. Тот печеночник, этот желудочник. Лица у них болезненно-бледные. Глаза -воспаленные, выпученные.

А как они общаются друг с другом? Без конца только и слышно: «сволочь неуклюжая», «мерзавец», «идиот», «бездумный дурак», «гипсовая баба».

Чему учит это произведение? Под знаменем каких идеалов выступают авторы?

Газета «Правда Бурятии», 1968

До черноты сгущены краски в повести «Второе нашествие марсиан». Что ни человек, то гнусность! Не трус, так пьяница. Не пьяница, так блудник.

Особенно потешаются авторы по поводу патриотизма и воинских доблестей своих героев. «Этот Полифем жить не может без патриотизма. Без ноги он жить может, а вот без патриотизма у него не получается».

Журнал «Огонек», 1969

Нас почему-то настойчиво убеждают не искать в творчестве Стругацких каких-то намеков, подтекста и т. д. Но встречая в их повестях какие-то детали, черточки, выхваченные из жизни нашей страны, но перевернутые, исковерканные, чудовищно деформированные, поневоле начинаешь задумываться: во имя чего?

Отталкивают читателя и патологические рассуждения Клопа-говоруна в «Сказке о Тройке». Это ж надо было придумать: рассуждения о людях с точки зрения клопа!

Журнал «Журналист», 1969

К сожалению, еще часто встречаются книги, авторы которых усердно фиксируют события текущей повседневности, но не дерзают осмыслить их в широкой перспективе. Вот и кочуют из произведения в произведение герои, безнадежно устаревающие уже к последнему кварталу того года, когда они впервые появились.

После знакомства с «Обитаемым островом» подумалось: а нельзя ли отыскать такой хотя бы самый примитивный нуль-передатчик, который сообщил бы по секрету уважаемым фантастам: пощадите читателя! Побеспокойтесь о такой безделице, как литературные образы. Придумайте ситуации, несущие хотя бы минимум общеинтересной информации!

Газета «Советская Россия», 1969

«Обитаемый остров» проникнут революционной романтикой. Авторы раскрывают тлетворность мещанской идеологии, которая служила и служит опорой реакции и мутным источником мракобесия.

Эта антифашистская повесть будет одинаково интересна читателям всех возрастов.

Журнал «Аврора», 1972

ГЛАВА ПЯТАЯ: 1969-1971

15
«ОТЕЛЬ „У ПОГИБШЕГО АЛЬПИНИСТА“» (1969)

Нам давно хотелось написать детектив. Мы оба были большими любителями этого вида литературы, причем АН, свободно владевший английским, был вдобавок еще и большим знатоком — знатоком творчества Рекса Стаута, Эрла Гарднера, Дэшила Хеммита, Джона Ле Карре и других мастеров, в те годы мало известных массовому русскому читателю.

Разговоры на тему «а хорошо бы нам написать с тобой этакий заковыристый, многоходовый, с нетривиальной концовкой...» велись на протяжении многих лет, но снова и снова кончались ничем. Нам был совершенно ясен фундаментальный, можно сказать, первородный, имманентный порок любого, даже самого наизабойнейшего детектива... Вернее, два таких порока: убогость криминального мотива, во-первых, и неизбежность скучной, разочаровывающе унылой, убивающей всякую достоверность изложения, суконной объяснительной части, во-вторых. Все мыслимые мотивы преступления нетрудно было пересчитать по пальцам: деньги, ревность, страх разоблачения, месть, психопатия... А в конце — как бы увлекательны ни были описываемые перипетии расследования — неизбежно наступающий спад интереса, как только становится ясно: кто, почему и зачем.

В каком-то смысле образцом — если не для подражания, то, во всяком случае, для любования и восхищения — стал для нас детективный роман Фридриха Дюренматта «Обещание» (с подзаголовком «Отходная детективному жанру»). Требовалось что-то вроде этого, нечто парадоксальное, с неожиданным и трагическим поворотом в самом конце, когда интерес читателя по всем законам детектива должен падать. ЕЩЕ ОДНА ОТХОДНАЯ ДЕТЕКТИВНОМУ ЖАНРУ виделась нам как желанный итог наших беспорядочных обсуждений, яростных дискуссий и поисков по возможности головоломного подхода, приема, сюжетного кульбита. По крайней мере несколько лет — без всякого, впрочем, надрыва, в охотку и даже с наслаждением — ломали мы голову над всеми этими проблемами, а вышли на их решение совершенно для себя неожиданно, в результате очередного (умеренной силы) творческого кризиса, случившегося с нами в середине 1968 года почти сразу после окончания работы над «Обитаемым островом».

***

Собственно кризис вызван был не столько творческими, сколько чисто внешними обстоятельствами. Вполне очевидно стало, что никакое сколько-нибудь серьезное произведение опубликовано в ближайшее время быть не может. Мы уже начали тогда работать над «Градом обреченным», но это была работа в стол — важная, увлекательная, желанная, благородная, — но абсолютно бесперспективная в практическом, «низменном» смысле этого слова — в обозримом будущем она не могла принести нам ни копейки. «Все это очень бла-ародно, — цитировали мы друг другу дона Сэра, — но совершенно непонятно, как там насчет бабок?..» Мы заставляли себя быть циничными. Наступило время, когда надо было либо продавать себя, либо бросать литературу совсем, либо становиться циниками, то есть учиться писать ХОРОШО, но ради денег.

В дневнике сохранились следы наших мучительных поисков темы, достаточно увлекательной для того, чтобы писать книгу было интересно, и в то же время достаточно «проходной», способной усыпить или обмануть бдительность идеологических церберов.

«Люди и боги», видимо, повесть о прямом контакте со сверхцивилизацией, изучающей человечество на предмет выяснения его разумности-неразумности. Повесть о трагедии человечества, обнаружившего себя вдруг объектом научного исследования. Повесть о Великом Шоке, о котором мы не раз упоминали и раньше, и впоследствии, но о котором так и не собрались написать.

14 декабря 1968:

Аркадий приехал в Ленинград. Раздумали «Люди и боги», задумали «Кракена»...

Тоже старая наша тема — столкновение людей с гигантским, древним, почти вечным головоногим, обладающим способностью прямого воздействия на человеческий мозг. К этому моменту был хорошо разработан и отчасти даже и написан сюжет с Кракеном, попавшим в московский научно-исследовательский институт, где он превратил всех сотрудников в ледяных эгоцентриков, не знающих пощады в достижении своих вполне низменных целей.

В новом «Кракене» события должны были развиваться на

некоем морском побережье, где рыбаки стали вдруг видеть один и тот же сон и декламировать друг другу классику (к собственному своему изумлению). Героями там должны были быть: Петер Глебски — книгоноша, Цвирик — учитель, прапорщик Рашба — из погранвойск, Хинкус — переводчик, девушка Гута, а также: бабка Мирл, Мозес, Исхак, Иозеф, Герош, Цмыг, Шухат, Згут и другие.

Не правда ли, много знакомых имен? Но дальше имен дело у нас с новым «Кракеном» так и не пошло.

16 декабря 1968:

Раздумали «Кракена». Задумали «Скучные пустяки». «Это вовлечение бога в скучные пустяки подавляло меня...» М. Горький «В людях».

От этого замысла осталась тщательно нарисованная карта, где имеет место какой-то завод, рабочий поселок при нем, городок с банями, железнодорожная ветка, ведущая через реку... Совершенно не помню, что это был за сюжет, при чем здесь скучные пустяки и кто такие эти тщательно выписанные в столбик «Гуннар Богессен, Алек (Александр) Пеккала, Барн (Барнстокр) Луарвик и Кайса Сневарски...»

Впрочем, сохранилась запись: «Повесть вот о чем: „Допустив, что мы можем все, что мы собираемся делать с этим нашим всемогуществом?“ (Жан Ростан) — из статьи Пьеретты Сартен». Кто такая Пьеретта Сартен? Не помню. Какой Жан Ростан имеется в виду? Могу только догадываться.

Отрывистые же фразы: «Они ищут атмосферу счастья. М. б., желания исполняют человекообразные роботы (блаженные люди; черные люди; вонючие люди)?» — отрывистые эти фразы — материал, явно недостаточный, чтобы восстановить в памяти хотя бы отдельные звенья сюжетной цепочки. Видимо, этой цепочки, как чего-то целого, просто никогда не существовало.

11 января 1969:

Прибыли в Комарово. Долго, мучительно думали. Придумали: человек, живущий вторично и заново; человек, приглашенный на работу в космический синдикат — все отвергли. Остановились временно на ВНИВ.

«Человек, приглашенный в космический синдикат» — полагаю, это был какой-то совсем уж тупиковый сюжет, от которого в памяти не осталось совершенно ничего. Ни единого воспоминания. И никакой зацепки.

«Человек, живущий вторично...» — зародыш весьма плодотворной и богатой сюжетообразующей идеи, из которой много лет спустя образовалась повесть «Подробности жизни Никиты Воронцова» С. Ярославцева.

А ВНИВ означает «В наше интересное время» — самое первое название фантастического детектива об инспекторе полиции Петере Глебски.

***

Писался наш детектив легко и азартно. Дьявольски увлекательно было вычерчивать планы гостиницы, определять, где кто живет, тщательнейшим образом расписывать «time-table» — таблицу, определяющую, кто где находился в каждый момент времени и что именно поделывал... Достоверность изложения — один из трех китов фантастики и, несомненно, Большая Черепаха детектива. Черновик мы закончили в два захода, чистовик — в один. 19 апреля 1969 года повесть была готова, а уже в июне с чувством исполненного долга и со спокойной совестью (будущее обеспечено по крайней мере на год вперед) мы вернулись к работе над «Градом».

Нельзя, впрочем, сказать, что мы были вполне довольны результатом. Мы задумывали наш детектив как некий литературный эксперимент. Читатель, по нашему замыслу, должен был сначала воспринимать происходящее в повести как обыкновенное «убийство в закрытой комнате», и лишь в конце, когда в традиционном детективе обычно происходит всеобщее разъяснение, сопровождающееся естественным провалом интереса, у нас сюжет должен был совершить внезапный кульбит: прекращается одна история, и начинается совершенно другая — интересная совсем по-своему, с другой смысловой начинкой, с другой проблемой, по сути, даже с другими героями...

Так вот, замысел был хорош, но эксперимент не удался. Мы это почувствовали сразу же, едва поставив последнюю точку, но уже ничего не могли поделать. Не переписывать же все заново. И, главное, дело было не в том, что авторы плохо постарались или схалтурили. Дело, видимо, было в том, что нельзя нарушать вековые каноны таким образом, как это позволили себе АБС. Эксперимент не удался, потому что он и не мог удаться. Никогда. Ни при каких стараниях-ухищрениях. И нам оставалось только утешаться мыслью, что чтение все равно получилось у нас

увлекательное, не хуже (а может быть, и лучше), чем у многих и многих других.

Утешившись этим соображением, мы изменили у нашего детектива название — теперь повесть называлась «Дело об убийстве. Еще одна отходная детективному жанру» — и понесли его по редакциям. Здесь нас ожидал новый неприятный сюрприз. Мы-то воображали, что написали добротную, проходную, сугубо развлекательную повестуху с моралью, и повестуху эту главные редакторы станут у нас рвать из рук, опережая друг друга, — ан не тут-то было! Мы забыли, в какое время живем. Мы как-то не учли, что сама фамилия наша вызывает сейчас у главных упомянутых выше редакторов душеспасительную оторопь и чисто инстинктивное желание отмежеваться — отказаться от сотрудничества, не думая и по возможности даже не читая. Что они и делали.

Выяснилось, что мы перехватили с аполитичностью и асоциальностью. Выяснилось, что главным редакторам не хватает в повести борьбы — борьбы классов, борьбы за мир, борьбы идей, вообще хоть какой-нибудь борьбы. Борения инспектора Глебски с самим собой борьбой не считались, их было недостаточно. Повесть лежала в «Неве», в «Авроре», в «Строительном рабочем», повесть была переработана в сценарий и в этом виде лежала на «Ленфильме» — и везде начальство ныло по поводу аполитичности-асоциальности и просило (на редкость дружно!) ввести в повесть ну хотя бы неонацистов вместо вульгарных гангстеров. Нам очень не хотелось этого делать. Не то чтобы мы любили неонацистов больше, чем бандитов, но от неонацистов (обманувших лопуха-пришельца Мозеса) явственно повanивало, как нам казалось, дурной политической ангажированностью и конъюнктуркой, в то время как гангстеры — они и есть гангстеры, и в Африке они гангстеры, и в Америке, и в Европе, и сегодня, и вчера, и завтра, — что с них взять, такова реальная жизнь, и никакой политической конъюнктуры.

В конце концов, уже имея дело с журналом «Юность», мы все-таки сдались и с отвращением переделали гангстеров на неонацистов. «Нате, ешьте». В благодарность за послушание «Юность» потребовала еще изменить и название. Нам было уже все равно. Так появился «Отель „У Погибшего Альпиниста“» (без всякого теперь уж подзаголовка) — провалившийся эксперимент профессиональных фантастов, попытавшихся написать детектив нового типа.

В дальнейшем, выпуская повесть в «Детгизе», мы сумели вернуть в текст гангстеров, но зато попали под яростную антиалкогольную кампанию — шла очередная бескомпромиссная

борьба за искоренение в детской литературе «взрослостей» вообще и каких бы то ни было алкоголических мотивов в частности. Как результат такой борьбы инспектор Глебски в этом варианте повести пьет черный кофе болезненно огромными кружками — теми самыми, которыми в оригинале он пил горячий глинтвейн.

16
«МАЛЫШ»
(1970)

Был задуман 22 февраля 1970 года под названием «Операция „Маугли“».

На планете, населенной негуманоидным пассивным племенем (вырождающимся после биологической войны), разбился звездолет с супружеской парой и ребенком. Ребенка спасают аборигены. Через десяток лет прибывает новая экспедиция, обнаруживает человеческие следы, а аборигенов принимает за животных. В поисках невольно разрушают дома и пр. Возникает конфликт. Маугли отзывается, как обычно привык защищать своих медлительных отчимов от диких зверей. Его захватывают. Дальше — на Землю. Приключения на Земле...

И так далее. Появляется Горбовский со своей внучкой, тайно переправляется на остров, где живут аборигены, и улаживает все конфликты ко всеобщему удовлетворению. Deus ex machina.

Замысел достаточно сильно отличается от последующей его реализации, но какие-то (фундаментальные) позиции определились у нас уже в самом первом разработанном плане, и в том числе образ Малыша:

У Маугли могучая способность к звукоподражанию, сразу все запоминает, слова и интонации, так его отчимы заманивают быстрых зверей. Обмазан слизью, которая обладает способностью менять цвет под цвет фона — мимикрия...

Впрочем, все это были только наметки. Писать повесть мы начали гораздо позже, в июне 1970-го, причем вначале основательно перелопатили сюжет: медлительные вымирающие аборигены превратились у нас в могучую цивилизацию «гетероморфоз», населяющую подземные пустоты мрачных и загадочных «Морщинистых островов»; неловкие действия ничего не понимающих в ситуации землян (вернее, их кибернетических ловчих) приводят к конфликту, в который, разумеется, вмешивается Малыш... маленькая, но беспощадная война... разъяснение всех недоразумений... земляне уходят. По этому, новому, плану мы даже начали работать и написали целых восемь страниц, но уже на другой день:

Словом, «Малыш» дался нам нелегко — по крайней мере, на этапе разработки сюжета. Писался он, впрочем, бойко, в хорошем темпе, без каких-либо новых задержек и перебоев, — энергично, гладко, но как-то невесело. Ощущение даром растрачиваемого времени не покидало нас, и если бы не то обстоятельство, что эту повесть ждал от нас «Детгиз» (в полном соответствии с ранее заключенным договором), мы, может быть, и не стали бы эту работу доводить до конца.

А может быть, и стали бы. Нам нравился Малыш, у нас хорошо получился Вандерхузе с его бакенбардами и верблюжьим взглядом вдоль и поверх собственного носа, да и Комов был там на месте, не говоря уж о любимом нашем Горбовском, которого мы здесь с удовольствием воскресили из мертвых раз и впредь навсегда. И тем не менее мысль о том, что мы пишем повесть, которую можно было бы и не писать — сегодня, здесь и сейчас, — попортила нам немало крови, и, я помню это совершенно отчетливо, окончив чистовик в начале ноября 1970-го, мы чувствовали себя совершенно неудовлетворенными и почему-то — дьявольски уставшими. Наверное, это была реакция — расплата за ощущение НЕОБЯЗАТЕЛЬНОСТИ своего труда.

Разумеется, ощущение это посещало не только авторов. Очень уважаемый нами критик Рафаил Нудельман, большой в те времена поклонник творчества АБС, задумчиво сказал как-то по поводу «Малыша»: «Может быть, чем писать такое, лучше вообще не писать ничего?..» Я, помнится, довольно резко ему возразил. Он, помнится, не стал особенно спорить. Каждый остался при своем мнении.

Мы уже не могли не писать. Мы прекрасно понимали, что имеет в виду Нудель, мы и сами мучились мыслью о том, что выпуская «нейтральные», внеполитические вещи, мы как бы занимаемся коллаборационизмом и против собственной воли поддерживаем — молчанием своим, внеполитичностью, добровольной своей самоустраненностью — этот поганый режим. Но мы уже не могли не писать. Нам казалось (как нашему герою Виктору Баневу из «Гадких лебедей»), что, если мы перестанем писать вообще, это будет ИХ победа: «замолчали, заткнулись, перестали бренчать...» А так мы все-таки сохраняли хоть мизерную, но все-таки возможность сказать то, что говорить было при прочих равных условиях не разрешено, да и негде — вроде той фразы в «Малыше» про «фанатиков абстрактных идей и дураков, которые им подпевают». На эту фразу, разумеется, мало

кто из читателей и внимание-то обратил, но для нас она звучала как лозунг, как вызов и даже, в каком-то смысле, как оправдание всех наших действий.

Словом, мы невысоко ценили нашего «Малыша», но, иногда перечитывая его, признавались друг другу (в манере Вандерхузе): «А ведь недурно написано, ей-богу, как ты полагаешь?» — и были при этом совершенно честны перед собою: написано было и в самом деле недурно. В своем роде, конечно.

И опять же не одни только авторы придерживались такой точки зрения. Ведь недаром эта повестушка и инсценирована была, причем вполне прилично, и экранизирована (довольно, впрочем, посредственно), и переиздавалась многократно как дома, так и за рубежом. В начале 1972-го мы даже подумывали, не написать ли нам продолжение: «Малыш рассказывает» — операция «Ковчег» глазами Малыша. А сейчас я иногда думаю (не без горечи), что именно в силу своей аполитичности, антиконъюнктурности и отстраненности эта повесть, вполне возможно, переживет все другие наши работы, которыми мы так некогда гордились и которые считали главными и «вечными».

17
«ПИКНИК НА ОБОЧИНЕ» (1971)

История написания этой повести (в отличие, между прочим, от истории ее опубликования) не содержит ничего занимательного или, скажем, поучительного. Задумана повесть была в феврале 1970 года, когда мы съехались в Дом творчества в Комарово, чтобы писать «Град обреченный», и между делом, во время вечерних прогулок по пустынным заснеженным улочкам дачного поселка, придумали там несколько новых сюжетов, в том числе сюжеты будущего «Малыша» и будущего «Пикника».

Самая первая запись выглядит так:

Обезьяна и консервная банка. Через 30 лет после посещения пришельцев, остатки хлама, брошенного ими, — предмет охоты и поисков, исследований и несчастий. Рост суеверий, департамент, пытающийся взять власть на основе владения ими, организация, стремящаяся к уничтожению их (знание, взятое с неба, бесполезно и вредно; любая находка может принести лишь дурное применение). Старатели, почитаемые за колдунов. Падение авторитета науки. Брошенные биосистемы (почти разряженная батарейка), ожившие мертвецы самых разных эпох...

Там же и тогда же появляется утвержденное и окончательное название — «Пикник на обочине», — но понятия «сталкер» еще нет и в помине, есть «старатели».

Почти год спустя, в январе 1971-го, опять же в Комарово мы разрабатываем очень подробный, тщательно детализированный план повести, но и в этом плане, буквально накануне того дня, когда мы перестали наконец придумывать сюжет и начали его писать, даже тогда в наших разработках нет слова «сталкер». Будущие сталкеры называются пока еще «трапперами»: «траппер Рэдрик Шухарт», «девушка траппера Гута», «братишка траппера Сэдвик»... Видимо, сам термин «сталкер» возник у нас в процессе работы над самыми первыми страницами текста. Что же касается «старателей» и «трапперов», то они нам не нравились изначально, это я помню хорошо.

«Сталкер» одно из немногих придуманных АБС слов, сделавшееся общеупотребительным. Словечко «кибер» тоже привилось, но главным образом в среде фэнов, а вот «сталкер» пошел и вширь, и вглубь, правда, я полагаю, в первую очередь

все-таки благодаря фильму Тарковского. Но ведь и Тарковский не зря же взял его на вооружение — видимо, словечко получилось у нас и в самом деле точное, звонкое и емкое. Происходит оно от английского to stalk, что означает, в частности, «подкрадываться», «идти крадучись». Между прочим, произносится это слово как «стоок», и правильнее было бы говорить не «сталкер», а «стокер», но мы-то взяли его отнюдь не из словаря, а из романа Киплинга, в старом, еще дореволюционном, русском переводе называвшегося «Отчаянная компания» (или что-то вроде этого) — о развеселых английских школярах конца XIX — начала XX века и об их предводителе, хулиганистом и хитроумном юнце по прозвищу Сталки. АН в младые годы свои, еще будучи курсантом БИЯКа, получил от меня в подарок случайно купленную на развале книжку Киплинга «Stalky & Co», прочел ее, восхитился и тогда же сделал черновой перевод под названием «Сталки и компания», сделавшийся для меня одной из самых любимых книг школьной и студенческой поры. Так что, придумывая слово «сталкер», мы несомненно имели в виду именно проныру Сталки, жесткого и даже жестокого сорванца, отнюдь не лишенного, впрочем, и своеобразного мальчишеского благородства, и великодушия. При этом мы и думать не думали, что он на самом деле не Сталки, а, скорее всего, Стоки.

***

Повесть написана была без каких-либо задержек или кризисов всего в три захода: 19 января 1971 года начали черновик, а 3 ноября того же года закончили чистовик. В промежутке мы занимались самыми разнообразными, как правило дурацкими, делами — писали жалобы в «Правительствующий Сенат» (то есть в секретариат Московского отделения Союза писателей), отвечали на письма (что, сидя рядом, мы делали достаточно редко), сочиняли заявку на полнометражный научно-популярный фильм «Встреча миров» (о контактах с иным Разумом), написали три киноминиатюры для «Фитиля» (или для чего-нибудь в том же роде), придумали сюжет для телефильма «Выбор пал на Рыбкина», разработали в первом приближении сюжет новой повести «Странные события на рифе Октопус» и т. д., и т. п. — никакого продолжения и окончательного завершения все эти пробы пера не получили, и никакого отношения к дальнейшим событиям они не имеют.

Замечательно, что «Пикник» сравнительно легко и без каких-либо существенных проблем прошел в ленинградской «Авроре», пострадав при этом разве что в редактуре, да и то не так уж чтобы существенно. Пришлось, конечно, почистить рукопись от разнообразных «дерьм» и «сволочей», но это все были привычные, милые авторскому сердцу пустячки, ни одной принципиальной позиции авторы не уступили, и журнальный вариант появился в конце лета 1972 года почти не изуродованным.

Эпопея «Пикника» в издательстве «Молодая гвардия» в это время еще только начинается. Собственно эпопея эта, строго говоря, началась вместе с 1971 годом, когда повести «Пикник» на бумаге еще не существовало и в заявке на сборник эта повесть предлагалась только лишь в виде самого общего замысла. Предполагаемый сборник назывался «Неназначенные встречи», посвящался проблеме контакта человечества с иным разумом во Вселенной и состоял из трех повестей, двух готовых — «Дело об убийстве» и «Малыш» — и одной, находящейся в работе.

Неприятности начались сразу же.

16 марта 1971 — АН:

Начальство прочитало сборник, но мнется и ничего определенного не сказало. По его требованию сборник дали на рецензию некоему доктору исторических наук (?) Маркову — на том основании, что он очень любит фантастику...

Затем рукопись с этой рецензией пойдет снова к Авраменко (тогдашняя заместительница главного редактора. — БН) — вероятно, для того чтобы дать ей возможность переоценить имеющуюся, но содержащуюся в тайне оценку? — а затем уже пойдет к Осипову (главный редактор), и только тогда мы узнаем свою судьбу.

Бляди. Л-литературоведы.

16 апреля 1971 — АН:

Был я в «Молодой гвардии» у Белы. Она сказала, что ничего нам не отломится. Авраменко просила ее открыть это нам как-нибудь дипломатично: мол, нет бумаги, да договорный портфель полон, то-сё, но она мне прямо сказала, что на каких-то верхах дирекции предложили до поры до времени со Стругацкими дела не иметь никакого... Вот навалился класс-гегемон!

А ведь «Пикник» еще даже не написан, и речь идет, по сути, о повестях, никогда не вызывавших Большого Идеологического Раздражения, о повестушках совершенно невинных и даже

аполитичных. Просто начальство не хочет иметь дело с «этими Стругацкими» вообще, и это общее нежелание вдобавок накладывается на тяжелую внутрииздательскую ситуацию: именно в это время происходит там смена власти и начинается выкорчевывание всего лучшего, что создала тамошняя редакция НФ литературы при Сергее Георгиевиче Жемайтисе и Беле Григорьевне Клюевой, заботами и трудами которых расцвела отечественная фантастика Второго поколения...

***

В начале 1980-х мы с АН самым серьезным образом обдумывали затею собрать, упорядочить и распространить хотя бы в самиздате «Историю одной публикации» (или «Как это делается») — коллекцию подлинных документов (писем, рецензий, жалоб, заявлений, авторских воплей и стонов в письменном виде), касающихся истории прохождения в печати сборника «Неназначенные встречи», гвоздевой повестью которого стал «Пикник». БН даже начал в свое время систематическую работу по сортировке и подбору имеющихся материалов, да забросил вскорости: дохлое это было дело, кропотливый, неблагодарный и бесперспективный труд, да и нескромность ощущалась какая-то во всей этой затее — кто мы, в конце концов, были такие, чтобы именно на своем примере иллюстрировать формы функционирования идеологической машины 70-х годов — в особенности на фоне судеб Солженицына, Владимова, Войновича и многих, многих других достойнейших из достойных.

Затея была заброшена, но мы вновь вернулись к ней уже после начала перестройки, когда наступили новые и даже новейшие времена, когда возникла реальная возможность не просто пустить по рукам некое собрание материалов, но опубликовать его по всем правилам, с поучительными комментариями и ядовитыми характеристиками действующих лиц, многие из которых в те времена еще сохраняли свои посты и способны были влиять на литературные процессы. К работе подключились неутомимые члены группы «Людены» — Вадим Казаков со товарищи. БН передал им все материалы, сборник был в значительной степени подготовлен, но довольно скоро выяснилось, что издать его реальной возможности нет — ни у кого не оказалось денег на подобное издание, которое вряд ли могло представлять коммерческий интерес. Кроме того, события

неслись вскачь: путч, уход АН, распад Союза, демократическая, хоть и «бархатная», но несомненная революция — затея буквально на протяжении нескольких месяцев потеряла даже самую минимальную актуальность.

И вот сейчас я сижу за столом, смотрю на три довольно толстые папки, лежащие передо мною, и испытываю разочарование пополам с растерянностью и с заметной примесью недоумения. В папках — наши письма в издательство «Молодая гвардия» (редакторам, завредакции, главному редактору, директору издательства), жалобы в ЦК ВЛКСМ, слезницы в отдел культуры ЦК КПСС и в отдел печати и пропаганды ЦК КПСС, заявления в ВААП (Всесоюзное Агентство по авторским правам) и, разумеется, ответы из всех этих инстанций, и наши письма друг другу — гора бумаги, по самым скромным подсчетом двести с лишним документов, — и я представления не имею, что со всем этим сейчас делать.

Первоначально я предвкушал, как расскажу здесь историю опубликования «Пикника», назову некогда ненавистные нам имена, вдоволь поиздеваюсь над трусами, дураками, доносчиками и подлецами, поражу воображение читателя нелепостью, идиотизмом и злобностью мира, из которого мы все родом, и буду при этом ироничен и назидателен, нарочито объективен и беспощаден, добродушен и язвителен одновременно. И вот теперь я сижу, гляжу на эти папки и понимаю, что я безнадежно опоздал и никому не нужен — ни с иронией своей, ни с великодушием, ни с перегоревшей своей ненавистью.

Канули в прошлое некогда могущественные организации, владевшие почти неограниченным правом разрешать и вязать, — канули в прошлое и забыты до такой степени, что пришлось бы скучно и занудно объяснять нынешнему читателю, кто есть кто, почему в отдел культуры ЦК жаловаться не имело смысла, а надобно было жаловаться именно в отдел печати и пропаганды и кто такие были Альберт Андреевич Беляев, Петр Нилыч Демичев и Михаил Васильевич Зимянин — а ведь это были тигры и даже слоны советской идеологической фауны, вершители судеб, «роководители» и «роконосцы»! Кто их помнит сегодня и кому интересны теперь те из них, кто еще пока числится среди живых? А что же тогда говорить о малых сих — о визгливом сонме мелких чиновников от идеологии, об идеологических бесах, имя коим легион, вред от коих был неизмерим и неисчислим, злобность и гнусность коих требует (как любили писать в XIX веке) пера более опытного, мощного и острого, нежели мое! Я даже упоминать их здесь не хочу — пусть сгинут в прошлом, как

ночная нечисть, и навсегда...

Если бы мне вздумалось все-таки опубликовать здесь хотя бы простой перечень всех относящихся к делу документов с краткой их характеристикой, перечень этот выглядел бы примерно так:

30 апреля 1975 АН: у редакции «серьезные сомнения» по поводу «Пикника».

5 июня 1975: Письмо АБС Медведеву с просьбой о редзаключении.

25 июня 1975: Письмо Зиберова с объяснением задержки.

8 июля 1975: Редзаключение Медведева и Зиберова.

21 июля 1975: Ответ АБС на редзаключение.

23 июля 1975 БН: сборник обработан и отослан в редакцию еще в июле.

1 сентября 1975: Уведомление Зиберова о получении рукописи.

5 ноября 1975: Письмо Медведева с отказом «Пикнику».

17 ноября 1975: Письмо АБС Медведеву с аргументацией против отказа.

17 ноября 1975: Письмо БН Медведеву с выражением недоумения.

8 января 1976: Письмо АБС Полещуку с жалобой на Медведева.

24 января 1976: Уведомление Паршина о получении письма в ЦК ВЛКСМ.

20 февраля 1976: Письмо Паршина о принятых мерах.

10 марта 1976 БН: проект писем Паршину и Синельникову.

24 марта 1976: Письмо АБС Паршину с напоминанием.

24 марта 1976: Письмо АБС Синельникову с напоминанием.

30 марта 1976: Письмо Паршина о принятых мерах.

5 апреля 1976 АН: предложение составить письмо в высшие инстанции.

12 апреля 1976: Письмо Медведева с отказом «Пикнику».

И так далее, в этом же духе. Кому это сегодня нужно и кто это сегодня станет читать?

Но если не об этом, то о чем же остается тогда писать? Как без этого суконно-скучного перечня и уныло-злобного комментария к нему рассказать историю публикации «Пикника» — историю в известном смысле даже загадочную. Ибо повесть эта, наверное, не лишена была каких-то недостатков, но ведь в то же время не лишена она была и очевидных достоинств: она была безусловно увлекательна, способна произвести на читателя достаточно сильное впечатление (вдохновила же она такого замечательного читателя, как Андрей Тарковский, на создание выдающегося фильма); и притом она безусловно не содержала в

себе НИКАКИХ нападок на существующий строй, а наоборот, вроде бы лежала в русле господствующей антибуржуазной идеологии... Так почему же тогда, по каким таким загадочным — мистическим? инфернальным? — причинам обречена она оказалась на прохождение через издательство в течение ВОСЬМИ с лишним лет!

***

Сначала издательство вообще не хотело заключать договор на сборник; потом заключило, но почему-то восстало против повести «Дело об убийстве»; затем вроде бы согласилось заменить «Дело об убийстве» на апробированную ранее повесть «Трудно быть богом», но зато решительно восстало против «Пикника»...

Даже вкратце невозможно здесь изложить историю этой борьбы — получается слишком длинно: как-никак восемь лет все-таки. Тут были и неожиданные отказы от собственных требований (вдруг ни с того ни с сего: долой «Трудно быть богом»!..), и пяти — или даже шестикратные перезаключения договора, и даже внезапные попытки вообще разорвать все и всяческие отношения (вплоть до суда!), но главное, и все время, и неуклонно, и неизменно, из года в год, из разговора в разговор, из письма в письмо: убрать из «Пикника» оживших покойников; изменить лексику Рэдрика Шухарта; вставить слово «советский», когда речь идет о Кирилле Панове; убрать мрачность, безысходность, грубость, жестокость...

Сохранился замечательный документ: постраничные замечания редакции по языку повести «Пикник на обочине». Замечания располагаются на восемнадцати (!) страницах и разбиты по разделам: «Замечания, связанные с аморальным поведением героев»; «Замечания, связанные с физическим насилием»; «Замечания по вульгаризмам и жаргонным выражениям».

Не могу позволить себе не привести оттуда несколько выдержек. Причем обратите внимание: я ни в коем случае не подбираю цитат, не ищу глупостей специально, я даю все подряд:

ЗАМЕЧАНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С АМОРАЛЬНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ ГЕРОЕВ

(всего 93 замечания, приводятся первые десять)

должен зад свой толстый задрать — с. 21

уж я на зубах пойду, не то что на руках — с. 21

да на карачках — с. 32

вытащил флягу, отвинтил крышечку и присосался, как клоп — с. 25

высосал флягу досуха — с. 35

одного последнего глотка, конечно, не хватило — с. 35

Напьюсь сегодня как зюзя. Ричарда бы ободрать, вот что! Надо же, стервец, как играет — с. 38

А мне выпить хочется — никакого терпежу нет — с. 42

С удовольствием бы опрокинул с тобой стаканчик в честь такого знакомства — с. 42

...не говоря лишнего слова, наливает мне на четыре пальца крепкого. Я взгромоздился на табурет, глотнул, зажмурился, головой помотал и опять глотнул — с. 43...

ЗАМЕЧАНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ФИЗИЧЕСКИМ НАСИЛИЕМ

(всего 36 замечаний, приводятся последние девять)

цапнул со стола тяжелую пивную кружку и с размаху хватил ею по ближайшей хохочущей пасти — с 179

Тогда Рэдрик пошарил в кармане, выбрал гайку граммов на двадцать и, прицелившись, запустил ему в голову. Гайка попала Артуру прямо в затылок. Парень ахнул, и т. д. — с. 182

А в следующий раз надаю по зубам — с. 182

лягнул Рэдрика свободной ногой в лицо, забился и задергался, и т.д. — с. 185

судорожно уминая грудью голову этого проклятого сопляка, не выдержал и заорал изо всех сил — с. 185

Теперь эта смазливая мордашка казалась черно-серой маской из смеси запекшейся крови и пепла, и т. д. — с. 185

Рэдрик бросил его лицом в самую большую лужу — с. 186

душу из гадов вынуть, пусть дряни пожрут, как я жрал — с. 202

он с размаху ударил себя полураскрытым кулаком по лицу — с. 202...

ЗАМЕЧАНИЯ ПО ВУЛЬГАРИЗМАМ И ЖАРГОННЫМ ВЫРАЖЕНИЯМ

(всего 251 замечание, приводится произвольный десяток из середины)

и вдруг принялся ругаться бессильно и злобно, черными, грязными словами, брызгая слюной... — с. 72

— Надевай зубы и пойдем — с. 72
Мясник выругался— с. 74
Сволочь ты... Стервятник— с. 74
гад — с. 76
жрать охота — сил нет! — с. 77
Мартышка безмятежно дрыхла — с. 77
грязен он был как черт — с. 78
Кой черт! — с. 82
бибикнул на какого-то африканца — с. 85...

Разумеется — сообщалось в сопроводительном письме редакции, — *мы выписали только те выражения и слова, которые, на наш взгляд, нуждаются либо в устранении, либо в замене. Эти замечания продиктованы прежде всего тем, что Ваша книга предназначена для молодежи и подростков, для комсомольцев, которые видят в советской литературе учебник нравственности, путеводитель по жизни.*

Помню, получивши в руки этот блистательный документ, я кинулся прямиком к своим стеллажам и радостно извлек на свет божий любимого нашего и непревзойденного Ярослава Гашека. С каким невероятным наслаждением я прочитал оттуда:

Жизнь — это не школа для обучения светским манерам. Каждый говорит как умеет. Церемониймейстер доктор Гут говорит совсем иначе, чем хозяин трактира «У чаши» Паливец. А наш роман не пособие для салонных шаркунов и не научная книга о том, какие выражения допустимы в благородном обществе...

Правильно было когда-то сказано, что человек, получивший здоровое воспитание, может читать все. Осуждать то, что естественно, могут лишь люди духовно бесстыдные, изощрённые похабники, которые, придерживаясь гнусной лжеморали, не смотрят на содержание, а с гневом набрасываются на отдельные слова. Несколько лет назад я читал рецензию на одну повесть. Критик выходил из себя по поводу того, что автор написал: «Он высморкался и вытер нос». Это, мол, идет вразрез со всем тем эстетическим и возвышенным, что должна давать народу литература. Это только один, притом не самый яркий пример того, какие ослы рождаются под луной...

Ах, как было бы сладостно процитировать все это господам из «Молодой гвардии»! И добавить кое-что от себя в том же самом духе. Но, увы, это было совершенно бессмысленно и, может быть, даже тактически неправильно. Кроме того, как стало нам ясно

много-много лет спустя, мы совершенно неправильно понимали мотивы и психологию всех этих людей.

Мы ведь искренне полагали тогда, что редакторы наши просто боятся начальства и не хотят подставляться, публикуя очередное сомнительное произведение в высшей степени сомнительных авторов. И мы все время, во всех письмах наших и заявлениях всячески проповедовали то, что казалось нам абсолютно очевидным: в повести нет ничего криминального, она вполне идеологически выдержана и безусловно в этом смысле неопасна. А что мир в ней изображен грубый, жестокий и бесперспективный, так он и должен быть таким — мир «загнивающего капитализма и торжествующей буржуазной идеологии».

Нам и в голову не приходило, что дело тут совсем не в идеологии. Они, эти образцово-показательные «ослы, рожденные под луной», НА САМОМ ДЕЛЕ ТАК ДУМАЛИ: что язык должен быть по возможности бесцветен, гладок, отлакирован и уж ни в коем случае не груб; что фантастика должка быть обязательно фантастична и уж во всяком случае не должна соприкасаться с грубой, зримой и жестокой реальностью; что читателя вообще надо оберегать от реальности — пусть он живет мечтами, грезами и красивыми бесплотными идеями... Герои произведения не должны «ходить» — они должны «выступать»; не «говорить» — но «произносить»; ни в коем случае не «орать» — а только лишь «восклицать»!.. Это была такая специфическая эстетика, вполне самодостаточное представление о литературе вообще и о фантастике в частности — такое специфическое мировоззрение, если угодно. Довольно распространенное, между прочим, и вполне безобидное, при условии только, что носитель этого мировоззрения не имеет возможности влиять на литературный процесс.

***

Письмо БН от 4 августа 1977:

С Медведевым поступлено так:

а). Сделано 53 стилистических поправки из списка «Вульгаризмов» — объяснено в письме, что это делается из уважения к требованиям ЦКмола;

б). Вставлено толкование покойников как киборгов для

исследования землян, а Шара — как некоего бионического устройства, улавливающего биотоки простых желаний — объяснено в письме, что это делается, дабы отвязаться;

в). Написано далее в письме, что прочие требования редакции (связанные с насилием и пр.) являются идеологической ошибкой, ибо приводят к лакировке кандействительности. Все отослано с уведомлением и, судя по уведомлению, получено в МолГв 26 июля с. г.

В жопу, в жопу...

Это был самый разгар битвы. Многое и многое еще было впереди: очередные пароксизмы редакционной бдительности, попытки вообще разорвать с авторами договор, жалобы наши и слезницы в ВААП, ЦК ВЛКСМ, ЦК КПСС... Сборник «Неназначенные встречи» вышел в свет осенью 1980 года, изуродованный, замордованный и жалкий. От первоначального варианта остался в нем только «Малыш» — «Дело об убийстве» потерялось на полях сражений еще лет пять тому назад, а «Пикник» был так заредактирован, что ни читать его, ни даже просто перелистывать авторам не хотелось.

Авторы победили. Это был один из редчайших случаев в истории советского книгоиздательства: Издательство не хотело выпускать книгу, но Автор заставил его сделать это. Знатоки считали, что такое попросту невозможно. Оказалось — возможно. Восемь лет. Четырнадцать писем в «большой» и «малый» ЦК. Двести унизительных исправлений текста. Не поддающееся никакому учету количество на пустяки растраченной нервной энергии... Да, авторы победили, ничего не скажешь. Но это была Пиррова победа. Сборник «Неназначенные встречи» мне противно в руки брать, не то что перечитывать.

Впрочем, «Пикник» был и остается по сей день популярнейшей из повестей АБС — во всяком случае, за рубежом. Пятьдесят пять изданий в двадцати двух странах (по данным на 2003 год), в том числе: в Болгарии (4 издания), ГДР (4), США (4), в Польше (3), в Чехословакии (3), Италии (2), Финляндии (2), ФРГ (2), Югославии (2) и т. д.

Рейтинг повести в России тоже достаточно высок, хотя и уступает, скажем, рейтингу «Понедельника». Повесть все еще продолжает жить и, может быть, даже доживет до своего пятидесятилетия.

ИЗ КРИТИКИ ТЕХ ЛЕТ

Мне кажется, что в «Пикнике» Стругацкие после нескольких неудач снова достигли уровня лучших страниц своей прозы. Правда, мне не кажутся такой уж находкой ожившие мертвецы, а главное — некоторые особенности речи героев.

Герои «Пикника» вдруг начинают выражаться языком «наших» стиляг или «блатных», что, конечно, нарушает цельность этого сложного и поучительного характера.

Газета «Литературное обозрение», 1973

ГЛАВА ШЕСТАЯ: 1972-1978

18
«ПАРЕНЬ ИЗ ПРЕИСПОДНЕЙ» (1973)

Начало семидесятых было для АБС временем лихорадочных попыток приспособиться к новым условиям существования. Начиналось новое, совсем пока еще непривычное время — время опалы, явно обозначившейся и уже несомненной, — то знаменательное десятилетие «тощих коров», на протяжении которого нам не удалось выпустить НИ ОДНОЙ новой книги — только парочка переизданий вышла у нас за все эти десять лет.

Издатели более не рисковали (и не хотели) иметь с нами дело. Новые повести удавалось, правда, время от времени печатать в журналах — ленинградская «Аврора» и московский журнал «Знание — сила» выручали как могли, но это было — всё, и жить на это было невозможно. Начались судорожные и беспорядочные попытки прорваться в кино, хотя бы в мультипликационное или даже научно-популярное, в театр, хотя бы и в кукольный, ну куда-нибудь.

Это — тема отдельного разговора, не слишком, впрочем, интересного, ибо практически все потуги наши окончились тогда ничем.

Неважно обстояли дела и с новыми сюжетами. После «Пикника» мы вчерне закончили «Град обреченный» и теперь мучились проблемой выбора. В марте 1973 года у нас было намечено пять сюжетов, разной степени готовности и привлекательности.

— «События на рифе Октопус». Еще один, третий, кажется, вариант «Кракена» — о гигантском древнем головоногом, умеющем вызывать у людей «снижение уровня мотивации поступков», когда человек становится способен убить своего ближайшего друга за неловкую шутку, показавшуюся обидной.

— «Рукопись, обнаруженная при странных обстоятельствах». Дневник человека, которого принимают за пришельца, хотя он всего-навсего талантливый фокусник-любитель. Он пишет в дневнике некий роман о мире, где установленная кем-то (и зачем-то) машина отлавливает и забрасывает в будущее произвольно выбранных людей — некая появляющаяся где попало и потом без следа исчезающая телефонная будка, глотающая абонентов телефонной сети. Герой пишет обо всем этом как о собственной судьбе.

— «Новосел». Комическая история про молодого рабочего,

только что справившего новоселье. Отделкой квартиры у него занимаются исключительно бывшие интеллигенты: циклевщик, грузчик, водопроводчик — сплошь кандидаты наук. «Все застревают в квартире: циклевщик защемил палец в паркете, грузчика заставили шкафами, водопроводчик хлебнул вместо спирта эликсиру и стал невидимым. И еще домовой. И строитель, замурованный в вентиляционной шахте. И приходит девица...» (Собственно, сюжета как такового нет — есть набор картинок, и не более того.)

— «Июль с пришельцем». История о пришельце, который со своим кораблем вперся в детскую нашего героя. Пришелец — законченный осел, ничего не знает, ничего не может и ничего не понимает. Совершенно жалкая личность, к тому же еще и запуганная до судорог своими властями. «Запах духов. Милиция (из-за соседней квартиры). Дворник. Соседи. Гости. Подозрения. Проблема питания. Мучения без всякой научной пользы». (Все это вполне неопределенно, опять же картинки, но никак не связная фабула.)

— «Мальчик из преисподней». Мальчик с другой планеты, «его спасают, когда он ранен; держат в интернате; он увлекает ребят на свою планету, и там — убийство».

***

В дневнике целая страница посвящена подробному математическому исследованию: какой из этих сюжетов более других подходит для немедленного взятия в работу. По десятибалльной системе определяются: степень разработанности сюжета; вероятность будущего опубликования; пригодность для «Детгиза»; желание этот сюжет писать; способность (готовность) писать; общественная потребность в данной повести, а также (по десятибалльной шкале) «повесть может получиться на... баллов». Затем определяется для каждого сюжета некое среднее взвешенное и получается в результате, что писать нам надобно в первую очередь «Июль с пришельцем» — вывод, в высшей степени озадачивающий и разочаровывающий.

На самом деле писать мы решили все-таки «Мальчика из преисподней», но далеко не сразу, а восемь месяцев спустя, в октябре 1973-го. Причем начиналась эта повесть как сценарий, который мы разрабатывали сначала для «Мосфильма», потом для Одесской киностудии. Разработали, написали (сценарий

назывался «Бойцовый кот возвращается в преисподню»), получили аванс и одобрительные отзывы, но в конце концов все оказалось напрасно: фильм запретили. (Говорилось что-то о пресловутом и надоевшем уже «экспорте революции», а тогдашний глава Госкино в разговоре с Тарковским соизволил даже предостеречь его: «Имейте в виду, что Стругацкие сложные люди... В детском сценарии „Бойцовый кот“ они протаскивают сионистскую идею о том, что все евреи должны вернуться к себе на родину и воевать за ее интересы».) Ну, запретили и запретили. И ладно. Ничуточки не жалко. Мне этот сценарий никогда не был по душе (как и подавляющее большинство наших сценариев), да и АН был от него не в восторге. Впрочем, время, на него потраченное, не пропало зря: повесть писалась легко и даже не без вдохновения, хотя нового в ней было для нас — чуть.

На протяжении многих лет главным возбуждающим к активности и вдохновляющим элементом в нашей работе было сознание того, что мы пишем каждый раз нечто ранее не писанное — если не по идее своей, то, значит, по форме, если не в мировом масштабе, то хотя бы в пространстве отечественной литературы или хотя бы в рамках личного писательского опыта. Это ощущение НОВИЗНЫ было для нас, может быть, главным движителем творческого процесса, без новизны не было азарта, без азарта само желание писать увядало, как цветочек без поливки.

В «Малыше» был новый образ — космический Маугли. В «Пикнике» — совершенно новая ситуация — человечество на обочине межзвездной трассы; кроме того, в «Пикнике» был Рэдрик Шухарт — герой для Стругацких невиданный и восхитительно незнакомый. В «Мальчике из преисподней» нового на самом деле не было для авторов ничего. Суть сюжета стопроцентно содержалась в давнем образе, порожденном воображением Руматы Эсторского: гадкий паук Вага Колесо, оказавшийся вдруг в мире Полудня. Сами по “себе приключения Гага, бойцового кота, не были да и не могли быть настолько увлекательны, чтобы стоило тратить на них время и «цветы своей селезенки»... Правда, небезынтересен был сам Гаг — порождение очень хорошо нам знакомого мира, фигура характерная и, если подумать, отнюдь не простая. Думать за Гага, вживаться в Гага, смотреть на Мир Полудня глазами Гага оказалось интересно в достаточной мере, чтобы получить от работы над (заказной, по сути) повестью известное удовлетворение. И название, к которому мы в конце концов естественным образом пришли — «Парень из преисподней», — так живо напоминало нам о знаменитом некогда фильме, что показалось нам удачным, уместным и

достаточно точным.

Много лет с тех пор прошло, много бумаги исписано, много миров придумано, а Гаг и до сих пор остается одним из любимых моих героев — загадочным человеком, о котором я до сих пор не способен сказать: хороший он или плохой. Среди друзей своих я никак не хотел бы его увидеть, но ведь и среди врагов — тоже!

19
«ЗА МИЛЛИАРД ЛЕТ ДО КОНЦА СВЕТА» (1974)

23 апреля 1973 года в нашем рабочем дневнике появляется запись:

Аркадий приехал писать заявку в «Аврору».
1. «Фауст, XX век». Ад и рай пытаются прекратить развитие науки.
2. «За миллиард лет до конца света» («до Страшного Суда»).
Диверсанты
Дьявол
Пришельцы.
Спруты Спиридоны
Союз 9-ти
Вселенная...

Далее следует заявка, в которой суть и сюжет будущей повести излагаются достаточно подробно и вполне узнаваемо. Редкий случай, когда «скелет» повести нам удалось построить фактически за один-единственный рабочий день.

Разработка продолжена была еще и во время майской встречи, мы даже начали писать черновик и написали десяток страниц, но потом вынуждены были прерваться — сначала для работы над сценарием «Бойцового кота...», а потом над повестью «Парень из преисподней». И только в июне 1974 года, переписав уже написанные десять страниц заново, мы взялись за «Миллиард...» основательно и закончили его вчистую в декабре.

Я уверен теперь, что задержка почти на год пошла этой повести только на пользу. Весной 1974 года БН оказывается вовлечен в так называемое «дело Хейфеца»[*]: он впервые лоб в лоб сталкивается с нашими доблестными «компетентными органами», к счастью, правда, только лишь в качестве свидетеля. Столкновение это (достаточно подробно описанное у С. Витицкого в «Поиске предназначения») оставило в душе БН впечатления неизгладимые и окрасило (по крайней мере, лично для него) всю атмосферу «Миллиарда...» совершенно специфическим образом и в совершенно специфические тона.

«Миллиард...» стал для БН (и разумеется — по закону сообщающихся сосудов, — и для АН тоже) повестью о мучительной и фактически бесперспективной борьбе человека за

сохранение, так сказать, «права первородства», борьбе против тупой, слепой, напористой силы, не знающей ни чести, ни благородства, ни милосердия, умеющей только одно — достигать поставленных целей. Любыми средствами, но зато всегда и без каких-либо осечек. И когда писали мы эту нашу повесть, то ясно видели перед собою совершенно реальный и жестокий прообраз выдуманного нами Гомеостатического Мироздания, и себя самих видели в подтексте, и старались быть реалистичны и беспощадны — и к себе, и ко всей этой придуманной нами ситуации, из которой выход был, как и в реальности, только один — через потерю, полную или частичную, уважения к самому себе. «А если у тебя хватит пороху быть самим собой, — писал Джон Апдайк, — то расплачиваться за тебя будут другие».

Замечательно, что подтекст этой повести, казалось бы тщательно замаскированный, все-таки неуправляемо выпирал наружу и настораживал начальство. Так, «Аврора», с нетерпением ждавшая эту нашу повесть, фактически заказавшая ее и даже заплатившая за нее аванс, несмотря на хорошие рецензии, несмотря на совершенную невозможность придраться к чему-то определенному, несмотря на изначально доброе к авторам отношение, — несмотря на все это, сразу же потребовала перенести действие в какую-нибудь капстрану («например, в США»), а когда авторы отказались, тут же повесть и отвергла — с сожалением, но решительно.

Повесть удалось опубликовать в журнале «Знание — сила», причем ценою сравнительно небольших переделок. Первой жертвой цензуры пал, разумеется, Лидочкин лифчик, объявленный ядовитой бомбой, заложенной авторами под народную нравственность... Но более всего, помнится, удивило нас решительное и совершенно бескомпромиссное требование убрать из текста предостерегающую телеграмму: «БОБКА МОЛЧИТ НАРУШАЕТ ГОМЕОПАТИЧЕСКОЕ МИРОЗДАНИЕ...». У кого именно из начальства и какие «неуправляемые ассоциации» вызвала эта телеграмма, так и осталось редакционной тайной.

Вообще-то начальство требовало сначала убрать Гомеостатическое Мироздание en grand, но нам с нашими друзьями-редакторами удалось отбиться сравнительно недорогой ценой: упразднив понятие «гомеостазис» (которому начальство придавало почему-то некое социально-мистическое значение) и введя понятие «сохранение структуры» (видимо, этого социально-мистического духа напрочь лишенное). Кроме того, пришлось поменять «следователя уголовного розыска» на «следователя прокуратуры». Или наоборот. Не помню. Какой-то из этих следователей решительно не устраивал надзирающие органы —

какой именно? почему? Одному богу это известно. Или, может быть, дьяволу — по-моему, это, скорее, его епархия.

Я подумал сейчас: а ведь ВСЕ действующие лица повести имеют своего прототипа. Редкий случай! Никто не придуман совсем уж из головы — разве что следователь Зыков, да и тот есть некое средневзвешенное из Порфирия Петровича (см. «Преступление и наказание») и того следователя ГБ, который вел дело Хейфеца. Может быть, именно поэтому «Миллиард...» числился у нас всегда среди любимейших повестей — это был как бы кусочек нашей жизни, очень конкретной, очень личной жизни, наполненной совершенно конкретными людьми и реальными событиями. Как известно, нет ничего более приятного, как вспоминать благополучно миновавшие нас неприятности.

20
«ГРАД ОБРЕЧЕННЫЙ»
(1974)

Впервые идея «Града...» возникла у нас еще в марте 1967 года, когда вовсю шла работа над «Сказкой о Тройке». Это было в Доме творчества в Голицыно, там мы регулярно по вечерам прогуливались перед сном по поселку, лениво обсуждая дела текущие, а равно и грядущие, и во время одной такой прогулки наткнулись на сюжет, который назвали тогда «Новый Апокалипсис» (о чем существует соответствующая запись в рабочем дневнике).

Очень трудно и даже, пожалуй, невозможно восстановить сейчас тот облик «Града...», который нарисовали мы себе тогда, в те отдаленные времена. Подозреваю, это было нечто весьма непохожее на окончательный мир Эксперимента. Достаточно сказать, что в наших письмах конца 1960-х встречается и другое черновое название того же романа — «Мой брат и я». Видимо, роман этот задумывался изначально в значительной степени как автобиографический.

Ни над каким другим нашим произведением (ни до ни после) не работали мы так долго и так тщательно. Года три накапливали — по крупицам — эпизоды, биографии героев, отдельные фразы и фразочки; выдумывали Город, странности его и законы его существования, по возможности достоверную космографию этого искусственного мира и его историю — это было воистину сладкое и увлекательное занятие, но все на свете имеет конец, и в июне 1969-го мы составили первый подробный план и приняли окончательное название — «Град обреченный» (именно «обречЕнный», а не «обречённый», как некоторые норовят произносить). Так называется известная картина Рериха, поразившая нас в свое время своей мрачной красотой и ощущением безнадежности, от нее исходившей.

Черновик романа был закончен в шесть заходов (общим счетом — около семидесяти полных рабочих дней), на протяжении двух с четвертью лет. 27 мая 1972-го поставили мы последнюю точку, с облегчением вздохнули и сунули непривычно толстую папку в шкаф. В архив. Надолго. Навсегда. Нам было совершенно ясно, что у романа нет никакой перспективы.

***

Нельзя сказать, чтобы мы питали какие-либо серьезные надежды и раньше, когда только начинали над ним работу. Уже в конце 1960-х, а тем более в начале 1970-х, ясно стало, что роман этот опубликовать не удастся — скорее всего, никогда. И уж во всяком случае — при нашей жизни. Однако в самом начале мы еще представляли себе развитие будущих событий достаточно оптимистично. Мы представляли себе, как, закончив рукопись, перепечатаем ее начисто и понесем (с самым невинным видом) по редакциям. По многим и по разным. Во всех этих редакциях нам, разумеется, откажут, но предварительно — обязательно прочтут. И не один человек прочтет в каждой из редакций, а, как это обыкновенно бывает, несколько. И снимут копии, как это обыкновенно бывает. И дадут почитать знакомым. И тогда роман начнет существовать. Как это уже бывало не раз — и с «Улиткой», и со «Сказкой», и с «Гадкими лебедями»... Это будет нелегальное, бесшумное и тайное, почти призрачное, но все-таки существование — взаимодействие литературного произведения с читателем, то самое взаимодействие, без которого не бывает ни литературного произведения, ни литературы вообще... Но к середине 1972-го даже этот скромный план выглядел уже совершенно нереализуемым и даже небезопасным. История замечательного романа-эпопеи Василия Гроссмана «Жизнь и судьба», рукопись которого прямо из редакции тогдашнего «Знамени» была переправлена в «органы» и там сгинула (после обысков и изъятий чудом сохранилась одна-единственная копия, еще немного — и роман вообще прекратил бы существование, словно его никогда и не было!), — история эта хорошо нам была известна и служила сумрачным предостережением. Наступило время, когда рукопись из дома выносить не рекомендовалось вообще. Ее даже знакомым давать сделалось опасно. И лучше всего было, пожалуй, вообще помалкивать о ее существовании — от греха подальше. Поэтому черновик мы прочли (вслух, у себя дома) только самым близким друзьям, а все прочие интересующиеся еще много лет оставались в уверенности, что «Стругацкие, да, пишут новый роман, давно уже пишут, но все никак не соберутся его закончить».

А после лета 1974-го, после «дела Хейфеца — Эткинда», после того, как хищный взор компетентных органов перестал блуждать по ближним окрестностям и уперся прямиком в одного из соавторов, положение сделалось еще более угрожающим. В Питере явно шилось очередное «ленинградское дело», так что

теоретически теперь к любому из «засвеченных» в любой момент могли ПРИЙТИ, и это означало бы (помимо всего прочего) конец роману, ибо пребывал он в одном-единственном экземпляре и лежал в шкафу, что называется, на самом виду.

Поэтому в конце 1974-го рукопись была БН срочно распечатана в трех экземплярах (заодно произведена была и необходимая чистовая правка), а потом два экземпляра с соблюдением всех мер предосторожности переданы были верным людям — одному москвичу и одному ленинградцу. Причем люди эти были подобраны таким образом, что, с одной стороны, были абсолютно и безукоризненно честны, вне малейших подозрений, а с другой — вроде бы и не числились среди самых ближайших наших друзей, так что в случае чего к ним, пожалуй, не должны были ПРИЙТИ.

Слава богу, все окончилось благополучно, ничего экстраординарного не произошло, но две эти копии так и пролежали в «спецхране» до самого конца 1980-х, когда удалось все-таки «Град...» опубликовать.

И даже сама первая публикация (в ленинградском журнале «Нева») прошла не просто, а сопровождалась какими-то нервными и судорожными действиями: роман был разбит на две книги, подразумевалось, что книга первая написана давно, а вот книга вторая закончена якобы только что; почему-то казалось, что это важно и помогает (каким-то не совсем понятным образом) забить баки ленинградскому обкому, который в те времена уже не сжимал более издательского горла, но по-прежнему когтистой лапой придерживал издателя за полу; «первую книгу» выпустили в конце 1988-го, а «вторую» — в начале 1989-го, даты написания в конце романа поставили какие-то несусветные...

Перестройка еще только разгоралась, времена наступали дьявольски многообещающие, но и какие-то неверные, колеблющиеся и нереальные, как свет лампады на ветру...

***

Сильно подозреваю, что современный читатель совершенно не способен понять, а тем более прочувствовать все эти страхи и предусмотрительные ухищрения. «В чем дело? — спросит он с законным недоумением. — По какому поводу весь этот сыр-бор? Что там такого-разстакого в этом вашем романе, что вы накрутили вокруг него весь этот политический детектив в духе

Фредерика Форсайта?» Признаюсь, мне очень непросто развеять такого рода недоумения. Времена изменились настолько, и настолько изменились представления о том, что в литературе можно, а что нельзя...

Вот, например, у нас в романе цитируется Александр Галич («Упекли пророка в республику Коми...»), цитируется, естественно, без всякой ссылки, но и в таком, замаскированном виде это было в те времена абсолютно непроходимо и даже попросту опасно. Это была бомба — под редактора, под главреда, под издательство. Вчуже страшно представить себе, что могли бы сделать с издателем власть имущие, проскочи такая цитатка в печать...

А чего стоит наш Изя Кацман — откровенный еврей, более того, еврей демонстративно вызывающий, один из главных героев, причем постоянно, как мальчишку, поучающий главного героя, русского, и даже не просто поучающий, а вдобавок еще регулярно побеждающий его во всех идеологических столкновениях?..

А сам главный герой, Андрей Воронин, комсомолец-ленинец-сталинец, правовернейший коммунист, борец за счастье простого народа — с такою легкостью и непринужденностью превращающийся в высокопоставленного чиновника, барина, лощеного и зажравшегося мелкого вождя, вершителя человечьих судеб?..

А то, как легко и естественно этот комсомолец-сталинец становится сначала добрым приятелем, а потом и боевым соратником отпетого нациста-гитлеровца? Как много обнаруживается общего в этих, казалось бы, идеологических антагонистах...

А крамольные рассуждения героев о возможной связи Эксперимента с проблемой построения коммунизма? А совершенно идеологически невыдержанная сцена с Великим Стратегом? А циничнейшие рассуждения героя о памятниках и о величии?.. А весь ДУХ романа, вся атмосфера его, пропитанная сомнениями, неверием, решительным нежеланием что-либо прославлять и провозглашать?

Сегодня никакого читателя и никакого издателя всеми этими сюжетами не удивишь и уж конечно не испугаешь, а тогда, двадцать пять лет назад, во время работы над романом, авторы повторяли друг другу, как заклинание: «Писать в стол надобно так, чтобы напечатать этого было нельзя, но и сажать чтобы тоже было вроде бы не за что».

При этом авторы понимали, разумеется, что посадить можно за что угодно и в любой момент, например, за неправильный

переход улицы, но рассчитывали все-таки на ситуацию «непредвзятого подхода» — когда приказ посадить еще не спущен сверху, а вызревает лишь, так сказать, внизу.

Главная задача романа не сначала, но постепенно сформировалась у нас таким примерно образом: показать, как под давлением жизненных обстоятельств кардинально меняется мировоззрение молодого человека, как переходит он с позиций твердокаменного фанатика в состояние человека, словно бы повисшего в безвоздушном идеологическом пространстве, без какой-либо опоры под ногами. Жизненный путь, близкий авторам и представлявшийся им не только драматическим, но и поучительным. Как-никак, а целое поколение прошло этим путем за время с 1940 по 1985 год.

«Как жить в условиях идеологического вакуума? Как и зачем?» Мне кажется, эти вопросы остаются актуальными и сегодня тоже — причина, по которой «Град...», несмотря на всю свою отчаянную политизированность и безусловную конъюнктурность, способен все-таки заинтересовать современного читателя — если его, читателя, вообще интересуют проблемы такого рода.

21
«ПОВЕСТЬ О ДРУЖБЕ И НЕДРУЖБЕ» (1977)

Начиналась она как сценарий «полнометражного телефильма-сказки для юношества». Сохранился черновик заявки, где карандашом, отвратительным почерком, но довольно подробно излагается сюжет будущей повести (которая еще и задумана-то не была).

Любопытно, что тогда же, в разгар работы над сюжетом, в дневнике появляется краткая зловещая запись: «25 июня 1974 Б. был в ГБ». Это, насколько я помню, был первый вызов БН в Большой дом по делу Хейфеца. Однако сколько-нибудь существенного влияния на разработку сюжета и на окончательный текст сказочки это мрачное обстоятельство в дальнейшем не оказало.

А впрочем, как знать... Недаром же один из рецензентов отметил: «Повесть написана усталым человеком...» Это было дьявольски обидно читать, но в то же время чувствовалась в такой оценке и некая — существенная! — доля прискорбной истины. Ведь и на самом деле никакого вдохновения по поводу нового своего сюжета авторы отнюдь не испытывали. Проходили годы — сюжет оставался втуне, работать с ним решительно не хотелось, и длилось это «пренебрежение достижимым» аж до самого конца 1977 года.

20 октября 1977 — БН:

Очень пора нам с тобой что-нибудь написать, а? А то все сценарии да музкомедии... Может, сказку напишем? Для «Костра». Про «дружбу и недружбу», помнишь? Я тут обдумывал этот вопрос — может получиться очень мило...

АН ответил десяток дней спустя (без всякого энтузиазма):

Насчет сказки для «Костра» — отчего ж... встретимся, поговорим. Кстати, мы с Ленкой намерены приехать в Ленинград 11 или 12 ноября (1977 года). Тогда все и согласуем.

Встретились. Согласовали. Решено было (чтобы серьезно не отвлекаться на эти мелкие пустяки) писать сказочку допотопным методом, по очереди: сначала весь текст пишет БН, потом исправляет АН, потом снова смотрит БН и так далее. Называлась

вся эта процедура в наших письмах «обязаловкой», и заняла она общим счетом около трех месяцев. Причем мы так и не нашли ни времени, ни желания «сесть рядком и поработать ладком». В результате получилось то, что получилось. Нелюбимый и нежеланный ребенок. Заморыш.

Издатель, видимо, это очень хорошо почувствовал. Рукопись последовательно отклонили: «Аврора» (как слишком детскую), «Пионерская правда» (после долгой возни, сокращений и редактуры — без объяснения причин) и, наконец, «Костер» («...Повесть написана усталым человеком... неулыбчива и предсказуема... энтропия сюжетных ходов невелика...» и т. д.). Так что впервые повесть вышла только в 1980 году, в альманахе «Мир приключений», и публикация эта долгое время оставалась единственной — пока не появилось первое собрание сочинений АБС, выпущенное издательством «Текст». По зарубежным изданиям она тоже «чемпион»: единственный перевод за двадцать пять лет (почему-то в Японии).

Ну и господь с ней, с этой сказочкой. Я за все прошедшие годы так в нее и не заглянул ни разу: не люблю ее перечитывать, точно так же, как «Страну багровых туч» или, скажем, какой-нибудь «Спонтанный рефлекс».

Есть такое понятие — «проходная повесть». Так обычно называют произведение, которое автором честно написано и даже опубликовано, но которое можно было бы и не писать вовсе — оно не есть ступенька вверх для автора и вообще не составляет никакого этапа на его пути. У АБС таких «проходных», слава богу, немного: «Малыш», «Парень из преисподней», самые последние рассказы начала 60-х, ну и, конечно, «Повесть о дружбе и недружбе». Вполне могли бы мы ее не писать совсем. А если уж написали — печатать под псевдонимом, чтобы не портила нам творческой статистики.

Однако слово из песни не выкинешь. Был, был у нас этот сбой — лишнее доказательство фундаментальной теоремы сочинительства: «То, что не интересно писателю, не может быть по-настоящему интересно и читателю тоже».

КИНОСЦЕНАРИИ

За добрые тридцать лет АБС написали огромное количество сценариев и вариантов сценариев.

Некоторые из сохранившихся представляются мне (и представлялись в свое время обоим авторам) неудачными — например, сценарий по «Жуку в муравейнике», опубликованный в свое время в журнале «Уральский следопыт».

Некоторые — безвозвратно утеряны: такие, скажем, как самый первый из наших киносценариев, писанный по роману «Страна багровых туч» еще в начале 60-х, или сценарий «Бойцовый кот возвращается в преисподнюю», который мы делали для Одесской киностудии. Он был зарублен Госкино по стандартному обвинению в «экспорте революции» и именно из него впоследствии произросла повесть «Парень из преисподней».

Обоих вышеназванных сценариев, впрочем, ни чуточки не жалко. А вот самый первый сценарий по «Трудно быть богом» — жалко. У него своя, со специфическими хитросплетениями и неожиданными поворотами история, его несколько раз начинали и бросали, были моменты, когда дело было, казалось, совсем уже на мази: еще немножечко, еще чуть-чуть — и фильм начнут снимать, но каждый раз возникало какое-нибудь препятствие (иногда вполне исторических масштабов вроде вторжения в Чехословакию в 1968-м), и все надежды рушились, и все вновь откладывалось до морковкина заговенья.

Сценарий добрых два года влачился по всем Ленфильмовским инстанциям (от редсовета к худсовету), не пропуская ни единой. В обсуждениях его принимало участие множество людей, причем не только редакторы и кинокритики, «широко известные в узких кругах», но и литераторы знаменитые — Вера Федоровна Панова (выступавшая «против» с резкостью и жесткостью, меня, помнится, поразившими) и Александр Моисеевич Володин, заступавшийся за сценарий решительно, блестяще и неизменно.

В результате этих редакционных перипетий все без исключения экземпляры (очень, на мой взгляд, недурного) сценария, который писался вместе с Алексеем Германом и специально для Алексея Германа, пропали безвозвратно.

***

Безвозвратно утрачены практически все варианты сценария фильма «Сталкер». Мы начали сотрудничать с Тарковским в середине 1975 года и сразу же определили для себя круг обязанностей — свое, так сказать, место в этой многомесячной работе.

«Нам посчастливилось работать с гением, — сказали мы тогда друг другу. — Это значит, что нам следует приложить все свои силы и способности к тому, чтобы создать сценарий, который бы по возможности исчерпывающе нашего гения бы удовлетворил».

Я уже рассказывал и писал раньше, что работать над сценарием «Сталкера» было невероятно трудно. Главная трудность заключалась в том, что Тарковский, будучи кинорежиссером да еще и гениальным кинорежиссером вдобавок, видел реальный мир иначе, чем мы, строил свой воображаемый мир будущего фильма иначе, чем мы, и передать нам это свое, сугубо индивидуальное видение он, как правило, не мог. Такие вещи не поддаются вербальной обработке, не придуманы еще слова для этого, да и невозможно, видимо, такие слова придумать, а может быть, придумывать их и не нужно.

В конце концов, слова — это литература, это высоко символизированная действительность, совсем особая система ассоциаций, воздействие на совсем иные органы чувств, наконец, в то время как кино — это живопись, это музыка, это совершенно реальный, я бы даже сказал — беспощадно реальный мир, элементарной единицей которого является не слово, а звучащий образ...

Впрочем, все это теория и философия, а на практике работа превращалась в бесконечные, изматывающие, приводящие иногда в бессильное отчаяние дискуссии, во время коих режиссер, мучаясь, пытался объяснить, что же ему нужно от писателей, а писатели в муках пытались разобраться в этой мешанине жестов, слов, идей, образов и сформулировать для себя наконец, как же именно (обыкновенными русскими буквами, на чистом листе обыкновеннейшей бумаги) выразить то необыкновенное, единственно необходимое, совершенно непередаваемое, что стремится им, писателям, втолковать режиссер.

В такой ситуации возможен только один метод работы — метод проб и ошибок. Дискуссия... разработка примерного плана сценария... текст... обсуждение текста... новая дискуссия... новый план... новый вариант — и опять не то... и опять непонятно, что же надо... и опять невозможно выразить словами, что же именно должно быть написано СЛОВАМИ в очередном варианте

сценария...

К сожалению, не вели мы тогда никаких протоколов наших бесед, и ничего от них не осталось ни в памяти, ни на бумаге, кроме нескольких строчек типа: «19.12.75 Тарковский. Человек = инстинкт + разум. Есть еще что-то: душа, дух (мораль, нравственность). Истинно великое может быть бессмысленным и нелепым — Христос».

Совершенно не помню, в каком контексте шла речь об этих существеннейших проблемах и почему мы именно об этом тогда говорили...

Всего получилось не то семь, не то восемь, не то даже девять вариантов. Почти все они утрачены. Самый последний мы написали в приступе совершеннейшего отчаяния, после того как Тарковский решительно и окончательно заявил: «Все. С таким Сталкером я больше кино снимать не буду».

Это произошло летом 1977-го. Тарковский только что закончил съемки первого варианта фильма, где Кайдановский играл крутого парня Алана (бывшего Рэдрика Шухарта), фильм при проявлении запороли, и Тарковский решил воспользоваться этим печальным обстоятельством, чтобы начать все сызнова.

АН был там с ним, на съемках в Эстонии. И вот он вдруг, без всякого предупреждения, примчался в Ленинград и объявил: «Тарковский требует другого Сталкера». — «Какого?» — «Не знаю. И он не знает. Другого. Не такого, как этот». — «Но какого именно, трам-тарарам?!» — «Не знаю, трам-трам-трам-и-тарарам!!! ДРУ-ГО-ГО!»

Это был час отчаяния. День отчаяния. Два дня отчаяния. На третий день мы придумали Сталкера-юродивого. Тарковский остался доволен, фильм был переснят. Этот сценарий мы за два дня переписали и АН помчался обратно в Таллин.

***

Вообще говоря, история написания киносценария есть, как правило, история жесткого взаимодействия сценариста с режиссером. История беспощадной борьбы мнений и представлений, зачастую несовместимых.

Сценарист, как мне кажется, обязан в этом столкновении творческих подходов всегда идти на уступки, ибо кинофильм — это вотчина именно режиссера, его детище, его территория, где сценарист есть хоть и творческий, но лишь наемный работник.

На протяжении тридцати лет нам приходилось иметь дело с самыми разнообразными типами, вариациями и разновидностями кинорежиссеров.

Самый среди них распространенный вид — бурнокипящий, говорливый, абсолютно уверенный в себе энтузиаст. Он стремителен. Он, как гром с ясного неба, возникает вдруг из небытия, обрушивает на автора ворох соблазнительнейших предложений и остроумных (льстящих авторскому воображению!) идей, и так же стремительно, подобно молнии, исчезает опять в своем небытие — навсегда и без всякого следа. Таких у нас было множество.

Если бы все их проекты реализовались, АБС были бы богаты и знамениты, не в пример своему нынешнему положению. Они были бы, наверное, самыми знаменитыми киноавторами в мире — куда там Федору Михайловичу Достоевскому или даже самому Стивену Кингу!

Если же говорить о серьезных режиссерах, то они все были очень не похожи друг на друга. Они были такие же разные, как и их фильмы.

Андрей Тарковский был с нами жёсток, бескомпромиссен и дьявольски неуступчив. Все наши робкие попытки творческого бунта подавлялись без всякой пощады и неукоснительно. Лишь однажды, кажется, удалось нам переубедить его: он согласился убрать из сценария и из фильма «петлю времени», которую мы сами же для него и придумали — монотонно повторяющийся раз за разом проход погибшей некогда в Зоне бронеколонны через полуразрушенный мостик.

Этот прием почему-то страшно его увлекал, он держался за него до последнего, и только соединенными усилиями нам удалось убедить его в том, что это банально, общеизвестно и тысячу раз «было». Он согласился наконец, да и то, по-моему, только оттого, что ему пришлась по душе наша общая идея: в Зоне должно быть как можно меньше «фантастики» — непрерывное ожидание чего-то сверхъестественного, максимальное напряжение, вызываемое этим ожиданием, и — ничего. Зелень, ветер, вода...

Александр Сокуров, снявший замечательный фильм «День затмения», был, напротив, мягок, уступчив, готов к компромиссам, его совсем нетрудно было убедить и переубедить.

Сценарий проходил по начальственным инстанциям долго, трудно, даже мучительно, идиотские вопросы и рекомендации сыпались градом: «Какие именно работы ведут ученые? Почему сверхцивилизация агрессивна? Убрать бытовые сцены и карлика!!!»

Авторы (теперь уже опытные, битые, многажды пытанные), скрипя зубами, соглашались переделывать целые сцены и переделывали их — режиссер оставался спокоен и тих. Просто он ТОЧНО знал, что там будет в конце концов и на самом деле — в его кино, в объективе камеры, на пленке, на экране. И когда настал момент, он предложил свой, выношенный и любимый вариант (сделанный для него Юрием Арабовым) и именно по этому сценарию и отснял фильм — фильм значительный, мощный, превосходный в своем роде, но очень далекий и от исходной повести («За миллиард лет до конца света»), и от последнего варианта авторского сценария.

***

Мне приходилось работать с Григорием Кромановым («Отель „У Погибшего Альпиниста“») — это был тоже человек скорее мягкий, но в то же время отнюдь не уступчивый. У него явно была своя позиция, свой образ снимаемого кино, и фильм в результате получился неплохой — особенно для тех лет.

Жалко только, что не удалось нам убедить его отказаться от финальной «дьявольской гонки» роботов-андроидов на лыжах — нам казалось, что это невозможно снять сколько-нибудь достоверно, и так оно, к сожалению, и вышло.

Безусловно интересно было работать с Константином Лопушанским. Но я знаю его главным образом по работе с фильмом «Письма мертвого человека», сценарий которого на девяносто процентов написал Вячеслав Рыбаков, а БН был там скорее на подхвате — «для придания весу».

Прекрасно помню несколько последних авральных дней, когда до окончания всех сроков остается всего ничего, киноматериал уже отснят, но еще не смонтирован, и совершенно непонятно, как его монтировать, начальство стоит на рогах, требуя, чтобы фильм был антивоенным и «антиядерным», но чтобы в то же самое время ядерной катастрофы и духу в нем не было. И вот мы втроем — Лопушанский, Ролан Антонович Быков и БН — трое суток подряд, по четырнадцать часов в сутки, сидим, запершись, в номере Быкова в ленинградской «Астории», и думаем, и сочиняем, и мучаемся в поисках хитрого и одновременно простого хода, чтобы вырулить из тупика...

Толку, впрочем, от этого мозгового штурма оказалось чуть: понадобился еще один мозговой штурм — с участием Арановича

и Германа, — чтобы довести материал до ума. А когда много лет спустя АБС написали сценарий «Туча» специально по заказу Лопушанского, дело не пошло — сценарий оказался «не тот», а как сделать, чтобы он стал «тот», ни авторы, ни режиссер так и не сумели придумать.

Аналогичная история произошла со сценарием «Пять ложек эликсира». Мы писали его (год спустя после «Хромой судьбы» и на материале «Хромой судьбы») специально для хорошего знакомого АН — белорусского режиссера Бориса (кажется) Ивченко. Я уже толком не помню, что там, собственно, случилось — то ли Минская киностудия «Беларусь» заартачилась, то ли режиссеру сценарий не показался, но в результате фильм под странным названием «Искушение Б.» был снят лишь несколько лет спустя совсем другим режиссером и на совершенно другой киностудии.

Неплохой, между прочим, оказался фильм. Отличные актеры. Точная режиссура... Крепкая «четверка», на мой взгляд, что, согласитесь, немало. Как говаривала наша мама, старая учительница: «Четверка — хорошая отметка. Ее надо заслужить».

***

А вот с Константином Бромбергом (фильм «Чародеи») мне работать не пришлось совсем, я с ним лишь едва знаком.

Первый вариант сценария по «Понедельнику...» был написан очень давно, и писался он для студии Довженко в Киеве. Неплохой был сценарий, и сначала он пошел было в студии «на ура», но потом там образовалось, как водится, новое начальство и объявило его издевательством и клеветой на советскую науку, чем дело в те времена (начало 70-х) и закончилось.

Фильм «Чародеи» задумывался режиссером как мюзикл. Песенки для него писал наш любимый Юлий Ким. Я так и не понял, почему эти песенки не попали в фильм. Мюзикл получился недурной. Сначала он мне, признаться, не понравился совсем, но, посмотревши его пару раз, я к нему попривык и теперь вспоминаю его без отвращения.

Кроме того, невозможно не учитывать того простого, но весьма существенного обстоятельства, что на протяжении множества лет этот мюзикл РЕГУЛЯРНО и ЕЖЕГОДНО идет по ТВ под Новый год.

Значит, нравится. Значит, народ его любит. Значит — есть за что...

***

Я прикинул сейчас: за тридцать лет АБС написали в общей сложности десять полнометражных сценариев. Плюс добрую дюжину короткометражек и мультяшек. Плюс еще одну дюжину (насколько мне известно) полнометражных сценариев написали с нашего ведома и одобрения всевозможные сценаристы-доброхоты, среди которых были и любители, и матерые профессионалы.

А реализовалось из всего этого многообразия потенциальных возможностей восемь фильмов. Пять сняты были у нас и три за границей. Не густо.

Правда, история пока еще не прекратила течение свое — регулярно на моем горизонте продолжают возникать (для того, чтобы тут же исчезнуть) энергичные энтузиасты со своими ультрарадикальными предложениями, а раз в два года удается даже продать какие-нибудь права на очередную экранизацию.

Я наблюдаю за всеми этими перипетиями, разумеется, не без интереса, но ничего особенного от них более не жду. Вероятность появления действительно хорошего кинофильма — невелика.

А времена самой интересной (с Алексеем Германом) и самой плодотворной (с Андреем Тарковским) работы уже миновали, и, думается мне, навсегда.

С. ЯРОСЛАВЦЕВ, ИЛИ КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ОДНОГО ПСЕВДОНИМА

Почему, собственно, «С. Ярославцев»? Не помню. Понятно, почему «С»: все наши псевдонимы начинались с этой буквы — С. Бережков, С. Витин, С. Победин... Но вот откуда взялся «Ярославцев»? Совершенно не помню.

В нашей замечательной стране, где бухгалтерия не выдаст автору ни единого рубля из его гонорара без предъявления самых исчерпывающих сведений о паспорте, месте жительства и о количестве детей, — в этой удивительной стране нашей сохранить тайну псевдонима, казалось бы, совершенно невозможно. И тем не менее следует признать, что «загадка С. Ярославцева» выдержала испытание временем более чем удовлетворительно.

Разумеется, тысячи читателей почти догадывались who is who, сотни были весьма близки к правильному ответу, но только, может быть, десятки знали этот ответ точно. Лично мне приходилось встречаться с четырьмя основными гипотезами по поводу персоны С. Ярославцева:

1. С. Ярославцев — это А. и Б. Стругацкие, пытающиеся таким вот образом, с помощью псевдонима, продраться сквозь цензурно-редакторские рогатки;

2. С. Ярославцев — это А. Стругацкий без какого-либо участия Б. Стругацкого;

3. С. Ярославцев — это Б. Стругацкий без какого-либо участия А. Стругацкого;

4. С. Ярославцев — это некий молодой начинающий писатель Имярек, рукописи которого А. и Б. Стругацкие (из чистого альтруизма, во имя Литературы, Святой и Великой) «причесывают, доводят до кондиции, а затем — проталкивают в печать».

Помнится, мне доставляло известное удовольствие с непроницаемым лицом выслушивать такого рода версии, а потом отвечать в манере Рэдрика Шухарта: «Комментариев не имею...» Это было забавно. Это была такая забавная игра.

Но в том, как эта игра начиналась, не было абсолютно ничего забавного. Все три произведения С. Ярославцева («Экспедиция в преисподнюю», «Подробности жизни Никиты Воронцова» и «Дьявол среди людей») были задуманы и разработаны в исключительно неблагоприятное и тяжелое для АБС время — в интервале 1972-1975 годов, — когда период Уклончивого

Поведения Издательств только еще начинался, новые договоры не заключались, а те, что были заключены раньше, не исполнялись, перспективы и горизонты решительно затянуло туманом, и вопрос «Как жить дальше и зачем?» встал перед нами во всей своей неприглядной определенности.

В январе 1972 года мы начали писать сценарий мультфильма под названием «Погоня в Космосе». Сценарий этот сначала очень понравился режиссеру Хитруку, через некоторое время — режиссеру Котеночкину, но потом на него пала начальственная резолюция (в том смысле, что такие мультфильмы советскому народу не нужны), и он перестал нравиться кому бы то ни было. И вот тогда АН взял сценарий и превратил его в сказку. Так появился С. Ярославцев — девяносто процентов А. Стругацкого и десять процентов А. и Б., вместе взятых.

Примерно в то же время мы придумали сюжет про человека, сознание которого крутилось по замкнутому кольцу времени. В этом сюжете изначально было много любопытных позиций: тщетные попытки героя вмешаться в историю... предупредить генералиссимуса насчет войны... Жданова — насчет блокады... ну хотя бы родного отца — насчет ареста! Идея неслучайности, предопределенности, неизбежности истории мучила нас, раздражала и вдохновляла. Сохранилась запись в дневнике, относящаяся ко второй половине 1979 года:

Человек, проживший много жизней. Давно понял, что историю изменить нельзя. Сейчас находится в стадии активного альтруизма — спасает отдельных хороших людей. Но ничего в людях не понимает и спасает подонков и ничтожеств...

Ничего подобного напечатать в те времена, разумеется, было нельзя, и тогда АН взял этот сюжет и написал все, что только и можно было в те времена написать, — историю Никиты Воронцова. И это было — второе произведение С. Ярославцева.

23 января 1975 года в нашем рабочем дневнике появляется запись: «Человек, которого было опасно обижать», и на другой день: «Имя ему — Кимм». Первый сюжет был разработан тогда же, причем достаточно подробно — хоть садись да пиши. Кроме Кимма, который обладал загадочной способностью помимо воли своей наносить ущерб людям, вознамерившимся нанести ущерб ему самому, были там у нас: гангстер Шевтц (наемный убийца), некий сенатор, ученый генерал из ВПК («генерал-чума»), священник, культурист-мазохист... Действие, вполне бурное и исполненное захватывающих приключений, должно было протекать в курортном городе некоей маленькой страны — не то

Греции, не то Мальты... Сейчас я уже не помню, почему мы тогда решили писать не эту повесть, а сценарий по «Понедельнику...». А уже в мае перед нами предстал вдруг Андрей Тарковский с идеей будущего «Сталкера», и мы отвлеклись от нашего Кимма надолго — но не навсегда.

В дневниках отдельные упоминания этой темы, идейки и предложеньица «по поводу», фразы, замечания, наметки встречаются неоднократно. Например:

Не сделать ли для «Хромой судьбы» специальную главу «Охота на василиска» — погоня за человеком, которого было опасно обижать? (Самое начало 1984-го.)

А в самом начале 1986-го:

Василиск — человек, который страшно мстит обидчику, сам того не желая, инстинктивно, зачастую не зная об этом. Представить себе мир, где василиски редки, но обычны (как, скажем, мастера спорта или доктора наук)...

В «Отягощенных злом» мы даже в какой-то мере реализуем образ такого василиска-громобоя, но все это — лишь скольжение по поверхности. До настоящего дела руки у нас все еще не доходят.

Основательно мы возвращаемся к этому сюжету снова лишь в мае 1990 года. В дневнике записано: «Обсуждали Несчастного Мстителя». И дальше: «Нужна биография Несчастного Мстителя с родословной, подробно. История, как человек обнаруживает в себе дьявола». Теперь нашего героя звали Ким Волошин, и главные события повести должны теперь были разворачиваться сегодня, сейчас, и у нас в стране. Никаких Греции, никаких Мальт, никаких сенаторов — заштатный российский городок, обком-райком, милиция, УКГБ... И должно было это все называться теперь «Бич божий» — мы не знали тогда, что произведение с таким названием уже существует.

Мы обсуждали новый сюжет на протяжении всего 1990 года. Будь на то моя только воля, мы обсуждали бы его и дальше — мне казалось, что времени впереди еще навалом, куда спешить?.. АН думал иначе. Может быть, он что-то предчувствовал. Может быть, догадывался. Может быть, знал. Здоровье его уже заметно пошатнулось тогда, но он перемогся и заставил себя работать — сел и к началу лета 1991 года закончил последнее произведение С. Ярославцева — «Дьявол среди людей». Третье и последнее.

Вот, по сути, и вся история этого псевдонима — короткая

история длиною в двадцать без малого лет.

Vita brevis, ars longa

ИЗ КРИТИКИ ТЕХ ЛЕТ

«Парень из преисподней» — это повесть не только о будущем, но и о настоящем, ведь и сегодня избивают заключенных в чилийских тюрьмах!

«Литературная газета», 1975

Одна из основных задач современной детской литературы — показать процесс становления личности подростка, постижения им сложности мира. В этом направлении развивается творчество А. и Б. Стругацких...

Альманах «Детская литература», 1983

ГЛАВА СЕДЬМАЯ: 1979-1986

22
«ЖУК В МУРАВЕЙНИКЕ» (1979)

Все началось с того, что давным-давно, в совсем уж незапамятные времена, малолетний сынишка БН неожиданно для себя и для окружающих сочинил вдруг песенку-считалку:

Стояли звери
Около двери,
В них стреляли,
Они умирали.

Выкрикивая на разные лады эти странноватые и диковатые, недетские какие-то стишки, носился он по квартире, а БН смотрел на него и думал: «Черт побери, какие замечательные слова! Надо же как ловко придумал, паршивец. Отличный эпиграф может получиться к чему-нибудь!..» И воображению его рисовались какие-то смутные картинки... какие-то страшные и несчастные чудовища... трагически одинокие и никому не нужные... уродливые, страждущие, ищущие человеческой приязни и помощи, но получающие вместо всего этого пулю от перепуганных, ничего не понимающих людей...

Смутные эти ощущения удалось передать и АН, состоялся довольно бессвязный, но тем не менее плодотворный обмен эмоциями и картинками, и возник некий замысел, пока еще совершенно неопределенный и никак не формулируемый, ясно было только, что повесть должна называться «Стояли звери около двери» и эпиграфом у нее будет «стишок маленького мальчика», — в первый и последний раз у АБС замысел нового произведения возник из будущего эпиграфа к нему (или из названия, что в данном случае одно и то же).

В сентябре 1975 года появляются первые наметки будущей повести. Там есть уже и саркофаг с двенадцатью зародышами, и гипотезы, объясняющие этот саркофаг, и Лев, двадцати лет, ученик-прогрессор, и Максим Каммерер — начальник контрразведки Опекунского совета, и еще множество обстоятельств, ситуаций и героев, вполне годящихся к употреблению. Сюжета, впрочем, пока нет, и совершенно неясно, каким именно образом должно развиваться действие.

Обсуждение «Стояли звери около двери» продолжается и в

октябре, и в декабре, а потом планы резко меняются — мы начинаем писать сценарий для Тарковского, — и в работе над новой повестью наступает длительный перерыв.

На протяжении 1976-го мы несколько раз возвращаемся к этой повести, продолжаем придумывать детали и эпизоды, новых героев, отдельные фразы, но не более того. Сюжет не складывается. Мы никак не найдем тот стержень, на который можно было бы нанизать уже придуманное, как шашлык нанизывают на шампур. Поэтому, вместо настоящей работы, мы конструируем (причем во всех подробностях) сюжет фантастического детектива, действие которого развивается на некоем острове в океане: масса трагических событий, тайны, загадки, многочисленные умертвия, в финале все действующие лица гибнут до последнего человека. Подробнейшее расписание эпизодов, все готово для работы, осталось только сесть и писать, но авторы вместо того (а это уже ноябрь 1976-го) вдруг принимаются разрабатывать совсем новый сюжет, которого раньше и в замысле не было.

Это история нашего старого приятеля Максима, который со своим дружком голованом Щекном идет по мертвому городу несчастной планеты Надежда. Бедные «Звери...», казалось бы, заброшены и забыты окончательно и навсегда. В феврале 1977-го мы начинаем и единым духом (в один присест) заканчиваем черновик повести о Максиме и Щекне и тут же обнаруживаем, что у нас получилось нечто странное — нечто без начала и конца, и даже без названия. Исполненные недоумений и недовольства собою, мы откладываем в сторону эту нежданную и нежеланную рукопись и возвращаемся к работе над сценариями.

Забавно: тогда нам казалось, что мы ловко придумали «бешенство генных структур на Надежде», странную и страшную болезнь, когда ребенок за три года превращается в старика, — нам казалось это эффектной и оригинальной выдумкой. И только много лет спустя узнали мы о хорошо известном современной науке эффекте преждевременной старости — прогерии — и о том, что сконструированные нами фантастические явления описаны еще в начале XX века под названием синдром Вернера. Воистину, ничего нельзя придумать: все, что тобою придумано, либо существовало уже когда-то, либо будет существовать, либо существует сегодня, сейчас, но тебе неизвестно.

***

То было время (почти весь 1977 и почти весь 1978 годы), когда мы отделывали, доводили до ума и шлифовали сразу три сценария: по «Понедельнику...», по «Отелю...» и по «Трудно быть богом» (очередной бесперспективный вариант для очередного малоперспективного режиссера). Все остальные дела были заброшены, и только в ноябре 1978 года возвращаемся мы к нашим «Зверям» и, что характерно, сразу же начинаем писать черновик — видимо, количество перешло у нас наконец в качество, нам сделалось ясно, как строится сюжет (погоня за неуловимым Львом Абалкиным) и куда пристроить уже написанный кусок со Щекном на планете Надежда.

Черновик мы закончили 7 марта 1979 года, решительно преодолев два возникших к концу этой работы препятствия. Во-первых, мы довольно долго не могли выбрать финал. Вариант гибели Льва Абалкина был трагичен, эффектен, но достаточно очевиден и даже банален. Вариант, когда Максиму удается-таки спасти Абалкина от смерти, имел свои достоинства, но и свои недостатки тоже, и мы колебались, не в силах сделать окончательный выбор, все время, по ходу работы перестраивая сюжет таким образом, чтобы можно было в любой момент использовать ту или иную концовку. Когда все возможности маневрирования оказались исчерпаны, мы вспомнили Ильфа и Петрова. Были заготовлены два клочка бумаги, на одном написано было, как сейчас помню, «живой», на другом — «нет». Клочки брошены были в шапку АН, и мама наша твердой рукою извлекла «нет». Судьба концовки и Льва Абалкина оказалась решена.

***

Дьявольские, однако, шутки играет с нами наша память. Предыдущий абзац я написал, будучи АБСОЛЮТНО уверен, что так оно все и было.

И вот месяц спустя, просматривая рабочий дневник, я обнаружил вдруг запись, датированную 29 октября 1979 года, из коей следует, что жребий, да, имел место, но решал он отнюдь не вопрос, будет ли концовка трагической — «со стрельбой» — или мирной. Совсем другую он проблему разрешал: как скоро Лев Абалкин узнаёт всю правду о себе. Рассматривалось три варианта:

1. Лев ничего не знает и ничего не узнаёт.
2. Лев ничего не знает, затем постепенно узнаёт.
3. Лев знает с самого начала. Мама выбрала (3) со стрельбой.

Вот тебе и на! Но ведь на самом-то деле АБС фактически писали вариант 2! Правда, «со стрельбой». И на том спасибо. Ведь даже и месяц спустя в дневнике мы пишем: «Может быть, кончить не смертью, а подготовкой к ней? Странник провожает его взглядом».

Не-ет, всегда, с незапамятных времен, сомневался я как в достоверности истории вообще, так любых мемуаров в частности — и правильно, надо думать, сомневался... Оставляю, впрочем, предыдущий абзац без каких-либо изменений. Пусть вдумчивый читатель получит в свое распоряжение образец мемуарного «прокола». Может быть, это поможет ему оценить меру достоверности всего текста в целом.

***

Теперь о другом препятствии, гораздо более серьезном. Мы прекрасно понимали, что у нас получается нечто вроде детектива — история расследования, поиска и поимки. Однако детектив обладает своими законами существования, в частности, в детективе не должны оставаться какие-либо необъясненности, и никакие сюжетные нити не имеют права провисать или быть оборваны. У нас же таких оборванных нитей оказалось полным-полно, их надобно было специальным образом связывать, а нам этого не хотелось делать самым решительным образом. Застарелая нелюбовь АБС к каким-либо объяснениям и растолкованиям текста вспыхнула по окончании повести с особенной силой.

— Что произошло между Тристаном и Абалкиным там, на Саракше, иначе говоря, что именно послужило толчком всем дальнейшим событиям?

— Зачем ему понадобилось общаться с таким множеством народу: с доктором Гоаннеком, Майкой, Учителем, Щекном?

— Зачем в конце повести он идет в Музей Внеземных культур и что, собственно, произошло там, в Музее?

И наконец, самый фундаментальный вопрос:

— Почему он, Абалкин (если он, конечно, не есть в самом деле автомат Странников, а по замыслу авторов он, конечно, никакой не автомат, а несчастный человек с изуродованной судьбой), почему не пошел он с самого начала к своим начальникам и не выяснил по-доброму, по-хорошему всех обстоятельств своего дела? Зачем понадобилось ему метаться по планете, выскакивать из-за угла, снова исчезать и снова внезапно появляться в самых неожиданных местах и перед самыми неожиданными людьми?

Во всяком добропорядочном детективе все эти вопросы, разумеется, должно было бы подробно и тщательно разложить по полочкам и полностью разъяснить. Но мы-то писали не детектив. Мы писали трагическую историю о том, что даже в самом светлом, самом добром и самом справедливом мире появление тайной полиции (любого вида, типа, жанра) неизбежно приводит к тому, что страдают и умирают ни в чем не повинные люди. Какими бы благородными ни были цели этой тайной полиции и какими бы честными, порядочнейшими и благородными сотрудниками ни была эта полиция укомплектована. И в рамках таким вот образом поставленной литературной задачи заниматься объяснениями необъясненных сюжетных второстепенностей авторам было и тошно, и нудно.

Сначала мы планировали написать специальный эпилог, где и будут поставлены все точки над нужными буквами, все будет объяснено, растолковано, разжевано и в рот читателю положено. Сохранился листочек, на котором перечислены все эти вопросы и имеется приписка внизу: «30 апреля 1979 года. Вопрос об эпилоге — посмотрим, что скажут квалифицированные люди». На самом деле, я полагаю, вопрос об эпилоге был нами решен уже тогда, вне всякой зависимости от мнения «квалифицированных людей». Мы уже понимали, что написана повесть правильно: все события даны с точки зрения героя — Максима Каммерера — так, что в каждый момент времени читателю известно ровно столько же, сколько и герою, и все решения он, читатель, должен принимать вместе с героем и на основании доступной ему (отнюдь не полной) информации. Эпилог при такой постановке литературной задачи становился абсолютно не нужен. Тем более что, как показал опыт, «квалифицированные люди» оборванных нитей либо не замечали вовсе, либо, заметив, каждый по-своему, но отнюдь не без успеха, связывали их сами.

На самом деле ответы на большинство из вопросов рассыпаны в неявном виде по всему тексту повествования, и внимательный читатель без особенного труда способен получить их вполне самостоятельно. Например, любому читателю вполне

доступно догадаться, что в Осинушке Абалкин оказался совершенно случайно (уходя от слежки, которая чудилась ему в каждом встречном и поперечном), а к доктору Гоаннеку он обратился в надежде, что опытный врач-профессионал без труда отличит человека от робота-андроида.

Принципиально особенным является первый вопрос. Чтобы ответить на него, недостаточно внимательно читать текст — надо ПРИДУМАТЬ некую ситуацию, которая авторам, разумеется, известна во всех деталях, но в повести присутствует лишь как некое древо последствий очевидного факта: Абалкину откуда-то (ясно откуда — от Тристана) и каким-то образом (каким? — в этом и состоит загадка) удается узнать, что ему почему-то запрещено пребывание на Земле и запрет этот каким-то образом связан с КОМКОН-2 (отсюда — бегство Абалкина с Саракша, неожиданный и невозможный звонок его Экселенцу, вообще все странности его поведения).

Разумеется, я мог бы здесь изложить суть этой исходной сюжетообразующей ситуации, но мне решительно не хочется этого делать. Ведь ни Максим, ни Экселенц ничего не знают о том, что произошло между Тристаном и Абалкиным на Саракше. Они вынуждены только строить гипотезы, более или менее правдоподобные, и действовать, исходя из этих своих гипотез. Именно процедура поиска и принятия решений как раз и составляет самую суть повести, и мне хотелось бы, чтобы читатель строил СВОИ гипотезы и принимал СВОИ решения одновременно и параллельно с героями — на основании той и только той информации, которой они обладают. Ведь знай Экселенц, что на самом деле произошло с Тристаном на Саракше, он воспринимал бы поведение Абалкина совершенно иначе, и у повести нашей было бы совсем другое течение и совершенно другой, далеко не столь трагичный конец.

Использовать эти мои комментарии для объяснений необъясненного означало бы фактически дописать тот самый эпилог повести, от которого авторы в свое время отказались. Потому я и не стану ничего здесь объяснять.

***

Чистовик мы добили окончательно в конце апреля 1979 года и тогда же — но никак не раньше! — приняли новое название «Жук в муравейнике» вместо старого «Стояли звери...». От

исходного замысла остался только эпиграф. За него, помнится, нам пришлось сражаться буквально не на жизнь, а на смерть с окончательно сдуревшим идиотом-редактором из «Лениздата», которому втемяшилось в голову, что стишок этот авторы на самом деле придумали, переиначив (зачем?!) какую-то богом забытую маршевую песню гитлерюгенда (!!!). Причем эту — истинную — причину редакторской активности мне сообщил по секрету «наш человек в „Лениздате“», а в открытую речь шла только о нежелательных аллюзиях, акцентах и ассоциациях, каким-то таинственным образом связанных со злосчастным «стишком маленького мальчика».

9 сентября 1982 — БН:

В общем, битых полтора часа мы с Брандисом (который также был вызван, как составитель и автор предисловия) доказывали этому дубине, что нет там никаких аллюзий и что не ночевали там ни акценты, ни ассоциации, ни прочие иностранцы, а есть там, напротив, только Одержание и Слияние...

Скажи мне: почему они всегда одерживают над нами победы? Я полагаю, потому, что им платят за то, чтобы они напирали, а нам за то, чтобы мы уступали...

Отстоять эпиграф так и не удалось. С трудом удалось оставить в тексте сам стишок, основательно его, впрочем, изуродовав. Никогда в жизни не согласились бы мы на такое издевательство, но повесть шла в сборнике вместе с произведениями других авторов, и получалось так, что из-за нашего «капризного упрямства» страдают ни в чем не повинные собратья-писатели.

23 и 24
«ХРОМАЯ СУДЬБА» И «ГАДКИЕ ЛЕБЕДИ» (1982)

История написания этого романа необычна и достаточно сложна, так что, приступая сейчас к ее изложению, я испытываю определенные трудности, не зная, с чего лучше начать и в какой последовательности излагать события.

Во-первых, название. Оно было придумано давно и предназначалось для совсем другой повести — «о человеке, которого было опасно обижать». Эту, другую, повесть мы обдумывали на протяжении многих лет, то приближаясь к ней вплотную, то отдаляясь, казалось бы, насовсем, и в конце концов АН написал ее сам, в одиночку, под псевдонимом С. Ярославцев и под названием «Дьявол среди людей». Первоначальное же ее название — «Хромая судьба» — мы отдали роману о советском писателе Феликсе Сорокине и об унылых его приключениях в мире реалий развитого социализма.

Роман этот возник из довольно частного замысла: в некоем институте вовсю идет разработка фантастического прибора под названием Menzura Zoili, способного измерить ОБЪЕКТИВНУЮ ценность художественного произведения. Сам этот термин мы взяли из малоизвестного рассказа Акутагавы, и означает он в переводе что-то вроде «Измеритель Зоила», где Зоил — это древнегреческий философ, прославившийся в веках особенно злобной критикой Гомера, так что имя его стало нарицательным для обозначения ядовитого, беспощадного и недоброжелательного критика вообще. Первое в нашем рабочем дневнике упоминание о произведении с таким названием относится аж к ноябрю 1971 года! Но тогда задумывалась пьеса, а не роман.

Самые же первые подробные обсуждения именно романа состоялись, судя по дневнику же, только в ноябре 1980-го, потом снова возник перерыв длиной почти в год, до октября 1981-го, и только в январе 1982-го начинается обстоятельная работа над черновиком. К этому моменту все узловые ситуации и эпизоды были определены, сюжет готов полностью, и окончательно сформулировалась литературная задача: написать Булгаковского «Мастера-1980», а точнее, не Мастера, конечно, а бесконечно талантливого и замечательно несчастного литератора Максудова из «Театрального романа» — как бы он смотрелся, мучился и творил на фоне неторопливо разворачивающихся, «застойных»

наших «восьмидесятых». Прообразом Ф. Сорокина взят был АН с его личной биографией и даже, в значительной степени, судьбой, а условное название романа в тот момент было «Торговцы псиной» (из все того же рассказа Акутагавы: «С тех пор, как изобрели эту штуку, всем этим писателям и художникам, которые торгуют собачьим мясом, а называют его бараниной, всем им — крышка...»).

Обработка черновика закончена была в октябре 1982 года, и тогда же совершилось переименование романа в «Хромую судьбу», и эпиграф был найден — мучительно грустная и точная хокку старинного японского поэта Райдзана об осени нашей жизни.

Мало кто это замечает, а ведь «Хромая судьба» — это прежде всего роман о беспощадно надвигающейся старости, от которой нет нам ни радости, ни спасения — «признание в старости», если угодно.

***

«Хромая судьба» — второй (и последний) наш роман, который мы совершенно сознательно писали «в стол», понимая, что у него нет никакой издательской перспективы. Журнальный вариант его появился только в 1986 году в ленинградской «Неве» — это было (для нас) первое чудо разгорающейся Перестройки, знак Больших Перемен и примета Нового времени. И именно тогда впервые встала перед нами проблема совершенно особенного свойства, казалось бы, вполне частная, но в то же время настоятельно требующая однозначного и конкретного решения.

Речь шла о Синей Папке Феликса Сорокина, о заветном его труде, любимом детище, тщательно спрятанном от всех и, может быть, навсегда. Работая над романом, мы, для собственной ориентировки, подразумевали под содержимым Синей Папки наш «Град обреченный», о чем свидетельствовали соответствующие цитаты и разрозненные обрывки размышлений Сорокина по поводу своей тайной рукописи. Конечно, мы понимали при этом, что для создания у читателя по-настоящему полного впечатления о второй жизни нашего героя — его подлинной, в известном смысле, жизни — этих коротких отсылок к несуществующему (по понятиям читателя) роману явно недостаточно, что в идеале надобно было бы написать специальное произведение наподобие

«пилатовской» части «Мастера и Маргариты» или хотя бы две-три главы такого произведения, чтобы вставить их в наш роман... Но подходящего сюжета не было, и никакого материала не было даже на пару глав, так что мы сначала решились, скрепя сердце, пожертвовать для святого дела двумя первыми главами «Града обреченного» — вставить их в «Хромую судьбу», и пусть они там фигурируют как содержимое Синей папки. Но это означало украсить один роман (пусть даже и хороший) ценой разрушения другого романа, который мы нежно любили и бережно хранили для будущего (пусть даже недосягаемо далекого). Можно было бы вставить «Град обреченный» в «Хромую судьбу» ЦЕЛИКОМ, это решало бы все проблемы, но в то же время означало бы искажение всех и всяческих разумных пропорций получаемого текста, ибо в этом случае вставной роман оказывался бы в три раза толще основного, что выглядело бы по меньшей мере нелепо.

И тогда мы вспомнили о старой нашей повести «Гадкие лебеди». Задумана она была в апреле 1966 года, невероятно давно, целую эпоху назад, и написана примерно тогда же. К началу 1980-х у нее уже была своя, очень типичная судьба — судьба самиздатовской рукописи, распространившейся в тысячах копий, нелегально, без ведома авторов, опубликованной за рубежом и прекрасно известной «компетентным органам», которые, впрочем, не слишком рьяно за ней охотились — повесть эта проходила у них по разряду «упаднических», а не антисоветских.

***

Писались «Гадкие лебеди» для сборника наших повестей в «Молодой гвардии». Этот сборник («Второе нашествие марсиан» плюс «Гадкие лебеди») был даже объявлен в плане 1968, кажется, года, но вышел он в другом составе: вместо «Лебедей» поставлены там были «Стажеры». «Лебеди» не прошли. От них веяло безнадежностью и отчаянием, и даже если авторы согласились бы убрать оттуда многочисленные и совершенно неистребимые «аллюзии и ассоциации», этого горбатого (как говаривали авторы по поводу некоторых своих произведений и до, и после) не смог бы исправить даже наш советский колумбарий. Это было попросту невозможно, хотя авторы и попытались разбавить мрак и отчаяние, дописав последнюю главу, где Будущее, выметя все поганое и нечистое из настоящего, является читателю в виде

этакого Homo sapiens, всемогущего и милосердного одновременно. (В самом первом варианте повесть кончалась сценой в ресторане и словами Голема: «...бедный прекрасный утенок».)

Второй и последний вариант «Гадких лебедей» был закончен в сентябре 1967 года и окончательно отклонен «Молодой гвардией» в октябре. Больше никто ее брать не захотел. Повесть перешла на нелегальное положение.

1 октября 1968 — БН:

Люди, приехавшие из Одессы, рассказывают, что там продается с рук машинопись «Гадких лебедей» — 5 руб. штука. Ума не приложу, каким образом это произошло. Я давал только проверенным людям.

БН сильно подозревал в потере бдительности и в распространении АН, АН — БН. Но дело было в другом: рукопись шла в нелегальную распечатку прямо в редакциях, куда попадала вполне официально и откуда, растиражированная, уходила «в народ». Авторы не сразу поняли, что происходит, но и поняв, отнюдь не смутились и продолжали давать рукопись все в новые и новые редакции — у нас это называлось «стрелять по площадям», на авось, вдруг где-нибудь, как-нибудь, божьим попущением и проскочит.

Не проскочило. Сейчас уже невозможно вспомнить, в каких именно журналах побывала рукопись. Сохранились отдельные об этом упоминания в письмах и в дневниках. Так, видимо, летом 1970-го повесть лежала в «Новом мире», а зимой — в «Неве».

9 января 1971 — БН:

Информация о том, что Ю. Домбровский дал якобы положительную рецензию на «Гадких лебедей», есть информация ложная. Изя Кацман виделся с Домбровским на Новый год, и тот сказал, что ему действительно предлагали «Лебедей...» на рецензию, но он отказался ее брать, ибо «в фантастике ничего не понимает и рецензировать то, в чем не разбирается, не может». В «Неву» насчет «Лебедей...» я не звонил еще...

10 февраля 1971 — БН:

Как и следовало ожидать, дело с «Гадкими лебедями» в «Неве» не выгорело...

***

Сохранилось несколько любопытных образцов обмена информацией по поводу публикации «Гадких лебедей» в журнале «Юность» (где главредом в то время был Борис Полевой).

30 сентября 1971 — АН:

Перед самым отъездом зашел в ЦДЛ и натолкнулся на Полевого. Он взял меня за руку и строго сказал: «Мы вас рекламируем. Давайте вещь». Я нагло ответил: «Мы-то дадим, а вот возьмете ли вы?» На этом разговор закончился. Я не успел больше ни слова сказать, его уже увлекли. Забавная ситуация. Я тут пораскинул умом и подумал: может, дать небольшую повестушку на основе спрута Спиридона, листов этак на 3-4? Что-нибудь либо о суде над кашалотами, либо о дипломатии, все с героями «Понедельник начинается в субботу»?

3 октября 1971 — БН:

Поведение Полевого любопытно. Знаешь, что я предлагаю? Сунь им «Гадких лебедей»! Чем мы в конце концов рискуем? Может, хоть какой-нибудь «журнальный» вариант да пройдет. Ну а если не пройдет, тогда можно будет дать заявку и на Спиридона. Вдруг «Лебеди...» все-таки пройдут? Ведь у них тираж падает, дела у них неважнецкие, а то бы они к нам хрен бы обратились. А тут повесть о загнивании буржуазной морали, о том, что капитализм будущее губит. То, се. Ей-богу, стоит попробовать...

6 октября 1971 — АН:

Идея сунуть Полевому «Лебедей...» мне приходила в голову, но я отмел ее как недостаточно безумную. Что ж, если ты так считаешь, то я сделаю. Только нужно изменить название. «Гадкие лебеди» — очень уж одиозно. Пожалуй, возьмем что-либо вроде «Прекращение дождя» или «Когда перестал дождь». Вышли свои соображения по названию...

11 октября 1971 — БН:

Вместо «Гадкие лебеди» я предлагаю названия: «Год воды»; «Время ковчега»; «Сделай себе ковчег из дерева гофер» (это слова бога — Ною); «Сорок дней и сорок ночей» (время излития дождя накануне потопа); «Время дождя».

А вообще, наверное, неважно, какое будет название — если они примут, придумаем. Но хорошо бы его связать с Великим Потопом — так сказать Великий Потоп коммунизма на одряхлевшего Ноя капиталистической идеологии...

13 ноября 1971 — АН:

«Гадких лебедей» (они же «Время дождей») вручил при потешнейших обстоятельствах. Перед тем как идти на Маяковскую, куда переехала «Юность», зашел я в наш кабак пообедать. Стою, смотрю, где есть место, и вдруг меня тянут за брючину. Гляжу — сидит за столиком Мери Лазаревна Озерова, зав. отделом худлитературы в «Юности».

— Где обещанная рукопись?

— У меня. Я хотел поговорить с Полевым...

— Где она? У вас с собой?

— Да, но я хотел переговорить...

— Нечего вам переговаривать. Давайте сюда.

— Вот, пожалуйста, но мне нужно...

— Потом, потом. Вот прочитаем, тогда и будем разговаривать.

Так все и закончилось. Унесла она в хищном клюве, пообещав позвонить...

На этом все «препотешнейшее», что связывалось с «Гадкими лебедями» в «Юности», закончилось раз и навсегда. Начались сумрачные будни. Собственно, ничего такого уж неожиданного не произошло.

29 января 1972 — АН:

В «Юности» полнейший разгром. На нижнем уровне вещь приняли на ура, но прочитал Полевой и объявил, что это никуда не годится, при этом долго втолковывал нижнему уровню насчет Маркузе и насчет того, что никакого нацизма в ФРГ нет. Тут же подключился Преображенский и написал, что совершенно согласен с мнением Бориса Николаевича. Любопытная деталь: никто на нижнем уровне в глаза не видел рецензий Полевого и Преображенского. Обе рецензии были выполнены в одном экземпляре и сразу же переданы в бухгалтерию на предмет оплаты.

Рукопись я забрал и положил на полку. Пусть пока полежит...

И рукопись легла на полку. Теперь уже прочно. Надолго. Авторы временно перестали трепыхаться и совать ее туда-сюда.

Они еще не знали тогда, а судьба этой их повести уже была решена и на много лет вперед.

В ноябре 1972 года АН передал БН с оказией письмо, содержащее отчет о своей встрече с пресловутым, ранее уже упоминавшимся в связи со «Сказкой о Тройке» товарищем Ильиным (бывшим генералом КГБ, а в те времена — секретарем Московской писательской организации по организационным вопросам).

24 ноября 1972:

В понедельник 13-го я был у Ильина. Перед этим (вот совпадение!) я отнес в «Новый мир» рецензию, и тут Девис, криво ухмыляясь и глядя в угол, рассказал: во Франкфурте-на-Майне имела состояться выставка книгопродукции издательств ФРГ, всяких там ферлагов. От нас выставку посетили Мелентьев (ныне зам. председателя ГК по печати) и руководство «Мира» и «Прогресса». Добрались до стенда издательства «Посев». Выставлено пять книг: Исаич «1914», двухтомник Окуджавы, реквизированный Гроссман, «Семь дней творения» В. Максимова и Мы с Тобой «Гадкие лебеди».

Поверх всего этого — увеличенные фотопортреты авторов вышеперечисленных и якобы надпись: «Эти русские писатели не примирились с существующим режимом». Ну, прямо от Девиса пошел я, судьбою палимый, к Ильину. Думаю, быть мне обосрану, а нам — битыми. Ан нет. Встретил хорошо, даже за талию, по-моему, обнял, не за стол — в интимные угловые креслица усадил и принялся сетовать на врагов, которые нас так спровоцировали. Ласков был до чрезвычайности. Коротко, все сводится к тому, что нам надобно кратко и энергично, с политическим акцентом отмежеваться. Эту бумагу должен составить ты, перешлешь ее мне (это не опасно, сам понимаешь), а я уж понесу ее Ильину и буду тянуть...

Странно читать это сегодня, правда? Письмо из другого времени и с другой планеты... Дабы усилить это ощущение, не могу удержаться, чтобы не процитировать из того же письма кусочек, прямого отношения к литературе не имеющий:

Как стало достоверно известно, Петр Якир, просидев на площади около месяца, вдруг затребовал свидания с дочерью и, оное получив, велел передать ей, что в корне изменил свои убеждения и просит всех прежних своих сторонников своим сторонником его, Петра Якира, не считать. После этого он принялся закладывать ВСЕХ. Повторяю: ВСЕХ.

Прошу тебя иметь это в виду и, если есть у тебя основания, сделать выводы...

Разумеется, БН немедленно набросал и переслал в Москву текст решительного отмежевания от «акции, произведенной без ведома и согласия авторов, явно преследующей провокационные политические цели и являющей собою образец самого откровенного литературного гангстеризма». Или что-то в этом же роде. Не помню точно, в каком именно виде это оказалось опубликовано в «Литературной газете», а в архиве сохранился только самый первый черновик.

На этой истерически высокой ноте эпопея «Гадких лебедей» обрела свой заслуженный конец. Отныне (и присно, и во веки веков) ни о какой публикации названной вещи не могло быть и речи. Она теперь уж окончательно оказалась занесена в черные списки и сделалась табу для любого издательства в СССР, а равно и в странах социализма.

***

Согласитесь, повесть с такой биографией вполне годилась на роль содержимого Синей папки. «Гадкие лебеди» входили в текст «Хромой судьбы» естественно и ловко, словно патрон в обойму. Это тоже была история о писателе в тоталитарной стране. Эта история также была в меру фантастична и в то же время совершенно реалистична. И речь в ней шла, по сути, о тех же вопросах и проблемах, которые мучили Феликса Сорокина. Она была в точности такой, какой и должен был написать ее человек и писатель по имени Феликс Сорокин, герой романа «Хромая судьба». Собственно, в каком-то смысле он ее и написал на самом деле.

Предложенный ленинградской «Неве» вариант «Хромой судьбы» уже содержал в себе «Гадких лебедей». Впрочем, из этой первой попытки ничего путного не получилось. Я, разумеется, рассказал (обязан был рассказать!) историю «Лебедей» главному редактору журнала, и тот пообещал выяснить ситуацию в обкоме.

1986 год. Самое начало. Перестройка еще пока только чадит и дымит, никто ничего не знает, ни внизу, ни на самом верху, все возможно — в том числе и мгновенный поворот на сто восемьдесят градусов. Видимо, «добро» получить ему не удалось, «Хромая судьба» вышла без Синей папки, да еще вдобавок

основательно покуроченная в тупых шестернях бушующей вовсю антиалкогольной кампании имени товарища Лигачева.

Но уже в 1987-м журнал «Даугава» рискнул напечатать «Лебедей» (пусть даже и под ублюдочным названием «Время дождя»), и ничего ужасного из этого не проистекло — небеса не обрушились, и никакие карающие молнии не ударили в святотатцев: времена переменились наконец, и ранее запрещенное сделалось разрешенным. И — о смех богов! — сделавшись разрешенным, запрещенное сразу же стало всем безразлично. Так что и появление в 1989 году полного текста «Хромой судьбы» в великолепном издании ленинградского отделения «Советского писателя» не произвело ни шума, ни сенсации, и вообще вряд ли даже было замечено читающей публикой.

Новые времена внезапно наступили, и новый читатель возник-образовался почти мгновенно, словно выпал в кристаллы перенасыщенный раствор, — и возникла потребность в новой литературе, литературе свободы и пренебрежения, которая должна была прийти на смену литературе-из-под-глыб, да так и не пришла, пожалуй, даже и по сей день.

***

Нам хотелось написать человека талантливого, но безнадежно задавленного жизненными обстоятельствами, его основательно и навсегда взял за глотку «век-волкодав», и он на все согласен, почти со всем уже смирился, но все-таки позволяет иногда давать себе волю — тайно, за плотно законопаченными дверями, при свечах, потому что, в отличие от булгаковского Максудова, отлично знает и понимает, что сегодня, здесь, сейчас, можно, а чего нельзя, и всегда будет нельзя...

Феликс Сорокин представлялся нам этаким «героем нашего времени», и может быть, он и был таковым в каком-то смысле, но вот время — прямо у нас на глазах! — переменилось, а вместе с ним и многие-многие наши представления, и героями стали совсем другие люди, а наш Феликс Сорокин, как тип, как герой, канул в небытие — во всяком случае, мне очень хочется на это надеяться.

А вот у романа его, у «Гадких лебедей», по-моему, актуальность отнюдь покуда не пропала, потому что проблема будущего, запускающего свои щупальца в сегодняшний день,

никуда не делась, и никуда не делась чисто практическая задача: как ухитриться посвятить свою жизнь будущему, но умереть при этом все-таки в настоящем. И чем стремительнее становится прогресс, чем быстрее настоящее сменяется будущим, тем труднее Виктору Баневу оставаться в равновесии с окружающим миром, в перманентном своем состоянии неослабевающего футурошока. Всадники Нового Апокалипсиса — Ирма, Бол-Кунац и Валерьянс — уже оседлали своих коней, и остается только надеяться, что Будущее не станет никого карать, не станет никого и миловать, а просто пойдет своей дорогой.

25
«ВОЛНЫ ГАСЯТ ВЕТЕР»
(1984)

Это последнее, десятое, произведение АБС из цикла «Мир Полудня». Мы, правда, планировали написать еще один роман — под условным названием то ли «Белый ферзь», то ли «Операция „Вирус“», — но так и не собрались даже начать его.

Любопытно, что задуман этот роман был раньше, чем «Волны...». В дневнике от 6 января 1983 года сохранилась запись:

Думали над трилогией о Максиме. Максим внедряется в Океанскую империю, чтобы выяснить судьбу Тристана и Гурона...

И уже на следующий день (7 января):

Странники прогрессируют Землю. Идея: человечество при коммунизме умирает в эволюционном тупике. Чтобы идти дальше, надо синтезироваться с другими расами...

Очевидно, что это еще искаженный, деформированный, очень приблизительный, но уже тот самый замысел, из которого родились «Волны...».

В истории написания этой повести нет ничего особенного и тем более сенсационного. Начали черновик 27 марта 1983 года в Москве, закончили чистовик 27 мая 1984 года, в Москве же. Все это время вдохновляющей и возбуждающей творческий аппетит являлась для нас установка написать по возможности документальную повесть, в идеале — состоящую из одних только документов, в крайнем случае — из «документированных» размышлений и происшествий. Это была новая для нас форма, и работать с ней было интересно, как и со всякой новинкой. Мы с наслаждением придумывали «шапки» для рапорт-докладов и сами эти рапорт-доклады с их изобилием нарочито сухих казенных словообразований и тщательно продуманных цифр; многочисленные имена свидетелей, аналитиков и участников событий сочиняла для нас особая программка, специально составленная на мощном калькуляторе «Хьюлетт-Паккард» (компьютера тогда у нас еще не было); а первый вариант «Инструкции по проведению фукамизации новорожденного» вполне профессионально набросал для нас друг АН — врач Юрий Иосифович Черняков...

Что же касается замысла «Странники прогрессируют Землю», то мы отказались от него как от центрального и сюжетообразующего довольно быстро. Гораздо интереснее оказалось использовать его в качестве обманного, отвлекающего приема, тем более что идея человечества, нечувствительно и постепенно порождающего внутри себя Человека Нового (хомо супер, хомо новус, хомо луденс), волновала и привлекала нас издавна, еще со времен «Гадких лебедей», которые изначально как раз и задумывались как встреча поручика пограничных войск Виктора Банева с первыми сверхчеловеками — мокрецами.

Неожиданно трудно оказалось придумать название. Сначала (в письмах и дневнике) мы называли эту рукопись просто «Повесть о Тойво». Потом мелькнул вариант — почему-то на французском — «Fait accompli» («Совершившийся факт»), и только в самом конце работы над черновиком появляется название «Волны гасят ветер», причем сначала — только как название темы рапорт-доклада номер 086/99. Это название показалось нам удачным, и мы решили взять его для всей повести в целом. Действительно, удачное название, спокойное и многосмысленное, что от названия и требуется.

А вот с эпиграфом получился маленький конфуз. Афоризм этот придумал БН, лично, экспромтом, в разгаре некоей полемики, все обстоятельства которой я великолепно помню до сих пор. Придумал — и восхитился собственной выдумкой, ибо почудилась ему в этой максиме поистине Гёделевская глубина и нетривиальность. «Понять значит упростить» — как, однако, сказано!

АН это тоже понравилось, афоризм было решено приписать нашему легендарному писателю Дмитрию Строгову («Толстому XXI века»), придуманному нами еще в 1960-м, и, приписав, сделать его эпиграфом. А несколько лет спустя я совершенно случайно узнал, что это, оказывается, слова из повести Михаила Анчарова — кажется, «Самшитовый лес». А может быть — «Сода-солнце». О, это был тяжелый удар! Это была проблема! Однако отказываться совсем от такого замечательного эпиграфа показалось нам тогда невыразимо жалко, а заменять имя выдуманного двадцать лет назад Строгова на имя всем известного Михаила Анчарова — как-то нелепо: повесть именно с таким эпиграфом была уже опубликована, и не раз. И мы решили оставить все как есть. «Совершенно не вижу, почему бы благородному дону (читай: Дмитрию Строгову) спустя сотню лет не переоткрыть заново афоризм Михаила Анчарова совершенно независимым образом?..» Тем более что в действительности это удалось же сделать Б. Стругацкому, спустя всего лишь двадцать,

или сколько там, лет.

***

Повесть «Волны...» оказалась итоговой. Все герои наши безнадежно состарились, все проблемы, некогда поставленные, нашли свое решение (либо оказались неразрешимыми), мы даже объяснили (вдумчивому) читателю, кто такие Странники и откуда они берутся во Вселенной, ибо людены наши это Странники и есть — точнее, та раса Странников, которую породила именно цивилизация Земли, цивилизация Homo sapiens sapiens (как называется в Большой науке вид, к которому все мы имеем честь принадлежать). Осталась, правда, недописанной одна из задуманных в рамках Полуденного цикла историй — история проникновения Максима Каммерера в таинственные недра страшной Островной империи.

Об этом ненаписанном романе среди фэнов ходят легенды, мне приходилось слышать рассказы людей, которые точно знают, что роман этот был по крайней мере наполовину написан, пущен авторами «в народ», и кое-кто даже лично держал в руках подлинную рукопись... Увы.

Роман этот НИКОГДА НЕ БЫЛ НАПИСАН, он даже придуман не был как следует. Вот как выглядит его самый общий предполагаемый план:

1. *Пролог. Гнилой Архипелаг*
2. *ч. I. Прибрежная зона*
3. *ч. II. Леса и поля*
4. *ч. III. Солнечный круг*
5. *Эпилог.*

Действие романа должно было происходить где-то вскоре после событий «Жука в муравейнике», лет через пяток после этого и задолго до времен Большого Откровения. Пролог разработан действительно в деталях. БН мог бы написать его за несколько дней (это всего десяток страниц), но ему не хочется этим заниматься: неинтересно, да и ни к чему. Часть I продумана хорошо, известны основные эпизоды, но без многих и многих существенных деталей. Часть II — ясна в общих чертах и с некоторыми эпизодами. Часть III — в самых общих чертах. Известен только один эпизод из этой части, заключительный. Что

же касается эпилога, то это по идее должно было быть что-то вроде итогового комментария, скажем, Гриши Серосовина (или какого-нибудь другого сотрудника Комиссии по Контролю) по поводу всего вышеизложенного. Но здесь нет даже самых общих наметок.

В предисловии к сборнику «Время учеников» БН писал об этом романе примерно следующее:

В последнем романе братьев Стругацких, в значительной степени придуманном, но ни в какой степени не написанном; в романе, который даже имени-то собственного, по сути, лишен (даже того, о чем в заявках раньше писали «название условное»); в романе, который никогда теперь не будет написан, потому что братьев Стругацких больше нет, а С. Витицкому в одиночку писать его не хочется, — так вот, в этом романе авторов соблазняли главным образом две свои выдумки.

Во-первых, им нравился (казался оригинальным и нетривиальным) мир Островной империи, построенный с безжалостной рациональностью демиурга, отчаявшегося искоренить зло. В три круга, грубо говоря, укладывался этот мир.

Внешний круг был клоакой, стоком, адом этого мира — все подонки общества стекались туда, вся пьянь, рвань, дрянь, все садисты и прирожденные убийцы, насильники, агрессивные хамы, извращенцы, зверье, нравственные уроды — гной, шлаки, фекалии социума. Тут было ИХ царствие, тут не знали наказаний, тут жили по законам силы, подлости и ненависти. Этим кругом Империя ощетинивалась против всей прочей ойкумены, держала оборону и наносила удары.

Средний круг населялся людьми обыкновенными, ни в чем не чрезмерными, такими же, как мы с вами, — чуть похуже, чуть получше, еще далеко не ангелами, но уже и не бесами.

А в центре царил Мир Справедливости. «Полдень, XXII век». Теплый, приветливый, безопасный мир духа, творчества и свободы, населенный исключительно людьми талантливыми, славными, дружелюбными, свято следующими всем заповедям самой высокой нравственности.

Каждый рожденный в Империи неизбежно оказывался в «своем» круге, общество деликатно (а если надо — и грубо) вытесняло его туда, где ему было место — в соответствии с талантами его, темпераментом и нравственной потенцией. Это вытеснение происходило и автоматически, и с помощью соответствующего социального механизма (чего-то вроде полиции нравов). Это был мир, где торжествовал принцип «каждому — свое» в самом широком его толковании. Ад, Чистилище и Рай. Классика.

А во-вторых, авторам нравилась придуманная ими концовка. Там у них Максим Каммерер, пройдя сквозь все круги и добравшись до центра, ошарашенно наблюдает эту райскую жизнь, ничем не уступающую земной, и общаясь с высокопоставленным и высоколобым аборигеном, и узнавая у него все детали устройства Империи, и пытаясь примирить непримиримое, осмыслить неосмысливаемое, состыковать нестыкуемое, слышит вдруг вежливый вопрос: «А что, у вас разве мир устроен иначе?» И он начинает говорить, объяснять, втолковывать: о высокой Теории Воспитания, об Учителях, о тщательной кропотливой работе над каждой дитячьей душой...

Абориген слушает, улыбается, кивает, а потом замечает как бы вскользь:

— Изящно. Очень красивая теория. Но, к сожалению, абсолютно нереализуемая на практике.

И пока Максим смотрит на него, потеряв дар речи, абориген произносит фразу, ради которой братья Стругацкие до последнего хотели этот роман все-таки написать.

— Мир не может быть построен так, как вы мне сейчас рассказали, — говорит абориген. — Такой мир может быть только придуман. Боюсь, друг мой, вы живете в мире, который кто-то придумал — до вас и без вас, — а вы не догадываетесь об этом...

По замыслу авторов эта фраза должна была поставить последнюю точку в жизнеописании Максима Каммерера. Она должна была заключить весь цикл о Мире Полудня. Некий итог целого мировоззрения. Эпитафия ему. Или — приговор?..

Именно над этим романом думали АБС во время своей последней встречи в январе 1991 года, в Москве:

18 января 1991. Писали письма. Снова обсуждается «Операция „Вирус“»...

Я очень хорошо помню, что обсуждение наше шло вяло, нехотя, без всякого энтузиазма. Время было тревожное и неуютное, в Ираке начиналась «Буря в пустыне», в Вильнюсе группа «Альфа» штурмом взяла телецентр, нарыв грядущего путча готовился прорваться, и приключения Максима Каммерера в Островной империи совсем не казались нам увлекательными — придумывать их было странно и даже как-то неприлично. АН чувствовал себя совсем больным, оба мы нервничали и ссорились...

Это была финальная прямая, хотя никто из нас об этом, разумеется, не знал и даже подумать не мог.

...Но почему мне иногда кажется, что этот — или очень похожий на него — роман будет все-таки со временем написан? Не братьями Стругацкими, разумеется. И не С. Витицким. Но кем?

ИЗ КРИТИКИ ТЕХ ЛЕТ

Потребителю явно выгодна игра на занижение, демонстрация грязного белья, опорочивание любой идеи и истины.

По мнению братьев Стругацких, и в будущем нас ожидает то же, что и в прошлом: безверие, цинизм, опустошенность. Одна услада в наслаждении предметами старины. Только какими предметами? В повести «Жук в муравейнике» сверхсовременный аппарат передвижения сконструирован в виде деревянного нужника...

Журнал «Молодая гвардия», 1985

Совершено покушение на авторское право и гражданское достоинство писателей Стругацких.

В свое время фантасты написали повесть «Гадкие лебеди». Критически оценивая свой труд, они решили, что их постигла творческая неудача и не сочли свой труд достойным публикации. И вот в начале 1970-х «Гадкие лебеди», препарированные в белогвардейском духе, неожиданно для писателей появились в журнальчике «Посев».

Любители фантастики, которым нравится чистоган, и до сих пор скребут «Гадких лебедей» так, что аж перья летят, и продолжают смотреть на мир сквозь очки ископаемого белогвардейца.

Газета «Южная правда» (Николаев), 1984

В журнале «Даугава» публикуется повесть братьев Стругацких «Время дождя». Но даже тем, кто очень любит Стругацких, я не решилась бы сказать: «Бросайте все и читайте».

(...)

Воспользуюсь случаем, чтобы поправить одно свое опрометчивое заявление. В одном из обзоров я достаточно скептически отозвалась о «Времени дождя». После первых номеров что-то не вызвал он у меня энтузиазма. Читатели присылали письма протеста: им очень нравилось. Я стала читать дальше, вчиталась, и вижу теперь: они были правы...

Журнал «Огонек», 1987

По мне, она отвратительна, эта прыть удачливых молокососов, сбрасывающих с плеч бремя привязанностей, жалости, совести. Из всех жестокостей, что в книгах Стругацких совершались во имя добра, «Гадкие лебеди» — непревзойденная.

Журнал «Знамя». 1989

Не узнаю братьев Стругацких! В своей последней повести «Волны гасят ветер» они только нагородили непонятностей и заставили ломать голову над загадками, на которые ответа не дали.

Когда-то Стругацкие написали светлую утопию «Полдень. XXII век». И во что теперь этот полдень превратился?

Газета «Заря молодежи», 1986

При исчерпанности парадигмы, фантастика живет и даже множит издания. За счет чего? За счет имитаций головоломок и игр, заменяющих их.

Примером такой имитации является повесть Стругацких «Волны гасят ветер». Никакой головоломки там нет, а есть несколько клише, неоднократно обкатанных в фантастике. Ничего нового та повесть не содержит.

Журнал «Вопросы литературы», 1990

ГЛАВА ВОСЬМАЯ: 1987-1991

26
«ОТЯГОЩЕННЫЕ ЗЛОМ» (1988)

Впервые над этим романом мы начали думать еще в октябре 1981-го, когда возникла у нас с братьями Вайнерами странная, нелепая даже, но показавшаяся нам плодотворной идея написать совместный фантастический детектив — так сказать, «в четыре башки». Чтобы состоял этот детектив из двух частей — «Преступление» и, сами понимаете, «Наказание». Чтобы в части «Преступление» (условное название «Ловец душ») описывалась бы совершенно фантастическая и даже мистическая ситуация, как по некоему райцентру российской глубинки бродит никому не знакомый Бледный Человек (БЧ) и скупает живые человеческие души. Причем никто не знает (да и знать не хочет), что это, собственно, означает вообще, и как в частности понимать словосочетание «живая человеческая душа» в последней четверти двадцатого века. Писать эту часть должны были АБС, как специалисты по мистике-фантастике, а на долю Вайнеров приходилась при таком раскладе часть «Наказание», где БЧ отлавливает милиция и соответствующие органы возбуждают против него уголовное дело. Что это будет за уголовное дело, в чем, собственно, можно обвинить «ловца душ» и по какой статье УК РСФСР судить — не было ясно никому из соавторов, и именно поэтому профессионалы

Вайнеры очень всеми этими мистико-юридическими проблемами заинтересовались.

В ноябре 1981-го придуманы были и Сергей Корнеевич Манохин, астроном (область интересов — теория двойных и кратных объектов во Вселенной), и маленький бледный человечек Агасфер Кузьмич Прудков, загадочный «ловец душ», и место действия — город Ташлинск, дальний аналог того райцентра Ташла (Оренбургской области), где АН и БН побывали в эвакуации в 1942-1943 годах. И многочисленные определения души были выписаны про запас, и составлен был проект типовой расписки о передаче таинственному Агасферу Кузьмичу души («особой нематериальной субстанции, не зависящей от тела», по определению Советского энциклопедического словаря). И многое другое было заготовлено для того, чтобы приступить к написанию части «Преступление», она же — «Ловец душ». Собственно, тогда был составлен подробный план этой повести вплоть до того момента, когда за Агасфером Кузьмичом приезжает милиция. Но

на этом работа с «Ловцом душ» прервалась — АБС занялись «Хромой судьбой».

По записям в дневнике невозможно определить тот момент, когда «союз четырех» распался окончательно и навсегда. Некоторое время в дневнике еще попадаются заметки, предназначенные вроде бы для «Ловца душ», но в дальнейшем использованные в «Хромой судьбе».

Например:

У Манохина привычка — всем встречным и поперечным дает (мысленно, конечно) клички. «Ойло союзное». Еще? «Клепсидра»...

Потом мы сосредотачиваемся на «Хромой судьбе» целиком и полностью, начинаем и заканчиваем ее, беремся за «Волны». Начав, заканчиваем и «Волны» тоже, потом начинаем и заканчиваем сценарий «Пять ложек эликсира», и только лишь в феврале 1985 года снова возникает в наших рабочих записях Агасфер Кузьмич.

***

К этому моменту от «союза четырех» осталось только несколько распечатанных на машинке страничек «„Протокола собеседования“ двух пар чистых», приятные воспоминания о двух-трех встречах (в разное время и в разных составах) да смутные воспоминания о фонтанах идей, бивших в небо во время этих замечательных встреч. АБС с удовольствием листают странички протокола, перечитывают записи в дневнике четырехлетней давности, сюжет с «ловцом душ» симпатичен им по-прежнему, но теперь, когда идея фантастического детектива похерена окончательно, чудится им в этом замысле нечто большее, чем просто история о толстеньком комичном Мефистофеле конца XX века.

Во время встречи в Москве, которая началась 15 февраля 1985 года, обсуждается совершенно новый замысел: что стало бы с человечеством, если бы оно вдруг лишилось чувства страха. Плюсы и минусы страха. Определение страха... Генезис страха... Отдельные фразы:

Свита дьявола — смертные, но бесстрашные как бессмертные...

Антихрист. Проба. Или уступил ангелу, уверенному, что все беды людские — от страха...

История с Агасфером Кузьминой — скупщиком душ — сюда же? Начало: Христос и вновь назначенный Антихрист стоят на крыше только что построенной многоэтажки и беседуют. Антихрист — человек, которому Христос передает человечество.

Возникает и обдумывается даже такая идея: сделать повесть третьей книгой «Понедельник начинается в субботу». Двадцать лет миновало, в Соловце возведен дом-небоскреб, все события описываются с точки зрения сына Саши Привалова — современного, практичного до цинизма, но тем не менее после окончания МГУ двинувшего «по магии» (против всякого желания отца). НИИЧАВО уж не тот, что раньше: «несуны» тащат все, что плохо лежит; процветает принцип «ты — мне, я — тебе»; на Кристобаля Хунту работают одни только зомби да капризные привидения; у Эдика Амперяна постоянно в ходу портативный реморализатор, а Хунта соорудил для своих нужд огромный, стационарный...

И в этих вот условиях, приближенных к боевым, Кристобаль Хозевич во взаимодействии с Агасфером Кузьмичом проводят эксперимент по «обесстрашиванию» научного контингента. При этом выясняется любопытное обстоятельство: первое, что делают «обесстрашенные», — это перестают работать вообще...

И итоговая запись 17 февраля 1985:

Осознание огромного и безнадежного отставания от мирового уровня — во всем... Нет победителей и побежденных— все в говне, все несчастны, все недовольны...

***

Очередная идея продолжить «Понедельник» в очередной раз была отброшена. Но на протяжении всего 1985-го в дневнике идут записи, из которых видно, как АБС постепенно приближаются к окончательной формулировке новой своей литературной задачи.

Поскребите любое дурное свойство человека, и выглянет его основа — страх (Соловейчик С. //Новый мир, 1985. № 3).

Обстоятельная подготовка к Страшному Суду... Герой взят в качестве секретаря-переводчика, ему обещано исполнение желания

— изменение законов природы. Он заступается за человечество, и ему предлагают «искупить его грехи»... История нового Христа...

Суд над человечеством. Разбираются случаи из жизни: подлость, низость, корыстолюбие, нищета духа. В том числе странные истории из жизни японцев, новогвинейцев (каннибалов) и т. д. — другая мораль, другие нормы.

Имена демиурга: Гончар, Кузнец, Ткач, Плотник, Гефест, Гу, Ильмаринен, Хнум, Вишвакарман, Птах, Яхве, Мулунгу, Моримо, Мукуру.

И вот наконец:

У гностиков демиург — творческое начало, производящее материю, отягощенную злом (Мелетинский Е. М. Мифологический словарь. Т. I. С. 366).

Вариант названия: ОТЯГОЩЕННЫЕ ЗЛОМ.

К этому моменту одна из линий романа становится нам ясна окончательно, и мы принимаемся ее активно разрабатывать и даже (начиная с 25 января 1986 года, в Ленинграде) писать. Это — история Второго (обещанного) пришествия Иисуса Христа. Он вернулся, чтобы узнать, чего достигло человечество за прошедшие две тысячи лет с тех пор, как он даровал ему Истину и искупил его грехи своей мучительной смертью. И он видит, что НИЧЕГО существенного не произошло, все осталось по-прежнему, и даже подвижек никаких не видно, и он начинает все сначала, еще не зная пока, что он будет делать и как поступать, чтобы выжечь зло, пропитавшее насквозь живую разумную материю, им же созданную и так любовно слепленную много тысячелетий назад.

Наш Иисус-демиург совсем не похож на того, кто принял смерть на кресте в древнем Иерусалиме — две тысячи лет миновало, многие сотни миров пройдены им, сотни тысяч благих дел совершены, и миллионы событий произошли, оставив — каждое — свой рубец. Всякое пришлось ему перенести, случались с ним происшествия и поужаснее примитивного распятия — он сделался страшен и уродлив. Он сделался неузнаваем. Обстоятельство, вводящее в заблуждение множество читателей: одни негодуют, принимая нашего демиурга за неудачную копию булгаковского Воланда, другие — попросту и без затей — обвиняют авторов в проповеди сатанизма, в то время как наш демиург на самом деле — это просто Иисус Христос две тысячи лет спустя.

Сейчас, листая рабочие дневники, я обнаружил вдруг, что

совсем позабыл, оказывается, как писался этот наш роман! Оказывается, мы сначала почти до конца, а может быть и не «почти», а действительно до самого конца написали всю линию Манохин — Агасфер — демиург, и лишь потом вышли на идею заслуженного учителя города Ташлинска — Г. А. Носова — с его печальной историей современного Иешуа Га-Ноцри.

Только 27 февраля 1987 года в дневнике появляется запись:

«40 лет спустя». Учитель, проповедующий права людей, живущих в свое удовольствие и никому не мешающих. Общество его ненавидит. Уходят ученики, грозят родители, директор, РОНО, Академия педнаук. Мир 20... года.

А уже в середине марта приняты все принципиальные решения: история демиурга есть рукопись Манохина, попавшая к автору от его Учителя, найдена при сносе древней гостиницы при обсерватории.

Все апостолы демиурга — соискатели, предлагают улучшить человечество путем ампутаций. Демиург ищет Великого Терапевта — «...Все они хирурги или костоправы, и нет среди них ни одного терапевта» (парафраз слов умирающего генерала иезуитов из «Виконта де Бражелона»).

История борьбы и гибели Настоящего Учителя становится сюжетным стержнем нового романа. Этот новый и окончательный вариант мы начинаем писать в конце апреля 1987 года, а последнюю точку в чистовике ставим 18 марта 1988-го.

Это был последний роман АБС, самый сложный, даже, может быть, переусложненный, самый необычный и, наверное, самый непопулярный из всех. Сами авторы, впрочем, считали его как раз среди лучших — слишком много душевных сил, размышлений, споров и самых излюбленных идей было в него вложено, чтобы относиться к нему иначе. Здесь и любимейшая, годами лелеемая идея Учителя с большой буквы — впервые мы сделали попытку написать этого человека, так сказать, «вживе» и остались довольны этой попыткой. Здесь старинная, годами лелеемая мечта написать исторический роман в манере Лиона Фейхтвангера и с позиции человека, никак не желающего поверить в существование объективной и достоверной исторической истины («не так все это было, совсем не так»). Здесь даже попытка осторожного прогноза на ближайшие сорок лет, пусть даже и обреченного изначально на неуспех, ибо нет ничего сложнее, чем предсказывать, что будет с нами на протяжении

одной человеческой жизни (то ли дело строить прогнозы лет на пятьсот вперед, а еще лучше — на тысячу)...

Любопытно сегодня смотреть на эти прогностические упражнения авторов, честно пытавшихся в меру сил своих и способностей нарисовать правдоподобную и, по возможности, содержательную картинку российской жизни третьего десятилетия века XXI. Эта картинка рисовалась уже в самый разгар перестройки, когда нам ясно стало, что серьезные изменения неизбежны и надвигаются, но нам тогда и в голову не могло прийти, насколько радикальными они будут.

Говоря сегодняшними терминами, АБС предполагали, что Россия (на самом деле СССР, конечно) пойдет по «китайскому пути»: постепенная, очень медленная либерализация экономики под неусыпным контролем слегка реформированной, но по-прежнему всемогущей КПСС. Более радикальные перемены нетрудно было, разумеется, себе представить — и раскол Партии, и сам распад СССР, и даже новую гражданскую войну, — но почти инстинктивное неверие наше в резкие исторические переломы было слишком сильно. Такие переломы всегда казались нам возможными, но чрезвычайно маловероятными, и уж в особенности маловероятным всегда казался нам практически одномоментный (в историческом масштабе) развал могущественной государственной машины, создававшейся десятилетиями, основательно проржавевшей, конечно, абсолютно бесперспективной и уже начинающей сбоить, но еще вполне и до отвращения жизнеспособной и самодостаточной.

Мир, каким он у нас стал «сорок лет спустя», существенно отличается даже от сегодняшнего. Он гораздо более стабилен, спокоен, более сыт и доволен собой. Он менее свободен, но тоталитарность его не бросается в глаза — перестройка не прошла для него даром. Горком партии по-прежнему является в этом мире авторитетом номер один, но влияние его сильно смягчено и облагорожено по сравнению с годами застоя. Это — сегодняшний Китай, может быть, несколько более привлекательный и благополучный, чем Китай конца 1990-х, но уж никак не сегодняшняя наша Россия, гораздо дальше продвинувшаяся по торной дороге постиндустриальной цивилизации и заплатившая за это продвижение дорогую цену.

Короче говоря, попытка среднесрочного прогноза нам скорее не удалась. Но иногда, наблюдая нынешние события, эту страшную, роковую, холопскую тягу нашу к стабильности любой ценой, к пресловутому «порядку», к «твердой руке и железной метле», — наблюдая все это, я без всякого удовлетворения думаю: «Черт побери, а может быть ошибившись в частностях, АБС

угадали-таки конечный результат? Где, в конце-то концов, гарантия, что горком партии не вернется к нам опять на протяжении ближайшего поколения? А кроме того, у нас ведь ни слова в романе не сказано, горком КАКОЙ ИМЕННО ПАРТИИ правит в Ташлинске начала 2030-х годов...»

27
«ЖИДЫ ГОРОДА ПИТЕРА, ИЛИ НЕВЕСЕЛЫЕ БЕСЕДЫ ПРИ СВЕЧАХ» (1990)

На протяжении многих лет Стругацкие мечтали написать пьесу. Первое упоминание об этой сладостной мечте я обнаружил еще в письмах начала 60-х.

27 декабря 1961 — АН:

Идея № 2 — мысль написать пьесу. Давай попробуем, а? На современную тему. Про людей современных, удивительных, веселых, немного злых и оптимистов великих. А? Давай, Боря, а? А пьеса у нас с тобой преотлично бы пошла, уверяю тебя. Диалоги, монологи, полилоги — так бы и посыпались. И образа бы создали смачные. Как ты, дружище? Про веселых, свирепых оптимистов, умных, знающих, честных. А? Давай попробуем?..

Но мы не попробовали. То есть АН сам, на свой страх и риск, пробовал и неоднократно. Но — либо не удавалось довести до конца, либо удавалось, но получалось «типичное не то» — вроде пьесы «Без оружия» по мотивам «Трудно быть богом». Написанная АН практически в одиночку, на взгляд БН она совсем не удалась, и не стоит, наверное, жалеть, что она так и не увидела (кажется) сцены, хотя какие-то областные театры вроде бы за нее брались, что-то там колдовали, репетировали, но не получалось у них ничего с этой пьесой.

4 ноября 1966 — АН:

Перед спектаклем Высоцкий сводил меня познакомиться с Любимовым. Очень понравился он мне. И в частности, тем, что попросил поработать для них. Мы ему страшно нравимся, родственные души. Он не навязчив, просто просит посмотреть его работы и подумать, получится ли у нас что-нибудь. Проклял я, что ты не в Москве. Надо выписать тебе командировку, чтобы ты приехал специально на театр. Пьесу будем писать! И Володя хорош (Высоцкий то есть). Он бы отлично сыграл Румату.

7 марта 1971 — АН:

Был у режиссера из Театра сатиры, написал им сходу ничего не обязывающую заявку. Режиссер снес заявку к Плучеку и к директору

театра, они будут принимать меня в среду вечером в театре. Хочу дать сценку с Эдельвейсом или начало сценки с Пришельцем...

14 марта 1971 — БН (речь идет об инсценировке «Отеля „У Погибшего Альпиниста“»):

Пришло письмо от Ренца (Оренбургский театр кукол). Он, Ренц, лично готов быть нашим соавтором. В этом случае он берет на себя консультации по композиционно-сценической организации пьесы. Мы организуем литературу.

16 марта 1971 — АН:

Был я у Плучека. Тоже дерьмо. Выслушал отрывок благосклонно, попенял, что нет-де этакой здоровой сумасшедшинки, нет бредятинки... Я его попытался прервать, что уж чего-чего, а этого... но он не слушал и нес, нес, блистал эрудицией, говорил час подряд и все без толку, и когда наш редактор-молодец! — спросил его в лоб, как насчет договора, Плучек сразу скис, и тут выяснилось, что они не могут, что их так часто подводили... пусть принесут первый вариант и тогда будет видно. Короче, я встал, поблагодарил за внимание и ушел...

23 июня 1971 — АН:

Мы с тобой получили приглашение на инсценировку или написание самостоятельной пьесы для театра-студии «Жаворонок». Они намекают на смесь «Трудно быть богом» и «Обитаемого острова». А театр очень оригинальный — актеры, маски и куклы...

Я привожу эти обрывки и выдержки из писем без всякой системы и практически наугад. Мог бы привести еще и еще. Попыток войти в контакт с театром и поработать для сцены было несколько, даже, я сказал бы, много, но чем дальше, тем меньше оставалось у нас энтузиазма по этому поводу, и в конце концов мы, отчаявшись создать для театра что-нибудь путное, махнули рукой на эту идею, полностью сосредоточившись на киносценариях. Похоже, сама судьба хотела, чтобы пьеса стала последней работой АБС.

Первые обстоятельные наметки, хотя еще вполне приблизительные, появляются в дневнике 6 октября 1989 года во время краткого наезда БН в Москву «для переговоров и обсуждений». Условное название — «Ночь страха», но уже есть

среди будущих героев и еврей, получающий повестку, начинающуюся словами: «Жиды города Москвы!..» Эпиграф предполагалось взять у Гойи: «Сон разума рождает чудовищ», но в общем и целом сюжет с первого же захода определился вполне, и даже последняя немая сцена была придумана — с непрерывно звонящим телефоном, на который все молча смотрят и никто не решается взять трубку.

Первая половина названия — «Жиды города Питера» — была принята позже, а вторую половину мы позаимствовали из старых записей еще конца 1988 года. Собственно, идея пьесы возникла именно тогда:

1 декабря 1988. Б. прибыл в Москву обсуждать ситуацию. Пьеса: «Веселенькие беседы при свечах».

Все начинается так:

1). Телевизор — детектив

2). Выключение света

3). Разговоры о неуютности жизни...

И несколько позднее:

«Разговорчики при свечах». Действие происходит спустя лет 10. Полный развал, всё вырубается одно за другим, тихий разгул органов, абсурд кромешный...

***

Позднее кое-кто приписывал нам особую проницательность: АБС якобы предвидели и описали путч 1991 года. Это и верно, и неверно. В самом конце восьмидесятых было уже совершенно очевидно, что попытка реставрации должна воспоследовать с неизбежностью: странно было бы даже представить себе, чтобы советские вседержители — партийная верхушка, верхушка армии и ВПК, наши доблестные «органы», наконец, — отдадут власть совсем уж без боя. Гораздо труднее было представить себе ту конкретную форму, в которую выльется эта попытка повернуть все вспять, и уже совсем невозможно было вообразить, что эта попытка окажется такой (слава богу!) дряблой, бездарной и бессильной. Дракон власти представлялся нам тогда хромым, косым, вялым, ожиревшим, но тем не менее все еще неодолимым.

Другой вопрос казался нам гораздо менее тривиальным,

когда мы писали свою пьесу: а нужно ли ИМ совершать путч вообще — двигать танки, вводить войска, сгонять арестованных на стадионы по методике генерала Пиночета? Может быть, вполне достаточно только припугнуть нас хорошенько, и все мы тут же послушно — с отвращением к себе и к своей судьбе, бормоча проклятия в адрес поганой власти, но послушно и безотказно, как всегда, — встанем по стойке смирно?

В реальности оказалось намешано всего понемножку — и беззаветного бунта, и покорности, и равнодушия, и радостной готовности подчиниться, — но одно АБС угадали точно: отношение молодежи к происходившему. Молодежь с удивительным единодушием сказала перевороту либо «нет», либо в крайнем случае «плевать!». И это было лучшим доказательством тому, что Старый мир прекратил существование свое в прежнем, привычном качестве и обличье. Новое поколение устами Виктора Цоя объявило: «Перемен! Мы хотим перемен!» Ничего не зная о Новом мире, оно без колебаний отвергло Старый. Как это, впрочем, обычно и происходит с каждым новым поколением, только далеко не каждому новому поколению везет оказаться на взлете своем именно в эпохе перемен.

Мы закончили пьесу в начале апреля 1990 года, и уже в сентябрьском номере «Невы» она была опубликована. Своеобразный рекорд, однако. Напоследок.

Надо сказать, мы совсем не планировали ее для театра, и полной для нас неожиданностью оказалось, что пошла она широко: Ленинград, Москва, кажется, Воронеж, Новосибирск, еще где-то. Был момент, когда она шла в доброй дюжине театров разом. В Киеве ее (с разрешения авторов) поставили под названием «Жиды города Киева», в Ленинграде (или уже в Петербурге?) сделали остроумную публицистическую телепередачу, в которой сцены из постановки перемежались вполне документальными разговорами на улицах Питера — наугад выбранным прохожим задавали вопрос, как бы они поступили, получив, подобно героям пьесы, повестку соответствующего содержания...

***

Было довольно много хлопот с названием. Звонили из разных театров, произносили речи об опасности антисемитизма, просили разрешения переменить название, оставить только «Невеселые

беседы при свечах» — мы отказывали, дружно и решительно. Название пьесы представлялось нам абсолютно точным. И дело здесь было не только в том, что название это перекидывало прочный мостик между страшным прошлым и нисколько не менее страшным виртуальным будущим. («Жиды города Киева!» — так начинались в оккупированном Киеве 1942 года обращения немецко-фашистского командования к местным евреям — приказы, собрав золото и драгоценности, идти на смерть.) Ведь все наши герои, независимо от их национальности, были в каком-то смысле «жидами» — внутри своего времени, внутри своего социума, внутри собственного народа — в том же смысле, в каком писала некогда Марина Цветаева:

...Жизнь — это место, где жить нельзя:
Ев-рейский квартал...
Так не достойнее ль во сто крат
Стать Вечным Жидом?
Ибо для каждого, кто не гад,
Ев-рейский погром -
Жизнь...

Эти слова, написанные много лет назад, и по сей день остаются в значительной мере актуальными — как тогда, как всегда. И, мне кажется, так же и по тем же причинам все еще остается актуальной наша пьеса, хотя очередного путча вроде бы пока и не предвидится (тьфу-тьфу-тьфу! чтоб не сглазить).

ИЗ КРИТИКИ ТЕХ ЛЕТ

Роман «Отягощенные злом» напоминает некий анахронизм. А стоит ли намекать на некие толстые обстоятельства, если все можно сказать открытым текстом?

То, о чем в эпоху застоя только намекалось, нынче говорится впрямую. Иносказания «не звучат». Эзопов язык не даром создан рабом. Думаю, одна из назревших задач историков: выяснить, не было ли падение рабства трагедией для скоморохов, развлекавших рабов?

«Литературная газета», 1989

Апокриф «Отягощенных злом» не идет ни в какое сравнение с булгаковской историей Га-Ноцри. На это, вероятно, не

рассчитывали и сами писатели.

Стругацкие много и охотно цитируют сами себя. Ничего нового не привнес этот роман в традиционную для них мещанскую тему.

Журнал «Новый мир», 1989

Художественно неровный, с чертами торопливой злободневности роман обращен к современникам всего с одной горячей мольбой: «Замолчите и задумайтесь!».

Как судить об этом романе более глубоко, думаю, покажет время...

Журнал «Знамя», 1989

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

12 октября 1991 года Аркадий Натанович Стругацкий скончался после тяжелой и продолжительной болезни. Писатель «А. и Б. Стругацкие» перестал существовать.

И вот еще один документ.

Последний:

Настоящим удостоверяется, что 06 декабря 1991 года прах АРКАДИЯ НАТАНОВИЧА СТРУГАЦКОГО, писателя, был принят на борт вертолета МИ-2, бортовой номер 23572, и в 14 часов 14 минут развеян над ЗЕМЛЕЙ в точке пространства, ограниченной 55 градусами 33 минутами С. широты, 38 градусами 02 минутами 40 секундами В. долготы.

Воля покойного была исполнена в нашем присутствии:

Черняков Ю. И., Соминский Ю. З., Мирер А. И, Ткачев М. Н, Гуревич М. А., Пенников Г. И.

Составлено в количестве ВОСЬМИ пронумерованных экземпляров.

***

Всего братья Стругацкие написали и опубликовали 27 повестей (включая одну пьесу и без учета рассказов, статей, сценариев и предисловий).

К началу 2003 года повести эти вышли в России общим тиражом около 45 миллионов экземпляров. В 33 странах мира выпущено 460 изданий и переизданий этих повестей на 31 языке.

ПОСТСКРИПТУМ: 8 ВОПРОСОВ БОРИСУ СТРУГАЦКОМУ ОТ ИЛЬИ СТОГОВА

— Как-то вы сказали, что, после того как скончался Аркадий Натанович, «писатель братья Стругацкие» перестал существовать. А потом выпустили два романа, подписанных псевдонимом С. Витицкий.

Вы сразу знали, что писать будете и дальше? Или рассматривали вариант, чтобы все-таки махнуть рукой и не писать больше вообще ничего?

— Мне было изначально ясно, что я обязательно буду пытаться что-то написать. Просто для самоутверждения хотя бы. Неясно только было, сумею ли я. Я знал, что писать в одиночку что-либо серьезнее статьи или рецензии невероятно трудно. Но я даже и представить себе не мог, насколько это трудно.

— В советское время вы ведь тратили огромное количество сил и времени на поединки с цензурой. А если бы не это, если бы не внешний прессинг, то все было бы иначе, да? Вы написали бы другие романы? О другом?

— Вопрос интересный. Как известно, «история не терпит сослагательного наклонения». К истории отдельных людей (к биографии) это тоже относится. Очевидно, впрочем, что социум формирует личность. Другой социум — другая личность. Другая личность — другая биография.

Скорее всего, мы все-таки стали бы писателями (начальный импульс не зависел от системы — желание писать «хорошую фантастику»). А вот что бы мы писали? Это — вопрос!

Почему-то мне кажется, что мы стали бы работать в манере Станислава Лема — из всех современных научных фантастов он нам, пожалуй, ближе всего.

— Можно немного о личном? Меня всегда интересовало: как это, старость? Что меняется?

— Старость, как известно, не радость, а большая, извините за выражение, гадость. Теряешь здоровье, теряешь энергию, теряешь друзей, теряешь возможность ставить сколько-нибудь отдаленные

цели... Горизонт делается близким, словно ты вдруг оказался на Луне. Или — по колено в яме. Неприятное ощущение. И становишься дьявольски тяжел на подъем — о чем бы ни шла речь: новый роман начинать или просто в гости сходить к кому-нибудь, на день рождения...

— Вы ведь примерный семьянин, да? Насколько большую роль сыграли женщины в Вашей жизни? Была ли супруга Вашей музой? Ради того ли, чтобы понравиться ей, Вы годами садились за стол и продолжали писать?

— Давайте не будем говорить о личной жизни. Ей-богу, это никому не должно быть интересно. «Жизнь писателя — его книги». А вовсе не его взбрыки, закидоны, прибабахи и прочие амурные приключения. Да, впрочем, и не было ничего этого в моей жизни. Дружба, любовь и работа — это, да, было, а ведь это, как известно, три главные счастья, которые жизнь может дать человеку.

— На самом деле я знаю, что Вы атеист. И не спрашиваю, верители Вы в Евангелие. Вопрос в другом: ХОТЕЛИ БЫ Вы, чтобы евангельская история была правдой? Чтобы у человека действительно нашелся могучий Друг, Который избавил бы всех нас от несчастий, от болезней, от смерти?

— «Блажен, кто верует, — тепло ему на свете!» Но я не люблю наркотиков. Никаких — будь то героин, слег или религия. Конечно, болеутоляющее — хорошая штука, и все мы прибегаем к нему, когда по-настоящему болит. (Под бомбежкой или артобстрелом самые отпетые атеисты становятся верующими.) Но я и пирамидон-то глотал, только когда терпежу уж совсем никакого не было.

— А еще я знаю, что вы равнодушны к алкоголю. И это странно, ведь все более или менее приличные прозаики умерли именно от алкоголизма.

— Хм. Сомнительное утверждение. А Толстой? А Булгаков? А Гроссман? А Трифонов? Или они, на Ваш взгляд, недостаточно «приличны»?

— Писателя Уильяма Бероуза спросили, что происходит с человеком после смерти, и он ответил: «Ничего. Ты просто умираешь, и все». Вы тоже так считаете? Что человек просто

умирает и все?

— «Куда девается ток, когда его выключают?» Боюсь, когда мы умираем, мы умираем совсем, без всякого остатка и без всякой надежды хоть в каком-то виде сохраниться. Смерть — это очень просто. И очень печально.

— Вы считаете, Ваша жизнь удалась? Все происходившее — стоило оно того, чтобы происходить?

— Наверное, удалась! Уж очень жалко, что она идет к концу.

notes

Примечания

1

В середине 70-х ленинградский историк и литератор, Михаил Хейфец был арестован органами и судим по 70-й статье УК РСФСР («антисоветская агитация и пропаганда») за то, что написал и давал читать знакомым статью о творчестве Иосифа Бродского. Получил на всю катушку: «семь плюс пять» (семь лет лагерей и пять лет ссылки).